

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
БАНКОВСКИЙ ИНСТИТУТ

• 1991 •

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
МЕЖДУНАРОДНОГО
БАНКОВСКОГО ИНСТИТУТА

№1(39) 2022 г.

PROCEEDINGS OF THE
INTERNATIONAL BANKING INSTITUTE

Ученые записки Международного банковского института. Вып. №1(39) / Под науч. ред. М.В. Сиговой. – СПб.: Изд-во МБИ, 2022. – 184 с.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (решение ВАК при Минобрнауки России от 07.06.2017 г.).

ISSN: 2413-3345

Выпуск содержит материалы научных исследований преподавателей, сотрудников и аспирантов Международного банковского института имени Анатолия Собчака, материалы исследований и работы специалистов и экспертов в области экономики и финансов.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей и аспирантов вузов, а также специалистов-практиков, занимающихся проблемами экономики.

Proceedings of the International Banking Institute/ Issue No 1(39) / Edited by M.V. Sigova. – St. Petersburg: IBI publishing, 2022. – 184 p.

ISSN: 2413-3345

Proceedings of the International Banking Institute/ Issue No 1(39). Research papers of professors and postgraduates of the International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak and the papers of specialists and experts in the economics and finance.

The issue is intended for research workers, teachers and postgraduates of higher education institutions, as well as for experts who are specialized in the problems of modern economy.

Главный редактор

Сигова М.В. – ректор МБИ имени Анатолия Собчака, д.э.н., профессор

Ответственный за выпуск

Круглова И.А. – проректор по научно-образовательной деятельности МБИ имени Анатолия Собчака, к.э.н., к.ю.н., доцент

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону. Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов, авторы статей несут полную ответственность за точность приводимых сведений, данных и дат. Все публикуемые материалы проходят обязательное рецензирование.

Номер подписки 1(39) 2022

Подписной индекс по каталогу «Урал-пресс» 88707

ISSN: 2413-3345

© АНО ВО «Международный банковский институт имени Анатолия Собчака», 2022

**Редакционная коллегия научного журнала
«Ученые записки Международного банковского института»**

Главный редактор

Сидова Мария Викторовна, ректор Международного банковского института имени Анатолия Собчака (МБИ имени Анатолия Собчака), председатель редакционного совета по историческим, социологическим и экономическим наукам журнала «Научное мнение», член президиума редакционной коллегии журнала «Научное мнение», председатель ученого совета МБИ, доктор экономических наук, профессор

Заместители главного редактора

Аксаков Анатолий Геннадьевич, председатель комитета Государственной думы РФ по финансовому рынку, президент Ассоциации региональных банков России, кандидат экономических наук, доцент

Гриб Владислав Валерьевич, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ, член Общественной палаты РФ, доктор юридических наук, профессор

Холыст Януш Анджей, профессор физического факультета Варшавского технологического университета, руководитель Центра передовых системных исследований, PhD физико-математических наук (Польша)

Редакционная коллегия

Вертакова Юлия Владимировна, заведующая кафедрой региональной экономики и менеджмента ФГБОУ «Юго-Западный государственный университет», доктор экономических наук, профессор

Гриб Владислав Валерьевич, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ, член Общественной палаты РФ, доктор юридических наук, профессор

Ключников Игорь Константинович, научный руководитель АНО ВО «МБИ имени Анатолия Собчака», доктор экономических наук, профессор

Круглова Инна Александровна, проректор по научно-образовательной деятельности Международного банковского института имени Анатолия Собчака, заместитель председателя ученого совета МБИ, кандидат экономических наук, кандидат юридических наук, доцент (*ответственный редактор журнала*)

Никонова Ирина Александровна, профессор кафедры экономики и финансов предприятий и отраслей Международного банковского института имени Анатолия Собчака, доктор экономических наук, профессор

Плотников Владимир Александрович, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли СПбГЭУ, заместитель главного редактора научного журнала «Известия СПбГЭУ», доктор экономических наук, профессор

Пыжикова Наталья Ивановна, ректор Красноярского государственного аграрного университета, доктор экономических наук, профессор

Романова Галина Максимовна, ректор Сочинского государственного университета, доктор экономических наук, профессор

Спуренберг Клеменс, директор Голландского института банковского дела, инвестиций и страхования, Амстердам (Нидерланды)

Широв Александр Александрович, заместитель директора Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, заведующий лабораторией анализа и прогнозирования производственного потенциала и межотраслевых взаимодействий, доктор экономических наук, профессор

Учредитель: Автономная некоммерческая организация высшего образования

«Международный банковский институт имени Анатолия Собчака»

Дата и номер свидетельства о регистрации средства массовой информации

ПИ №ТУ78-01791 от «9» декабря 2015 г.

Публикуются материалы по направлению «Экономические науки»

(группы специальностей 08.00.01 «Экономическая теория»; 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством»; 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит»;

08.00.14 «Мировая экономика»)

Журнал включен в Перечень ВАК

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования

Адрес редакции: 191023, Санкт-Петербург, Невский пр., 60. Т.: (812) 571-65-55; (812) 571-12-19 (факс)

Редактор русскоязычных текстов Е.П. Бугрий

Редактор англоязычных текстов Е.В. Штылева

The editorial Board of the scientific journal Proceedings of the International Banking Institute

Editor-in-Chief

Sigova Maria Viktorovna, the rector of the International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak (IBI named after Anatoliy Sobchak), the Chairman of the editorial Board of the historical, sociological and economic Sciences magazine «Scientific Opinion», member of the editorial Board of the journal «Scientific Consensus», the Chairman of the Academic Council of IBI, Doctor of Sciences in Economics, Professor

Deputy Editor-in-Chief

Aksakov Anatoly Gennadyevich, the Chairman of the State Duma Committee on economic policy, innovative development and entrepreneurship, the President of Regional Banks Association of Russia, PHD in Economics, associate professor

Grib Vladislav Valetievich, Vice President of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation, member of the Public Chamber of the Russian Federation, Doctor of Sciences in Law, professor

Holyst Janusz Andrzej, professor, physics Department, Warsaw University of Technology, head of the Center for advanced system studies, PhD in Physics and Mathematics (Poland)

Editorial Board

Vertakova Yulia Vladimirovna, head of the Regional economy and management chair in FGBOU «South-western State University», Doctor Sciences in Economics, professor

Grib Vladislav Valetievich, Vice President of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation, member of the Public Chamber of RF, Doctor of Sciences in Law, professor

Klyuchnikov Igor Konstantinovich, scientific consultant of the International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak (IBI named after Anatoliy Sobchak), Doctor Sciences in Economics, professor

Kruglova Inna Aleksandrovna, Deputy rector for Science of the International Banking Institute, Deputy Chairman of the Academic Council of IBI named after Anatoliy Sobchak, PHD in Economics, PHD in Law, professor (Executive editor)

Nikonova Irina Aleksandrovna, Professor of the Department of Economics and Finance of Enterprises and Industries of the International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak, Doctor of Sciences in Economics, professor

Plotnikov Vladimir Alexandrovich, Professor of the General economic theory and the history of economic doctrines Department, St. Petersburg State Economic University, Deputy Editor-in-Chief of the scientific journal «St. Petersburg State Economic University Newsletter», Doctor of Sciences in Economics, professor

Pyzhikova Natalia Ivanovna, rector of Krasnoyarsk State Agrarian University, Doctor of Sciences in Economics, professor

Romanova Galina Maksimovna, rector of Sochi State University, Doctor of Sciences in Economics, professor

Spoorenberg Clemens, director of the Dutch Institute for Banking Insurance and Investment, Amsterdam (Netherlands)

Shirov Alexander Alexandrovich, Deputy Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, head of the laboratory of analysis and forecasting productive capacity and cross-sectoral interactions, Doctor of Sciences in Economics, professor

Founder: Autonomous Non-profit Organization of Higher Education

«International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak»

Date and number of certificate of registration in mass media

PI NO. TU-01791 dated December 9, 2015

Scientific articles submitted for publication in the journal must conform to the General direction of the publication: «Economic science» (specialty group 08.00.01 «Economic theory»; 08.00.05 «Economics and national economy management»; 08.00.10 «Finance, monetary circulation and credits»; 08.00.14 «World economy»)

The journal is included in the List of HAC

The journal is included in the Russian index of scientific citation

Address: 191023, St. Petersburg, Nevsky prospect, 60. Vol.: (812) 571-65-55; (812) 571-12-19 (Fax)

The editor of the Russian texts E.P. Bugriy

Editor, English edition E.V. Shtyleva

СОДЕРЖАНИЕ

Зеленая экономика и финансы

Кабир Л.С., Яковлев И.А. Обоснование климатической повестки и энергоперехода в зарубежных исследованиях: формирование институциональной среды.....	7
Ключников И.К., Сигова М.В., Ключников О.И. Деградация земель в системе замораживания активов и финансовых рисков.....	23
Курочкина А.А., Лукина О.В., Круглова И.А. Экологический бизнес: проблемы и перспективы развития.....	41
Резванов Р.И. Доктрина продовольственной безопасности (2020) и ESG-трансформация сельского хозяйства и АПК России.....	57

Проблемы экономики и финансов

Галазова М.В. Развитие активов предприятий в парадигме фаз экономического цикла.....	81
Головко М.В., Плотников В.А. Цифровые тренды и трудовые ресурсы: анализ взаимосвязей.....	91
Градобоев Е.В. Анализ и оценка результатов реализации экономического механизма в сфере здравоохранения Иркутской области.....	103
Лядова Ю.О. Импортзамещение как фактор, влияющий на финансовую устойчивость предприятия в условиях нестабильной экономической обстановки.....	118
Микуленков А.С. Искусственный интеллект: драйвер цифровой трансформации и источник экономических угроз.....	129
Пирогова О.Е., Павлова С.В. Модель коммерциализации товарных знаков на основе их функций в деловом цикле компании.....	147
Супатаев Т.М. Стратегии адаптации нефтегазовых компаний к условиям нового технологического уклада с учетом необходимости обеспечения экономической безопасности.....	158
Третьяк В.В., Никитина И.А., Панарин А.А. Система управления рисков ситуации как основа обеспечения экономической безопасности предприятия.....	169
Требования к материалам, представляемым для публикации	180

CONTENTS

Green economy and finance

Kabir L.S., Yakovlev I.A. Justification of the climate agenda and energy transition in foreign studies: formation of the institutional environment.....	7
Klioutchnikov I.K., Sigova M.V., Kliuchnikov O.I. Land degradation in the asset freeze and financial risk system.....	23
Kurochkina A.A., Lukina O.V., Kruglova I.A. Environmental business: problems and prospects of development.....	41
Rezvanov R.I. Food security doctrine (2020) and ESG-transformation of Russian agriculture.....	57

Problems of Economics and Finance

Galazova M.V. Development of assets of enterprises in the paradigm of phases of the economic cycle.....	81
Golovko M.V., Plotnikov V.A. Digital trends and workforce: analysis of relations.....	91
Gradoboev E.V. Analysis and evaluation of the results of the implementation of the economic mechanism in the sphere of health care of the Irkutsk region.....	103
Lyadova Yu. S. Import substitution as a factor affecting the financial stability of an enterprise in an unstable economic environment.....	118
Mikulenkov A.S. Artificial intelligence: the driver of digital transformation and the source of economic threats.....	129
Pirogova O.E., Pavlova S.V. Model of trademarks commercialization based on their functions in the business cycle of the company.....	147
Supataev T.M. Strategies of adaptation of oil and gas companies to the new technological paradigm in order to ensure economic security.....	158
Tretjak V.V., Nikitina I.A., Panarin A.A. Risk situation management system as a basis for economic security of the enterprise.....	169
<i>Requirements to the author's materials</i>	180

ОБОСНОВАНИЕ КЛИМАТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ И ЭНЕРГОПЕРЕХОДА В ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ

Людмила Сергеевна КАБИР¹, д. э. н., профессор, профессор РАН

Игорь Алексеевич ЯКОВЛЕВ², к. э. н.

¹Главный научный сотрудник Центра международных финансов ФГБУ «Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации»

²Руководитель Центра международных финансов ФГБУ «Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации»

Адрес для корреспонденции: Л.С. Кабир, 127006, г. Москва, Настасьинский пер., д. 3, стр. 2,
Российская Федерация

Т.: +7 495 699-78-75, доб. 259. E-mail: lkabir@nifi.ru

Аннотация

Климатическая политика сегодня выступает в качестве доминанты, определяющей вектор регулирования и политического вмешательства в большинство сфер жизнедеятельности современного общества. Описание механизмов, при помощи которых осуществляется проникновение климатической политики в национальную повестку страны, и ее ключевой идеи – энергоперехода – позволит понять логику этого процесса и основные действующие силы.

Цель исследования – уточнение институциональной среды, которая должна обеспечить реализацию климатической повестки.

Методологическую основу исследования составляет контент-анализ зарубежных исследований с целью содержательной интерпретации выявляемых фактов и тенденций. Проведенный анализ позволил выявить ключевых координаторов и регуляторов действий по построению странами низкоуглеродной экономики.

Результатом исследования являются сформулированные обобщения и выводы в отношении того, кто выступает движущей силой климатической политики и энергоперехода и какой субъект выступает конечной целью воздействия.

Ключевые слова

Климатическая повестка, устойчивое развитие, зеленая экономика, международные организации, правительства стран, политические партии, гражданское общество, институциональные инвесторы.

JUSTIFICATION OF THE CLIMATE AGENDA AND ENERGY TRANSITION IN FOREIGN STUDIES: FORMATION OF THE INSTITUTIONAL ENVIRONMENT

Lyudmila S. KABIR, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS)¹

Igor A. YAKOVLEV, PhD (Economics)²

¹ Chief Researcher of International Finance Centre, Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation

² Head of International Finance Centre, Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation

Address for correspondence: L.S. Kabir, 127006, Moscow, Nastasyinsky Lane, 3, b. 2, Russian Federation

Phone +7 495 699-78-75 (extension number 259). E-mail: lkabir@nifi.ru

Abstract

Today, climate policy acts as the dominant determining vector of regulation and political intervention in most spheres of life of modern society. The description of the mechanisms by which the penetration of climate policy into the national agenda of the country and the policy's key idea – energy transfer – will help understand the logic of this process and the main players.

The purpose of the study is to specify the institutional environment that would ensure the implementation of the climate agenda.

The methodological foundation of the study is the content analysis of foreign studies in order to interpret the revealed facts and trends in a meaningful way. The analysis made it possible to identify key coordinators and regulators of actions that build a low-carbon economy by countries.

The outcomes of the study are the formulated generalizations and conclusions regarding what is the driving force of climate policy and energy transition and which subject is the ultimate goal of the impact.

Keywords

Climate agenda, sustainable development, green economy, international organizations, national governments, political parties, civil society, institutional investors.

Введение. Геополитические события конца февраля 2022 года продемонстрировали неэффективность существующего миропорядка и доказали необходимость пересмотра имеющихся глобальных концепций и подходов к регулированию различных аспектов жизнедеятельности современного общества, в том числе и экономических. Уже сейчас с уверенностью можно сказать, что мир завтра будет серьезно отличаться от мира, который был до февральских событий. Преодоление текущего конфликта внесет в мировую политику и политику отдельных стран серьезные изменения, которые еще предстоит увидеть и оценить. Тем не менее уже сегодня необходимо начать работу по переосмыслению идеологических концептов, формировавших матрицу той модели экономики, которую мы сегодня покидаем и которая, несмотря на предпринятые в прошлом мировым сообществом усилия на ее модернизацию и обновление, так и не смогла обеспечить устойчивое развитие.

Одним из множества имеющихся идеологических концептов, который сегодня вступил в фазу переосмысления, является концепция устойчивого развития и основанная на ней модель зеленой экономики, доминантой которой выступала климатическая повестка. Процесс энергоперехода, провозглашенный развитыми странами, идейно возглавившими данный процесс, получает сегодня совершенно неожиданный поворот¹, который либо приведет к торможению и возможному отказу от реализации этого процесса, либо, наоборот, запустит механизм по скорейшей разработке научно-технологических основ и финансового обеспечения подобного перехода. Пониманию того, в каком направлении могут развиваться события, способствует предлагаемый анализ различных ситуаций, через которые проходили страны, выступающие лидерами в построении зеленой экономики², в частности, анализ того, каким образом осуществлялось обоснование энергоперехода для национальных экономик и какие механизмы выстраивались для мотивации ключевых субъектов этого процесса.

Цель и задачи исследования. К началу XXI в. зеленая экономика утвердилась в качестве признанной обществом модели экономики, способной обеспечить трансформацию существующей неустойчивой модели экономического развития в сторону новой, более устойчивой модели. Климатическая повестка в полной мере интегрирована в зеленую экономику, поскольку призывает к технологической модернизации промышленного производства с целью снижения его энергоемкости, а также переходу к возобновляемым источникам энергии, чтобы сократить выбросы парниковых газов и таким образом противостоять климатическому кризису. Более того, можно сказать, что климатическая политика выступает в качестве доминанты, определяющей вектор регулирования и политического вмешательства в большинство сфер жизнедеятельности современного общества.

Естественным оказалось, что такой феномен не мог не попасть в периметр изучения со стороны общественных наук. Сегодня сформировался обширный пласт научных исследований, которые подвергают анализу различные аспекты становления и развития климатической повестки и связанной с ней энергетической политики стран с целью формирования научно

¹ Стремительный рост биржевых цен на нефть и газ. Заявление США об отказе от экспорта российских энергоносителей и призыв к другим странам последовать их примеру.

² Зеленая экономика – это процесс, который возник в рамках концепции устойчивого развития и может существовать только в ее контексте. Главным в зеленой экономике следует признать обеспечение сдвига промышленного производства в сторону нового технологического уклада, который позволит избежать тех кризисов, которые проявляются сегодня и наблюдались в прошлом. Это означает, что зеленая экономика по своей сути выступает глобальным модернизационным проектом. Данное видение экономики будущего уже вошло в программы и стратегии развития целого ряда стран. Черты новой зеленой экономики становятся все более четкими, и представляется эта экономика в формате несерьезной модели развития.

обоснованного мнения о причинах происхождения этого процесса, выявления фундаментальных воздействующих факторов, объясняющих текущее состояние и определяющих дальнейший ход его развития. Настоящий обзор не ставит своей целью представить детальный анализ всех существующих к настоящему времени исследований, концентрирующихся на проблематике климатической политики стран, нашей целью является обобщение основных идей зарубежных ученых, которые проливают свет на истинные движущие силы этого процесса и помогают лучше понять механизм проникновения климатической проблематики в национальную повестку стран.

Материалы и методы исследования. Основными материалами для исследования послужили публикации зарубежных ученых, рассматривающих с различных позиций теоретические и практические аспекты обоснования в политике стран климатической повестки и доказательства целесообразности энергоперехода. Был проведен контент-анализ зарубежных исследований с целью содержательной интерпретации выявляемых фактов и тенденций, позволяющей установить определенные закономерности в процессе принятия зарубежными странами климатической повестки и обоснования принимаемых решений. Проведенный анализ позволил выявить ключевых координаторов и регуляторов действий по построению странами низкоуглеродной экономики, а также основные идеи, которые вкладываются сегодня различными субъектами управления для обоснования процесса энергоперехода. Полученные результаты исследования анализировались в целях выявления ключевых субъектов в решении проблем изменения климата и механизмов управления поведением этих ключевых субъектов.

Результаты исследования. Первый вопрос, с которого хотелось бы начать рассмотрение обозначенной проблемы, это вопрос о *роли международной бюрократии в формировании климатической повестки и мотивации стран к ее принятию*. Это важно, потому что международные бюрократические структуры ставят существующие проблемы в политическую повестку дня, собирают, анализируют и распространяют знания, стимулируют публичные дебаты, организуют дискуссии между заинтересованными сторонами, оказывают поддержку субъектам гражданского общества в международных переговорах и помогают в осуществлении согласованных на международном уровне норм и правил. Все это вызывает необходимость взаимодействия международных бюрократических структур, во-первых, с контролирующими их национальными правительствами и, во-вторых, с множеством субнациональных и негосударственных субъектов, также участвующих в разработке глобальной политики различными способами.

Возможности, которые могут извлечь международные организации от второй линии взаимодействия, ранее не рассматривались в качестве приоритетных или существенно значимых, но современные исследования [1; 2; 3; 4] доказывают ошибочность этого мнения.

До последнего времени распространенным было мнение о том, что, несмотря на то что международная бюрократия имеет значительное влияние в различных стратегических областях, Секретариат рамочной конвенции ООН по изменению климата (далее – РКИК ООН) обладает крайне ограниченными полномочиями для продвижения климатической повестки и влияния на политику стран. Объяснялось это тем, что специфика проблемы данной стратегической области поспособствовала тому, что национальные правительства обеспечили эту межправительственную структуру относительно узким мандатом, в результате политическое влияние этой структуры ограничено по сравнению с другой международной экологической бюрократией. Последние исследования [5; 6; 7; 8] опровергают этот вывод и доказывают возрастающее воздействие РКИК ООН на результаты климатической политики и превращение ее в эффективного координатора и регулятора действий стран. Закономерным является вопрос, как РКИК ООН удалось осуществить эту революцию, если изначально ее возможности по воздействию на страны были невелики?

Способ, который был применен, получил название «стимулирующее гармоническое сочетание» [8]. Его суть заключается в том, что международная организация использует посредника (межнациональные сети, неправительственные организации, государственно-частные партнерства), чтобы влиять на определенную целевую аудиторию (страны). При этом выбираются такие методы влияния на посредников, которые не отнимают много времени и не требуют политического одобрения высокого уровня. В качестве таких методов могут быть использованы прямая помощь, публичное одобрение действий или координация.

Секретариат РКИК ООН в полной мере воспользовался этим способом, активно вовлекая негосударственных субъектов, чтобы оказать воздействие на правительства стран. Исследователи [8] обращают внимание на три инициативы, которые имели успех. Во-первых, это инициатива «Импульс перемен» (Momentum for Change Initiative)³, представленная общественности в 2011 году и профинансированная не за счет бюджета, а за счет пожертвований. Суть инициативы – публикация на официальном веб-сайте конкретных мероприятий, реализуемых гражданским обществом и деловыми кругами,

³ <https://unfccc.int/climate-action/un-global-climate-action-awards>

показывающих, что люди и компании делают для борьбы с изменением климата. Таким образом, РКИК ООН, оказывая материальную и идеологическую поддержку негосударственным субъектам, достигла цели – *создания демонстрационного эффекта для национальных правительств в том, что касается возможных мер по смягчению последствий изменения климата.*

Еще одна цель – *стимулировать действия в области борьбы с изменением климата и поощрять активистов от всех социальных областей и политических уровней* – достигается с помощью инициативы «The Lima-Paris Action Agenda» (LPAА)⁴, созданной в 2014 году, с помощью которой размещается информация от компаний и организаций о конкретных добровольных реализуемых проектах, направленных на переход к низкоуглеродной экономике. Третья инициатива, также запущенная в 2014 году, – платформа Non-State Actor Zone for Climate Action (NAZCA)⁵ создана для координации различных связанных с климатической политикой мер отдельных инвесторов, общественных организаций, компаний, городов и регионов и регистрации их отдельных обязательств. Ее цель – *улучшить видимость климатических проектов национальных компаний для правительств стран, чтобы тем самым побудить страны к формулированию амбициозных целей.*

Решаемая задача этих и других инициатив РКИК ООН – мобилизовать пропагандистскую деятельность через демонстрационный эффект или иным образом оказать давление на национальные правительства, чтобы достичь прогресса в многостороннем договорном процессе. Таким образом, реализуя стратегию поддержки и диалога с неправительственными активистами, РКИК ООН обеспечил стимул для множества связанных с климатом проектов во всех частях мира, выполненных местными органами власти, региональными правительствами, бизнесом и некоммерческими предприятиями, мотивируя таким образом правительства стран решить проблему изменения климата и обеспечить успешное проведение переговоров по Парижскому соглашению.

Следующий вопрос – это ***влияние политических партий на способность национальных правительств реализовать амбициозные планы в области климатической и энергетической политики.*** Наибольший интерес для исследователей [9; 10; 11; 12] здесь представляли подходы популистских партий к энергетической и климатической политике и влияние на нее. Выделяется левое и правое крыло, а также центристское направление. Левые популисты определяют людей как класс и обычно подчеркивают проблему

⁴ <https://cop23.unfccc.int/news/the-lima-paris-action-agenda-promoting-transformational-climate-action>

⁵ <https://www.climate-chance.org/en/library/nazca/>

экономической эксплуатации, поддерживая более сильное вмешательство государства в экономику и перераспределение богатства. Правые популисты определяют людей на основе культурных концепций, таким образом, нейтивистское движение, национализм, объединенный с ксенофобией, является их идеологической основой. Гипотеза исследования [12] заключалась в том, что левые партии будут продвигать амбициозную климатическую и энергетическую повестку, защищая прямое вмешательство правительства и государственную собственность. Одновременно менее вероятно, что правые популисты поддержат межнациональные усилия по борьбе с изменением климата, поскольку они будут указывать на национальную идентичность и подчеркивать экономические последствия для отрицательно затронутых групп или даже всей страны. Поведение центристов будет оказывать слабое влияние, поскольку здесь отсутствует господствующая идеология в явном виде.

Исследование [12] показало, что левые популисты действительно придают большее значение проблемам климатической и энергетической политики и объявляют более амбициозные цели. Они подчеркивают безотлагательность политики смягчения изменений климата и адаптации к ним, обвиняют элиты в отказе от этой политики и призывают к большему международному сотрудничеству, экономическому перераспределению и участию граждан в реализации климатической и энергетической политики. Правые партии в отношении климатической и энергетической политики используют популистские аргументы, чтобы защитить государственный суверенитет и оградить национальную промышленность и потребителей от политики декарбонизации.

Различные варианты популизма эксплуатируют растущие социополитические изменения, чтобы мобилизовать «за» или «против» климатической и энергетической политики. Бескомпромиссная политика правых популистов по отдельным вопросам действительно создает проблему управления национальной климатической политикой. Тем не менее отсутствуют доказательства, что правые популисты затрудняют принятие решений в области климатической и энергетической политики. Отсутствие общих позиций среди правых партий подрывает их потенциал, в то время как левые и центристы демонстрируют способность управления климатической и экологической политикой, достигая своих целей.

В целом исследования доказывают, что популистские партии не демонстрируют несистемное поведение и часто смягчают свою позицию и идут на компромиссы, становясь партией власти.

Следует обратить внимание на еще одно направление исследований в этой области, а именно исследования, изучающие влияние политического режима на выбираемую страной климатическую политику. Так, в статье [13] на основе построения модели, охватывающей 74 страны, с целью выявления связи между демократией, автократией, глобализацией и выбросами CO₂, делается вывод о том, что автократические режимы в целом не благоприятствуют климатической политике, создают угрозы в виде роста экологических дефицитов. Это объясняется сосредоточенностью автократических режимов на краткосрочных целях, дающих быстрый видимый эффект и пренебрежение стратегическим планированием, таким как экологическая и климатическая политика.

Глобализация также не всегда является положительным фактором для климатической повестки. Экономическая глобализация приносит положительные результаты, если снимает торговые барьеры между развитыми и развивающимися странами для экспорта экологического оборудования, низкоуглеродных технологий, энергоэффективных инвестиций, поощряя тем самым реализацию климатических проектов. Также и финансовая глобализация, если она поощряет финансирование и кредитование зеленых проектов, то обеспечивает возможности финансирования мер в рамках климатической политики.

На основе результатов моделирования делаются следующие рекомендации для развивающихся стран, направленные, по мнению исследователей, на укрепление национальной климатической политики:

- повышение уровня демократии в стране, что должно способствовать повышению качества общественных институтов, способствующих социальной безопасности и реализации политики низкоуглеродного развития, а также развитию природоохранного законодательства;

- формирование эффективного налогообложения, снижающего активность углеродоемких секторов и повышающих активность безуглеродных или низкоуглеродных секторов;

- стимулирование международной торговли в чистых секторах, поощрение научных исследований и передача экологических технологий, поощрение климатических проектов, использование углеродных кредитов;

- эффективное экологическое образование и повышение осведомленности;

- участие в различных международных климатических конвенциях.

Не уменьшая значение и роль, которую играют бюрократические структуры и политические системы в продвижении климатической повестки,

нельзя обойти вниманием *роли частных субъектов в решении проблем изменения климата* и тех механизмов, которые они формируют для этого. Здесь перед нами раскрывается целый спектр исследований, которые предлагают сместить фокус с изучения традиционного государственного управления, т.е. с правительств и политиков, их готовности сотрудничать по таким глобальным проблемам, как окружающая среда и изменение климата, на «частную» власть. И в первую очередь анализу подвергаются институциональные инвесторы. Объяснение этого факта простое – институциональные инвесторы контролируют триллионы долларов капитала и инвестируют в десятки тысяч компаний по всему миру. Все чаще эти инвесторы внедряют принципы климатического, экологического и социально ответственного управления в свою деятельность. Также сегодня наблюдается формирование широкого круга коллективных механизмов управления поведением институциональных инвесторов, призванных продвигать принципы, связанные с социально ответственным инвестированием. Например, проект Механизм раскрытия информации о выбросах парниковых газов (Carbon Disclosure Project, CDP)⁶, или Международная коалиция за экологически ответственную экономику (Coalition for Environmentally Responsible Economies, CERES)⁷, или инициатива ООН Принципы ответственного инвестирования (Principles of Responsible Investments, PRI)⁸ и многие другие организации и проекты. Закономерными становятся два вопроса:

1) чем объясняется подъем социально ответственного инвестирования и появление коллективных механизмов управления поведением институциональных инвесторов;

2) какова роль этих частных негосударственных механизмов с институциональными инвесторами в качестве ключевого актора в регулировании климатической политики.

Одна из точек зрения [14, с.49] заключается в том, что социально ответственные инвестиции отражают призыв к большей корпоративной социальной ответственности и демонстрируют попытку заполнить растущий разрыв между размером и мощностью глобальных фирм и способностью и/или желанием национальных правительств адекватно их регулировать. Иначе говоря, аргументом социально ответственных инвестиций, а также создания и эволюции коллективных механизмов управления поведением институциональных инвесторов является так называемая «логика последствий», т.е. инвесторы признают материальную выгоду от коллективных

⁶ <https://www.cdp.net/en>

⁷ <https://ceres.org/homepage>

⁸ <https://www.unpri.org/an-introduction-to-responsible-investment/what-is-responsible-investment/4780.article>

действий по использованию своей финансовой мощи для изменения корпоративного поведения по отдельным вопросам. Например, что касается изменения климата, то для бизнеса имеет смысл создать механизмы, смягчающие его последствия. Это объяснение соответствует основной *рационалистической концепции*, представляющей коллективные действия как более или менее формальные правила, созданные рационально действующими агентами, чтобы максимизировать свою полезность.

Второе объяснение подъема социально ответственных инвестиций, а также создания и эволюции коллективных механизмов управления поведением институциональных инвесторов связано с необходимостью переориентации рыночных норм, определяющих приемлемое поведение корпораций в глобальной экономике, и обусловлено *конструктивистской концепцией* [14, с.50]. Это объяснение формулируется в контексте «логики уместности», подчеркивающей, что поведение акторов и создаваемые ими институты формируются под влиянием социально сконструированных норм. Нормы обычно определяются как разделяемые обществом ожидания, представления или стандарты соответствующего поведения для акторов с определенной идентичностью. Нормы одновременно являются регулятивными (упорядочивающими и ограничивающими поведение) и конститутивными (наделяющими агентов определенными возможностями и полномочиями, определяющими их базовые идентичности, интересы и предпочтения).

Таким образом, конструктивистское объяснение предполагает, что механизмы и нормы, которые они включают, помогают социализировать и легитимизировать инвесторов и, в некоторой степени, организации гражданского общества в качестве агентов для управления корпоративным поведением в специальных областях.

Оба эти объяснения, как и почему инвесторы пришли к новому определению приемлемого поведения корпораций, основываются на предположении о том, что социализация институциональных инвесторов является результатом *внутренних* обсуждений в самом сообществе инвесторов и не исключают возможности *внешних* обсуждений со стороны организаций гражданского общества, государства, межправительственных организаций [14, с.51].

Роль государства и межправительственных организаций, на первый взгляд, кажется парадоксальной, поскольку первоначально делался вывод, что частное управление возникает из-за недостаточного участия государственной власти в управлении определенными сферами, что вызывает ответную реакцию для заполнения пробела. Однако отдельные исследования [15] доказывают, что

роль государства не стоит ставить под сомнение. Формирование частных механизмов происходит потому, что правительства просто предпочитают, чтобы другие акторы взяли на себя ведущую роль в управлении конкретной проблемной областью.

Еще одно объяснение [14, с.53] строится на том, что частное управление существует как ядро формирующегося глобального общественного пространства, которое находится вне государственных структур и состоит из нетрадиционных форм власти. В результате правительства не обязательно теряют свою значимость. На самом деле они иногда решают войти в это пространство различными способами, действуя для кодификации определенных практик, направленных на повышение подотчетности частных инициатив. Таким образом, государства и правительственные субъекты могут иметь решающее значение для подъема социально ответственного инвестирования и появления коллективных механизмов управления поведением институциональных инвесторов.

В итоге, рассматривая и объясняя значение коллективных механизмов управления поведением институциональных инвесторов в решении проблем изменения климата, исследователи приходят к следующим двум выводам:

1) Механизмы возникли как из-за рациональных требований рынка и восприятия возросших материальных рисков для инвесторов, так и из-за изменения норм инвестиционного сообщества в отношении того, что является приемлемым поведением бизнеса с учетом изменения климата;

2) Хотя инициаторами механизмов являются институциональные инвесторы, практическая реализация этих механизмов обусловлена присутствием или деятельностью других акторов, в частности, организаций гражданского общества и правительств.

Выводы. Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов и обобщений в отношении того, кто выступает движущей силой климатической политики и энергоперехода и какой субъект выступает конечной целью воздействия.

1) Несмотря на то что были рассмотрены три уровня, запускающие процесс энергоперехода, ключевым следует признать международный уровень. Именно на международном уровне формируются правила климатической политики и определяются ожидаемые модели поведения всех остальных участников (правительств, неправительственных организаций, частных компаний, граждан). Международные организации, используя такие методы, как прямая помощь, публичное одобрение и координация действий, мобилизуют пропагандистскую деятельность и оказывают давление на

правительства стран, чтобы, во-первых, побудить их к активным действиям в области национальной климатической политики и, во-вторых, повысить договороспособность стран при обсуждении климатической повестки на международном уровне.

2) Климатическая проблематика, формулируемая на международном уровне, также становится центром дискуссии национальных политических партий во время политических дебатов, предшествующих выборам. Несмотря на то что партии мобилизуют электорат в дискуссиях «за» или «против» климатической политики и энергоперехода, но в целом они не затрудняют принятие решений в этой области и часто смягчают свои позиции и идут на компромиссы, становясь партией власти.

3) Уровень интегрированности страны в мировую экономику и политический режим также влияют на степень принятия международной климатической повестки в национальную стратегию развития. Страны с более демократичными режимами и более интегрированные в систему международных отношений сильнее восприимчивы к идеям борьбы с изменением климата и энергетического перехода.

4) Ключевым субъектом, на которого в рамках принимаемой климатической политики оказывается воздействие со стороны всех вышеперечисленных акторов (международные организации, правительства, политические партии), а также гражданского общества, являются институциональные инвесторы. Это воздействие осуществляется посредством формирования широкого круга коллективных механизмов управления поведением институциональных инвесторов, призванных продвигать принципы, связанные с социально ответственным инвестированием.

5) Таким образом, инициатором формирования институциональной среды, необходимой для реализации климатической политики, выступает международная бюрократия в лице международных структур. Стимулируя действия в области борьбы с изменением климата и поощряя активистов, разрабатывая согласованные на международном уровне нормы и правила для мотивации поведения правительств стран и неправительственных организаций, международные организации тем самым формируют многоуровневую институциональную среду, обеспечивающую продвижение климатической политики и энергоперехода.

Большая зависимость климатической политики именно от международного уровня управления ставит перспективы ее дальнейшей реализации в зависимости от глобальной конъюнктуры и глобальной политики, а не в зависимости от национальных проблем развития и бизнес-стратегий. В

случае серьезных изменений в глобальной повестке следует ожидать серьезных корректировок и в области климатической политики, что вызовет изменения и в сформировавшихся к настоящему времени механизмах управления поведением национальных правительств и институциональных инвесторов.

Список источников

1. **Abbot K.W.** 2014. Building Networks for Sustainability: The Role of International Organizations // Forthcoming in UNIDO. Networks for Prosperity: Advancing Sustainability through Partnerships. URL: https://www.academia.edu/28275454/Building_Networks_for_Sustainability_The_Role_of_International_Organizations (Дата обращения 25.02.2022).

2. **Chan S, Asselt Hv, Hale T., et al.** 2015. Reinvigorating international climate policy: A comprehensive framework for effective nonstate action // *Global Policy* 6: 466–473. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12294>.

3. **Jakobi A.P.** 2012. International organisations and policy diffusion: The global norm of lifelong learning // *Journal of International Relations and Development* 15: 31–64. DOI:10.1057/jird.2010.20.

4. **Schroeder H. and Lovell H.** 2012. The rolle of non-nation-state actors and side events ib the international climate negotiations // *Climate Policy* 12: 23–37. DOI:10.1080/14693062.2011.579328.

5. **Bäckstrand K. and Kuyper J.W.** 2017. The democratic legitimacy of orchestration: The UNFCCC, non-state actors, and transnational climate governance // *Environmental Politics* 26: 764–788. DOI: 10.1080/09644016.2017.1323579.

6. **Michaelowa A. and Michaelowa K.** 2016. The growing influence of the UNFCCC Secretariat on the clean development mechanism // *International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics* 17(2): 247–269. DOI: 10.1007/s10784-016-9319-8.

7. **Widerberg O. and Pattberg P.** 2014. International cooperative initiatives in global climate governance: Raising the ambition level or delegitimizing the UNFCCC? // *Global Policy* 6: 45–56. DOI: 10.1111/1758-5899.12184.

8. **Hickmann T., Widerberg O.E., Lederer M., Pattberg P.H.** 2021. The United Nations Framework Convention on Climate Change Secretariat as an orchestrator in global climate policymaking // *International Review of Administrative Science* 87(1): 21–38. DOI: 10.1177/0020852319840425.

9. **Bocquillon P. and Maltby T.** 2020. EU energy policy integration as embedded inter-governmentalism: The case of energy Union governance // *Journal of European Integration* 42(1): 39–57. <https://doi.org/10.1080/07036337.2019.1708339>.

10. **Huber R.A., Fesenfeld L. and Bernauer T.** 2020. Political populism, responsiveness and public support for climate mitigation // *Climate Policy* 20(3): 373–386. <https://doi.org/10.1080/14693062.2020.1736490>.

11. **Von Homeyer I., Oberthur S. and Jordan A.J.** 2021. EU climate and energy governance in times of crisis: Towards a new agenda // *Journal of European Public Policy* 28(7): 959–979. <https://doi.org/10.1080/13501763.2021.1918221>.
12. **Robert A. Huber, Tomas Maltby, Kacper Szulecki & Stefan Četković.** 2021. Is populism a challenge to European energy and climate policy? Empirical evidence across varieties of populism // *Journal of European Public Policy* 28(7): 998–1017. <https://doi.org/10.1080/13501763.2021.1918214>.
13. **Jahanger A., Usman M. and Baisalobre-Lorente D.** 2021. Autocracy, democracy, globalization in developing world: Fresh evidence from STIRPAT model // *Public Affairs*. DOI:10.1002/pa.2753
14. **Michael MacLeod.** 2010. Private Governance and Climate Change: Institutional Investors and Emerging Investor- Driven Governance Mechanisms // *St Antony's International Review* 5(2): 46–65. <https://www.jstor.org/stable/10.2307/26227053> (Дата обращения 28.02.2022).
15. **John G. Ruggie.** 2004. Reconstituting the Global Public Domain – Issues, Actors and Practices // *European Journal of International Relations* 10(4): 499–531. DOI: 10.1177/1354066104047847.
16. **Сигова М.В.** «Зеленые» финансы: процесс развития и перспективы трансформации: Монография / Л.С. Кабир, И.А. Яковлев, С.И. Никулина, И.Д. Раков, Н.Е. Терентьев, М.В. Сигова, О.И. Ключников, Л.Ю. Гороховатский, К.В. Екимова, К.С. Богомолов, Л.А. Аносова, А.А. Бокарев / Международный банковский институт. – Санкт-Петербург, 2020.
17. Зеленая экономика и зеленые финансы: учебное пособие [Б.Н. Порфирьев и др.] / Под ред. акад. Б.Н. Порфирьева. – СПб.: Изд-во «МБИ», 2018. – 327 с.

References

1. **Abbot K.W.** 2014. Building Networks for Sustainability: The Role of International Organizations // Forthcoming in UNIDO. *Networks for Prosperity: Advancing Sustainability through Partnerships*. URL: https://www.academia.edu/28275454/Building_Networks_for_Sustainability_The_Role_of_International_Organizations (Data obrashcheniya 25.02.2022).
2. **Chan S, Asselt Hv, Hale T., et al.** 2015. Reinvigorating international climate policy: A comprehensive framework for effective nonstate action // *Global Policy* 6: 466–473. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12294>.
3. **Jakobi A.P.** 2012. International organisations and policy diffusion: The global norm of lifelong learning // *Journal of International Relations and Development* 15: 31–64. DOI:10.1057/jird.2010.20.
4. **Schroeder H. and Lovell H.** 2012. The role of non-nation-state actors and side events in the international climate negotiations // *Climate Policy* 12: 23–37. DOI:10.1080/14693062.2011.579328.
5. **Bäckstrand K. and Kuyper J.W.** 2017. The democratic legitimacy of orchestration: The UNFCCC, non-state actors, and transnational climate

governance // Environmental Politics 26: 764–788. DOI: 10.1080/09644016.2017.1323579.

6. **Michaelowa A. and Michaelowa K.** 2016. The growing influence of the UNFCCC Secretariat on the clean development mechanism // *International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics* 17(2): 247–269. DOI: 10.1007/s10784-016-9319-8.

7. **Widerberg O. and Pattberg P.** 2014. International cooperative initiatives in global climate governance: Raising the ambition level or delegitimizing the UNFCCC? // *Global Policy* 6: 45–56. DOI: 10.1111/1758-5899.12184.

8. **Hickmann T., Widerberg O.E., Lederer M., Pattberg P.H.** 2021. The United Nations Framework Convention on Climate Change Secretariat as an orchestrator in global climate policymaking // *International Review of Administrative Science* 87(1): 21–38. DOI: 10.1177/0020852319840425.

9. **Bocquillon P. and Maltby T.** 2020. EU energy policy integration as embedded inter-governmentalism: The case of energy Union governance // *Journal of European Integration* 42(1): 39–57. <https://doi.org/10.1080/07036337.2019.1708339>.

10. **Huber R.A., Fesenfeld L. and Bernauer T.** 2020. Political populism, responsiveness and public support for climate mitigation // *Climate Policy* 20(3): 373–386. <https://doi.org/10.1080/14693062.2020.1736490>.

11. **Von Homeyer I., Oberthur S. and Jordan A.J.** 2021. EU climate and energy governance in times of crisis: Towards a new agenda // *Journal of European Public Policy* 28(7): 959–979. <https://doi.org/10.1080/13501763.2021.1918221>.

12. **Robert A. Huber, Tomas Maltby, Kacper Szulecki & Stefan Četković.** 2021. Is populism a challenge to European energy and climate policy? Empirical evidence across varieties of populism // *Journal of European Public Policy* 28(7): 998–1017. <https://doi.org/10.1080/13501763.2021.1918214>.

13. **Jahanger A., Usman M. and Baisalobre-Lorente D.** 2021. Autocracy, democracy, globalization in developing world: Fresh evidence from STIRPAT model // *Public Affairs*. DOI:10.1002/pa.2753.

14. **Michael MacLeod.** 2010. Private Governance and Climate Change: Institutional Investors and Emerging Investor- Driven Governance Mechanisms // *St Antony's International Review* 5(2): 46–65. <https://www.jstor.org/stable/10.2307/26227053> (Data obrashcheniya 25.02.2022).

15. **John G. Ruggie.** 2004. Reconstituting the Global Public Domain – Issues, Actors and Practices // *European Journal of International Relations* 10(4): 499–531. DOI: 10.1177/1354066104047847.

16. **Sigova M.V.** «Zelenyye» finansy: protsess razvitiya i transformatsii: Monografiya / L.S. Kabir, I.A. Yakovlev, S.I. Nikulina, I.D. Rakov, N.Ye. Terent'yev, M.V. Sigova, O.I. Klyuchnikov, L.YU. Gorokhovatskiy, K.V. Yekimova, K.S. Bogomolov, L.A. Anosova, A.A. Bokarev / *Mezhdunarodnyy bankovskiy institut. – Sankt-Peterburg, 2020.*

17. Zelenaya ekonomika i zelenyye finansy: uchebnoye posobiye [B.N. Porfir'yev i dr.] / Pod red. akad. B.N. Porfir'yeva. – SPb.: Izd-vo «MBI», 2018. – 327 s.

ДЕГРАДАЦИЯ ЗЕМЕЛЬ В СИСТЕМЕ ЗАМОРАЖИВАНИЯ АКТИВОВ И ФИНАНСОВЫХ РИСКОВ

Игорь Константинович КЛЮЧНИКОВ¹, д.э.н, профессор,

Мария Викторовна СИГОВА², д.э.н, профессор,

Олег Игоревич КЛЮЧНИКОВ³, к.э.н, доцент

^{1,2}Автономная некоммерческая организация высшего образования «Международный банковский институт» имени Анатолия Собчака, Санкт-Петербург, Россия

³Кафедра банковского бизнеса и инновационных финансовых технологий,

Автономная некоммерческая организация высшего образования «Международный банковский институт» имени Анатолия Собчака, Санкт-Петербург, Россия

Адрес для корреспонденции: О.И. Ключников, 191011, Невский пр., 60

Санкт-Петербург, Россия

Т.: +79219549889. E-mail: okey003@mail.ru

Аннотация

Цель. Определить место деградации земли в системе финансовых рисков. Для этого проводится анализ различных исследований, связанных с оценкой земли и вопросами ее деградации, природного капитала и замороженных активов, а также оценивается возможность включения в финансовые риски угрозы, связанные с деградацией и истощением земель.

Задачи. Провести краткий обзор состояния исследования деградации земли с экономических и финансовых позиций. Показать возможности оценки земли с позиции природного капитала, а деградации земли – как замороженных и неэффективно используемых активов, а также условия и перспективы перехода к управлению процессом воспроизводства природного капитала и включению проблемы деградации земли в систему финансовых рисков.

Методология. Методологической базой исследования служат общенаучные методы исследования, в основном опирающиеся на логику и эмпирическую оценку, а также анализ и синтез.

Результаты. Деградация земель рассмотрена с позиции включения данного процесса в систему угроз финансовой стабильности и финансовых рисков. Выдвигается гипотеза: в ходе возможного изменения климата эффективное использование земельного фонда и с учетом обширных земельных угодий страна получает возможность перейти к земельному рентному доходу.

Ключевые слова

Финансовые риски, экономика деградации земель, замороженные активы, природный капитал.

LAND DEGRADATION IN THE ASSET FREEZE AND FINANCIAL RISK SYSTEM

Igor Konstantinovich KLIOUTCHNIKOV¹, doctor of Economics, Professor,
Mariia Viktorovna SIGOVA², doctor of Economics, Professor,
Oleg Igorevich KLIUCHNIKOV³, PhD, associate Professor

^{1,2}Autonomous non-profit organization of higher education «International banking Institute named after Anatoliy Sobchak», Saint Petersburg, Russia

³Department of Banking and innovative financial technologies,

Autonomous non-profit organization of higher education «International banking Institute named after Anatoliy Sobchak», Saint Petersburg, Russia

Correspondence address: O. I. Kliuchnikov, 60 Nevsky Ave., 191011, Saint Petersburg, Russia
Tel.: +79219549889. E-mail: okey003@mail.ru

Abstract

Target. Determine the place of land degradation in the system of financial risks. To do this, various studies related to the valuation of land and issues of land degradation, natural capital, and frozen assets are analyzed, and the possibility of including threats associated with land degradation and depletion in financial risks is assessed.

Tasks. Provide a brief overview of the status of land degradation research from an economic and financial perspective. Show the possibilities of land valuation from the standpoint of natural capital and land degradation – of frozen and inefficiently used assets, as well as the conditions and prospects for the transition to managing the process of reproduction of natural capital and including the problem of land degradation in the system of financial risks.

Methodology. The methodological basis of the study is general scientific research methods, mainly based on logic and empirical evaluation, as well as analysis and synthesis.

Results. Land degradation is considered from including this process in the system of threats to financial stability and financial risks. A hypothesis is put forward: in the course of possible climate change, the effective use of the land fund and, taking into account the vast land areas, the country gets the opportunity to switch to land rental income.

Keywords

Financial risks, economics of land degradation, frozen assets, natural capital.

Введение

В последнее время в систему финансовых рисков начинают включать риски, связанные с замороженными земельными активами. Замороженные земельные активы условно можно разделить на две группы: (1) земли, выпадающие из рыночного оборота в силу деградации почв и потери почвенного плодородия в результате нерационального и истощительного ведения сельскохозяйственного производства (деградация почв); (2) земли с ухудшенными потребительскими свойствами – ухудшенным качеством, что

обусловлено физическим и химическим воздействиями на почвы (нарушение и загрязнение земель). До недавнего времени вопрос замороженных земельных активов не являлся предметом изучения с позиции финансовой теории и практики. Дело в том, что данные активы не были связаны с финансовыми обязательствами и не оценивались как потенциальная угроза и возможные риски для финансовых учреждений. Однако ситуация меняется под воздействием потенциальной угрозы замораживания активов, в том числе относящихся к земле, так и усилением финансовой озабоченности по отношению к рискам, в основе которых выпадение из финансового оборота таких активов. Данный вопрос относится к проблеме устойчивого развития.

Земля обеспечивает растительной жизнью, овощами, злаками и клетчаткой, а леса – древесиной и древесным топливом, а также экосистемными услугами. Земля является объектом кредитования, инвестирования и залога, а также организации хозяйственной деятельности. Поэтому любые нарушения в процессе землепользования и изменения потребительских свойств земли сказываются на ее стоимостных характеристиках, что находит отражение в финансовой системе.

Методические подходы к экономической оценке земли освещены в работах В.П. Антонова, Д.С. Валиева, А.А. Варламова, КВ.В. Германов, .Г. Гофмана, В.С. Емелина, И.З. Каманиной, В.И. Кирюшин, В.Е. Коптева-Дворникова, П.Ф. Лойко, Г.В. Ломакина, О.А. Макарова, О.Е. Медведевой, И.Д. Никитина, В.И. Петрова, А.С. Тарасова, Д.М. Хлопцова, К.А. Хубиева, Е.В. Цветнов, Ю.А. Цыпкина и других авторов. Проблемы деградации земель рассмотрены в работах Е. В. Бондаренко, Б.Г. Ивановский, О. А. Макарова, А. С. Строкова. О.В. Тишкович, Е. В. Цветнова. Вопросы становления зеленой экономики в сфере землепользования рассматривались В. В. Матасевой, В.А. Свитиным. Пожалуй, выделяется работа В. И. Кирюшина, в которой дан анализ различных подходов к оценке деградированных земель [1]. С ее учетом можно перейти от экономической к финансовой характеристике данной проблемы.

Активизация изучения проблем экономической оценки землепользования произошла после 2011 г., когда Секретариат Конвенции по борьбе с опустыниванием, Европейская комиссия и Правительство Германии объявили об открытии инициативы по Экономике деградации земель. В дальнейшем Международным институтом по исследованию продовольственной политики и Университетом Бонна была предложена концептуальная платформа для

изучения экономики декорации земель. В 2014 г. была подготовлена методология стоимостной оценки деградированных земель [2]. В 2019 г. была разработана модель устойчивого управления земельными ресурсами и противодействия их деградации [3]. Однако в ней не нашлось места вопросам финансовых рисков, которые возникали в ходе деградации земель. Тем не менее инициатива придала импульс изучению данной проблемы. Инициатива выпускает отчеты для лиц, принимающих решения, и практиков, тематические исследования, аналитические обзоры и учебные материалы.

В марте 2019 года Генеральная Ассамблея ООН приняла декларацию о Декаде ООН (на 2021–2030 гг.) по восстановлению экосистем. Проблемы деградации и восстановления земель входят в пятнадцатую цель Целей устойчивого развития (ЦУР).

В одной из последних работ под руководством Б.Н. Ивановского определялись типы и масштабы наиболее значимых природных бедствий, а также рассматривались проблемы формирования статистической базы данных по стихийным бедствиям и методологические вопросы экономического измерения их последствий [4]. Интерес к данному исследованию в настоящей статье вызван прежде всего тем, что в ней особое внимание уделялось исследованию влияния климатических изменений на финансовый сектор экономики пострадавших регионов.

Признавая высокую значимость проведенных вышеуказанными учеными исследований, необходимо отметить, что финансовые аспекты сокращения землепользования в связи с деградацией и ухудшением потребительских свойств земель не были исследованы. Тем не менее настоятельно необходима гармонизация общемировых и российских подходов с соблюдением международных обязательств и интересов Российской Федерации в области землепользования и учета финансовых рисков в этой сфере, в том числе и вызванных деградацией земли.

Задачи настоящего исследования – поиск подходов к концептуализации проблемы финансовых рисков, связанных с деградацией земель, а также адаптации к изменению климата в сельском и лесном хозяйстве в контексте финансовых рисков.

Земля как объект финансового обслуживания и финансовых рисков

Достаточно длительное время действует эколого-экономический парадокс: стремление сохранять земельные ресурсы наталкивает на инвестиции в опасные для природы технологии и традиционное землепользование, которое часто сопровождается чрезмерным и неправильным использованием земли, что ведет к ее истощению и деградации. В то же самое время земля, наряду с водой и воздухом, выступает основным условием жизнедеятельности и объектом притяжения финансовых ресурсов.

В нашей стране существуют законы и нормы, которые в идеале направлены на предотвращение деградации земли. Например, такие законы, как «Об экологической экспертизе» от 23.11.95 N 174-ФЗ, «Об охране окружающей среды» от 10.01.02 N 7-ФЗ, «О федеральных природных ресурсах» от 16.12.93 N 2144, «О мелиорации земель» от 10.01.96 N 4-ФЗ, «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» от 23.02.95 N 26-ФЗ и др. Также были приняты местные законы, как, например, Закон Ленинградской области от 5 февраля 1997 года N 4-оз «О комплексном природопользовании в Ленинградской области». Тем не менее процесс деградации земли продолжается, и финансовые учреждения и регуляторы озабочены новыми финансовыми рисками, в основе которых могут быть выпадающие из пользования земельные ресурсы. При этом происходит замораживание активов, связанных как с сельскохозяйственным производством, так и с добычей природных ископаемых, что является дополнительным стрессом для финансовой системы и требует разработки механизмов его преодоления. Далекое не всегда лучшим механизмом преодоления является прекращение замораживания активов. Естественное восстановление плодородия почв и природных ландшафтов позволяет бороться с деградацией земли.

Однако существуют и другие опасности замораживания активов. Они связаны с экономической и/или экологической нецелесообразностью добычи и дальнейшей разработки ряда природных ископаемых в отдельных регионах. Для финансовой сферы проблема замораживания активов рассматривается в контексте финансовых рисков.

Для России проблема деградации земель стоит особенно остро. Наша страна обладает самым большим в мире запасом сельскохозяйственных угодий. Тем не менее ускоряется процесс вывода их из рыночного оборота. Что же касается финансовых рисков, связанных с этой проблемой, то пока еще они для

нашей страны не столь значимы. Во многом они связаны с тем, что земля как финансовый актив и предмет залога еще не стали столь значимыми в нашей стране, как в целом ряде других стран. К тому же проблема рисков замороженных активов также находится на начальной стадии обсуждения. Тем не менее необходимо подготовиться к решению потенциально более значимых в будущем проблем.

Официальные источники свидетельствуют, что в России от 30 до 50 млн га пашни выведено из оборота и не используются из-за негативного влияния естественных и антропогенных факторов. При этом свыше 100 млн гектаров относится к опустевшим землям [5]. К этим цифрам добавляются площади загрязненных земель, которые составляют около 75 млн гектаров. Продуктивность и эффективность использования данных угодий значительно ниже средней, что снижает их стоимость и залоговые возможности. Всего в мире насчитывается 2 млрд гектаров деградированных земель. Ежегодный прирост таких земель составляет 12 млн га.

Вместе с тем земля представляет собой основу жизни и выживания человечества. Более 3/4 потребляемого продовольствия имеет в основе растительные источники, миллионы людей заняты в сельском хозяйстве, леса покрывают почти 1/3 поверхности Земли. Они служат источниками чистого воздуха и воды [6].

С позиции рынка и стоимости в большинстве случаев земля рассматривается как безвозмездный дар природы. Поэтому в экономической науке она часто упоминается как «общественное» достояние и «даровое» благо. Неизбежными последствиями такого подхода является неконтролируемая ее эксплуатация и ускоренное использование потребительских свойств, что ведет к ухудшению состояния окружающей среды [5].

В последней четверти прошлого века, с подачи Римского клуба, экономисты заинтересовались новым видом капитала – природным капиталом. Несмотря на то что земля всегда имела стоимость и еще в древние времена закладывалась [7], общие земельные угодья, которые составляют подавляющую часть земель, находились в общественной собственности и не рассматривались с позиции природного капитала. Общая земля, наравне с приобретенным и созданным капиталом, стала учитываться как важный элемент благосостояния человечества. Она стала рассматриваться с позиции стоимости, а также с учетом ее деградации и перспектив экономического роста.

В настоящее время предпринимается ряд попыток фактически учесть природу как природный капитал в корпоративных, национальных и международных счетах. Такой учет необходим как для общего бизнеса, так и непосредственно для финансовых целей. Он расширяет возможности полного перечня затрат для учета социальных и экологических расходов и позволяет регистрировать в финансовых показателях изменения в эффективном использовании земель и их деградации. Данный подход получил значительное распространение в конце прошлого века. В новом веке к данной системе подключаются экологические затраты, которые долгое время были внешними по отношению к финансовому учету и финансовым операциям. Их подключение к системе финансового учета позволило по-новому подойти к определению финансовых рисков, вызванных, в частности, деградацией земель.

Природный капитал многогранен. В нем выделяются не только ископаемые виды топлива и другие природные богатства, имеющие четко выраженную коммерческую ценность. Не менее важным является биоразнообразие. Оно также может иметь рыночное значение. Биоразнообразию следует рассматривать как актив. Тогда и его потеря будет представлена в национальных счетах и представлять интерес для финансового сектора как объем инвестиций и залога. В таком виде биоразнообразие будет функционировать как природный капитал, который может представлять реально чистые приросты национального богатства. Такой подход стал прорабатываться в начале этого века: одним из примеров может быть проект разработки системы учета земли и водных ресурсов Бомбейского института технологии [8]. В 2012 году Великобритания учредила «Комитет по природному капиталу». В рамках комитета изучались потребительские свойства природного капитала и по отдельным элементам определялась его ценность.

В нашей стране природный капитал обычно сводят к части национального богатства [9]. Несмотря на то что в последнее время перешли к изучению воспроизводства природного капитала [10], процессы, которые ведут к потере природным капиталом его потребительских и стоимостных свойств, связанные преимущественно с деградацией земли, не рассматриваются. В 2012 году на саммите Рио +20, была принята «Декларация о природном капитале». В 2016 г. был опубликован Протокол по природному капиталу, который

предусматривает для организаций стандартизацию выявления, измерения и оценке его воздействия.

В конце прошлого десятилетия России приступила к разработке механизма управления климатическими рисками в целях устойчивого развития и выполнения международных обязательств. В 2018 г. был подготовлен доклад, который анализировал прогнозные сценарии изменений климата и их влияния на сельское и лесное хозяйство в России. В нем приводятся оценки существующих трендов и рисков деградации почвенных и земельных ресурсов в стране и использования природного капитала [11].

Финансовые риски, связанные с неэффективным землепользованием

Многие исследователи рисков, связанных с изменением климата, утверждают, что остаточная область, которая во многом определяет повышенные риски в финансовом секторе, существует за пределами предотвращения изменения климата и адаптации к его изменению [12]. Она определяется как потери и затраты, которые были вызваны неэффективным землепользованием. Результатом является деградация земель и природных ландшафтов. Она распространяется на цепочки поставок и производство сельскохозяйственных товаров и выражается в утрате природных активов и, как следствие, сказывается на эффективности производителей, финансовом их благополучии и финансовых рисках. Деградация земель представляет собой потерю земельными угодьями традиционных потребительских свойств. Значит, возможность создавать стоимость такими землями, как и залоговые качества, также утрачивается. По сути, такие земли представляют собой замороженные активы. Данный процесс имеет микро- и макроэкономические последствия.

Микроэкономический эффект замораживания активов можно отнести к системному искусственному провоцированию неплатежей у сельскохозяйственных производителей. Неплатежи распространяются по цепочке и наносят удар не только по отдельным банкам и страховым компаниями, но и по финансовой системе. Они могут распространяться на все финансовые рынки и учреждения, а также на разные уровни государственного бюджета. В результате возникает макроэкономический результат – сжатие и ограничение финансовых ресурсов, доступных для инвестиций. Такие процессы негативно отражаются на системе «накопления – инвестиции», а также на социальной сфере. В свою очередь переход системы землепользования

к учету с позиции ESG-критериев позволит повысить эффективность решения многих задач, в том числе интенсифицировать инвестиции в повышение качества земель и предотвращение их деградации [13].

Деградация земель и их опустынивание угрожают благополучию и существованию значительного числа людей. Продолжающаяся деградация земель ведет к сокращению плодородного почвенного слоя. Ежегодно более 20 миллионов гектаров плодородных земель деградируют, причем данный процесс ускоряется. В результате за последние 40 лет около одной трети всех сельскохозяйственных земель на Земле стали непродуктивными [14]. Кроме того, деградация земель напрямую связана с решением проблемы поглощения выбросов углерода. Так, почва является вторым по величине хранилищем углерода после океанов, а на углерод в почве приходится треть глобального запаса углерода [15].

Деградация земель негативно влияет на глобальную продовольственную безопасность. Так, в следующие 25 лет мировое производство продуктов питания может упасть на 12% [16], что приведет к увеличению средних цен на продукты питания до 30% и дополнительным издержкам до 3,4 трлн евро [17]. По некоторым оценкам, только в Западной Европе ежегодная цена деградации земли достигает 38 млрд евро [18]. При этом к 2006 г. было деградировано 22% всех земель. Стоимость же всех деградированных земель на 2008 г. достигала 1,3–1,4 трлн долл. [19].

Макроэкономическое значение замороженных (по разным причинам выведенным из рыночного оборота) активов, включая деградированные земли, многогранно. С данных позиций рассматриваются угрозы и риски, включенные в финансовую систему как в связи с ограничениями использования ресурсов ископаемого топлива, ограничениями углеродного бюджета и деградации земель и их истощения [20], так и инвестиции в искусственные (геоинженерные) преобразования природы, направленные на поглощение углекислого газа. В этом плане земля вслед за океаном является вторым по величине его поглотителем.

Финансовые последствия деградации земель

Перевод проблемы деградации земель в экономическое и финансовое русло напрямую связан с задачей эффективного/неэффективного использования ресурсов, которые находятся в распоряжении общества. Финансовые аспекты

данной проблемы наиболее эффективно решаются в рамках зеленых финансов. Дело в том, что зеленые финансы позволяют включить ее решение в общее русло построения зеленой экономики, материальной основой которой являются прежде всего земельные ресурсы.

Инициативой ООН «Экономика деградации земли» была предложена методология оценки рисков, связанных с деградацией земли. В 2015 г. был подготовлен отчет, посвященный ценности земли и ее изменению под воздействием климата, который был обнародован на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Брюсселе [21]. В отчете рассчитывается стоимость земли, определяются шаги и методы, которые могут быть использованы для экономической оценки стоимости земли, а также действия по ее управлению и использованию. Кроме того, подготовлен сценарий с информацией о важных экосистемах и потенциальных будущих воздействиях на основе различных возможных экономических условий, регулирующих управление ими.

Деградация земель снижает продовольственную безопасность, повышает уязвимость к изменению климата и экстремальным погодным условиям и тем самым оказывает воздействие на состояние финансовой системы. В последние годы все вышеперечисленные проблемы начинают входить в компетенцию центральных банков и финансовых регуляторов, которые учитывают их в денежно-кредитном регулировании хозяйства и оценке кредитных вложений финансовых учреждений и их рисков.

Одно из последних исследований, посвященных оценке природного капитала, связано с анализом природного капитала в природоохранных зонах Африки (2021 г.) [22]. Исследование направлено на предотвращение утраты биоразнообразия в соответствии с новой Глобальной рамочной программой по биоразнообразию Конвенции о биологическом разнообразии. Причем первоочередное внимание уделяется финансированию мероприятий (прежде всего поиску источников дополнительного финансирования), необходимых для сохранения природного капитала

Перевод управления процессами предотвращения деградации земель на финансовые основы позволяет по-новому решать данную проблему. Так, с позиции заинтересованных подразделений ООН, анализ затрат и результатов и общая экономическая оценка – помогают принимать обоснованные решения против деградации земель и переходить на устойчивое управление земельными ресурсами [23].

Финансовые условия эффективного землепользования

Земля имеет различные экосистемы. Им можно дать денежную оценку, включая все услуги, которые они предоставляют обществу, – поддерживающие, регулирующие, обеспечивающие и культурные. По оценкам, в 2011 году эти экосистемные услуги оценивались в 125 триллионов долларов США в год. Это показывает снижение, вызванное изменениями в землепользовании и управлении [24], на 20,2 трлн долл. в год с 1997 года,

Однако далеко не все экосистемные услуги, которые предоставляет земля, легко измерить в финансовых категориях (например, культурные и духовные ценности, красота ландшафта). Тем не менее важно, чтобы земля получила подлинную оценку, измеренную с точки зрения общества в целом, с тем чтобы все ее потребительские свойства имели стоимостные характеристики.

Многие потребительские свойства земли с позиции землепользования имеют достаточно четкие стоимостные оценки. Что же касается других свойств земли (культурных, духовных, эстетических), то их оценка находится на стадии обсуждения.

С позиции бизнеса можно выделить три основных экономических барьера для устойчивого землепользования и эффективного использования природных ресурсов, которые препятствуют широким инвестициям в восстановление земель: капитальные затраты, периоды отсутствия доходов и риск проекта из-за длительных временных горизонтов.

Капитальные затраты – внедрение передовых подходов и методов устойчивого управления земельными ресурсами – могут привести к значительным первоначальным затратам. Инвестиции в технологии и методы, предотвращающие деградацию, могут быть дорогостоящими без достаточно широкой правовой, политической, социальной и технологической поддержки. Однако инвестирование в устойчивые технологии в начале проекта или при запуске бизнеса может быть более рентабельным, чем оплата ремонта и технических процедур позже, и также может быть рассчитано с самого начала.

Периоды без дохода – сроки окупаемости и рентабельность проекта – являются основой для инвестирования. Если капитальные затраты исключают прогнозируемую прибыльность, то получить финансирование без дополнительных интересов достаточно сложно. Такими дополнительными

интересами могут быть, например, улучшение корпоративной репутации и связей с общественностью или государственные льготы и преференции.

Риск проекта представляет собой любое событие или деятельность, которые угрожают реализации проекта или организации, его осуществляющей. Риски могут различаться в зависимости от типа компании, технологии, воздействия на землепользование и на его участников. Важным риском является относительно длительный временной горизонт, необходимый для получения экономических выгод.

Устойчивое землепользование напрямую связано с сохранением плодородной слоя почвы. Анализ затрат на бездействие по сравнению с затратами на действия по контролю потери питательных веществ в почве в разных странах показал, что выгода от действий составит около 2,83 трлн долл. по паритету покупательной способности в течение следующих 15 лет, или 71,8 млрд долл. в год для всех стран вместе взятых. Более того, меры против эрозии почвы и, как следствие, истощения питательных веществ позволили бы мировой экономике расти в среднем на 5,31% в год [25].

Заключение

Учет деградации природы в денежном выражении создает новаторские возможности для материализации и использования непроектной природы в качестве природного капитала. Появляется возможность перехода от интуитивных к чисто рыночным оценкам проблемы деградации земель и включения их в систему финансового риск-менеджмента. Работа по экосистемным услугам, которые могут предоставить недеградированные земли, также является важным элементом макроэкономических решений риск-менеджмента.

Решений данной проблемы много. Среди вопросов, которые предстоит к обсуждению, можно выделить следующие. Вероятная выручка от углерода недеградированной земли и, в частности, лесов, возможно, может стать в будущем одним из важных способом противодействия росту финансовых рисков в связи с деградацией земель, «будущие потоки платежей за ожидаемые сокращения выбросов».

В качестве рекомендации к решению проблемы деградации земли и учета данного процесса финансовым сектором можно предложить перейти к разработке сценарных прогнозов реестров агроэкологического состояния видов

земель по определенным группам, с выделение земель, выпадающих из рыночного оборота в ходе деградации и сокращения рыночной стоимости под воздействием нарушений и загрязнений земель. При определенных финансовых воздействиях может меняться рыночная стоимость земель и их участие в рыночном обороте в ходе инвестиционно-кредитных воздействий.

По одному из сценариев климатических изменений Россия в перспективе может стать выгодополучателем вероятных перемен. По данным Всемирного банка, в совокупном богатстве России доля природного капитала составляет 20% (в том числе 15% – невозобновляемого и 5% – возобновляемого), в то время как в среднем по ОЭСР на него приходится 3%⁹ [26]. Выгоды от использования природного капитала в России могут быть значительными, особенно если они не ограничены во времени от использования возобновляемого капитала, включая землю. Поэтому контроль за деградацией земель является важной стратегической задачей для обеспечения роста будущего дохода. Для этого необходимо более полное включение природного капитала и, в частности, земельного фонда в финансовый оборот.

Нами выдвигается гипотеза о том, что на общемировом фоне роста деградации земель при переходе страны к эффективному использованию земельного фонда и с учетом обширных земельных угодий наша страна способна перейти от рентного дохода, который в настоящее время предоставляют углеводородные сектора и отчасти рудные отрасли, к земельному рентному доходу. В его основе могут быть потребности других стран в обширных земельных фондах как для производственной деятельности, переселения народов при наступлении океана и превышении температуры для проживания, так и для сельскохозяйственного производства. В этой связи проблема деградации земель и учет финансовым сектором земель с разным уровнем потребительских свойств может стать основой привлечения нового источника бюджетных поступлений. В таком случае Россия сможет перейти к более эффективному использованию своего земельного богатства.

Список источников

1. **Кирюшин В. И.** Методология комплексной оценки сельскохозяйственных земель // Почвоведение, 2020, № 7, С. 871–879.
2. Инициатива «Экономика деградации земельных ресурсов». Руководство для практиков. Бонн: ELD, 2014. 26 с.

⁹ Оценка совокупного уровня благосостояния России в период с 2000 по 2017 годы. Насколько богата Россия? // Всемирный банк, 2018.

3. Модуль: Дegradaция земель против устойчивого управления земельными ресурсами. Бонн: ELD, 2019. 31 с.
4. Экономическая оценка ущерба от природных бедствий и изменений климата/ Б. Г. Ивановский // Экономические и социальные проблемы России. – 2021. – N 1. – С. 125–144.
5. Национальный доклад «Глобальный климат и почвенный покров России: опустынивание и деградация земель, институциональные, инфраструктурные, технологические меры адаптации (сельское и лесное хозяйство)» (под редакцией Р.С.-Х. Эдельгериева). Том 2. М.: ООО «Издательство МБА», 2019. С. 22 (476).
6. Естественное восстановление. Объединение усилий для достижения глобальных целей устойчивого развития. UNCCD, 2015. 46 с.
7. **Ключников И.К., Ключников О.И.** Макроэкономика. Кредитные и биржевые циклы. Москва: Юрайт, 2022. 286 с.
8. Environmental Accounting of Land and Water Resources in Tamilnadu. Final Report submitted by Dr. Haripriya Gundimeda. Indian Institute of Technology Bombay. Mumbai, 2006. 97 p.
9. **Раскина Ю. В.** Статистика природных ресурсов как части национального богатства Р24 / Препринт Ес-06/10; Факультет экономики. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. – 23 с.
10. **Белая М.Л.** Природный капитал в современной экономике // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова, № 2 (86), 2016. С. 59–69.
11. Глобальный климат и почвенный покров России: оценка рисков и эколого-экономических последствий деградации земель. Адаптивные системы и технологии рационального природопользования (сельское и лесное хозяйство). Национальный доклад. М.: Геос, 2018. 282 с.
12. **McNamara К.Е., Jackson G.** Loss and damage: A review of the literature and directions for future research // Wiley interdisciplinary reviews: Climate Change. Vol. 10 (1–2), December 2018. P. 564.
13. **Ключников О.И., Молчанова О. А., Панарин А. А.** Экологические, социальные и корпоративно-управленческие факторы инвестиционного процесса // Ученые записки МБИ. – 2021. – № 4 (38). С. 87–104.
14. **Bohnet M., Klingebiel S., Marschall P.** Scope and structure of German official development assistance: trends and implications for the BMZ and other ministries. German Development Institute (Deutsches Institut für Entwicklungspolitik). July 2018.
15. Economics of Land Degradation Initiative: Report for policy and decision makers. ELD, September 2015. P. 11.

16. Interlinkages between desertification, land degradation, food security and GHG fluxes: synergies, trade-offs and integrated response options. Chapter 6. Climate Change and Land. Special Report. IPCC, 2021. P. 551–672.
17. Opportunity lost: Mitigating risk and making the most of your land assets. An assessment of the exposure of business to land degradation risk and the opportunities inherent in sustainable land management. ELD Initiative, 2013.
18. Global environmental Outlook 3, United Nations Environment Programme, 2002; Montaranella L., European Commission, Joint Research Centre, Institute for Environment and Sustainability. 2006.
19. The Economics of Ecosystems and Biodiversity (TEEB), Interim Report 2008.
20. **Mercury J., Pollitt, H., Vinueles, J., et al.** Macroeconomic impact of stranded fossil-fuel assets. Nature Climate Change Vol. 8(7), July 2018. P. 588–593. <https://doi.org/10.1038/s41558-018-0182-1>.
21. Risk management and decision making in relation to sustainable development. Chapter 7. Climate Change and Land. Special Report. IPCC, 2021. P. 673–800
22. Green Value Initiative – Natural Capital in Africa. German Federal Ministry for Economic Cooperation and Development (BMZ). July 2021.
23. Economics of Land Degradation Initiative: Report for policy and decision makers. ELD, September 2015. P. 9.
24. Economics of Land Degradation Initiative: Report for the Private Sector. ELD, July 2016.
25. **Tilahun M., Barr J., Apinidi E., et al.** The economics of land degradation: Benefits of action outweigh the costs of action in Africa – Benefits of Action Outweigh the Costs. A complementary Report. ELD. 2015. 155 p.
26. Оценка совокупного уровня благосостояния России в период с 2000 по 2017 годы. Насколько богата Россия? // Всемирный банк, 2018.
27. **Сигова М.В.** «Зеленые» финансы: процесс развития и перспективы трансформации: Монография / Л.С. Кабир, И.А. Яковлев, С.И. Никулина, И.Д. Раков, Н.Е. Терентьев, М.В. Сигова, О.И. Ключников, Л.Ю. Гороховатский, К.В. Екимова, К.С. Богомолов, Л.А. Аносова, А.А. Бокарев / Международный банковский институт. – Санкт-Петербург, 2020.
28. Зеленая экономика и зеленые финансы: учебное пособие [Порфирьев Б.Н. и др.] / Под ред. акад. Б.Н. Порфирьева. – СПб.: Изд-во «МБИ», 2018. – 327 с.
29. **Круглова И.А.** «Зеленая экономика» в контексте экономической безопасности: необходимость формирования, институционализация и инструментарий реализации / И.А. Круглова // Ученые записки Международного банковского института. – 2019. – №3(29). – С. 65–90.

References

1. **Kiryushin V. I.** Metodologiya kompleksnoj ocenki sel'skohozyajstvennyh zemel' // Pochvovedenie, 2020, № 7, S. 871–879.
2. Iniciativa «Ekonomika degradacii zemel'nyh resursov» Rukovodstvo dlya praktikov. Bonn: ELD, 2014. 26 s.
3. Modul': Degradaciya zemel' protiv ustojchivogo upravleniya zemel'nymi resursami. Bonn: ELD, 2019. 31 s.
4. Ekonomicheskaya ocenka ushcherba ot prirodnyh bedstvij i izmenenij klimata/ B. G. Ivanovskij // Ekonomicheskie i social'nye problemy Rossii. – 2021. – N 1. – S. 125–144.
5. Nacional'nyj doklad «Global'nyj klimat i pochvennyj pokrov Rossii: opustynivanie i degradaciya zemel', institucional'nye, infrastrukturnye, tekhnologicheskie mery adaptacii (sel'skoe i lesnoe hozyajstvo)» (pod redakciej R.S.-H. Edel'gerieva). Tom 2. M.: OOO «Izdatel'stvo MBA», 2019. S. 22 (476).
6. Estestvennoe vosstanovlenie. Ob"edinenie usilij dlya dostizheniya global'nyh celej ustojchivogo razvitiya. UNCCD, 2015. 46 s.
7. **Klyuchnikov I.K., Klyuchnikov O.I.** Makroekonomika. Kreditnye i birzhevye cikly. Moskva: YUrajt, 2022. 286 S.
8. Environmental Accounting of Land and Water Resources in Tamilnadu. Final Report submitted by Dr. Haripriya Gundimeda. Indian Institute of Technology Bombay. Mumbai, 2006. 97 p.
9. **Raskina YU. V.** Statistika prirodnyh resursov kak chasti nacional'nogo bogatstva R24 / Preprint Ec-06/10; Fakul'tet ekonomiki. – SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2010. – 23 s.
10. **Belaya M.L.** Prirodnyj kapital v sovremennoj ekonomike // Vestnik REU im. G. V. Plekhanova, № 2 (86), 2016. S. 59–69.
11. Global'nyj klimat i pochvennyj pokrov Rossii: ocenka riskov i ekologo-ekonomicheskikh posledstvij degradacii zemel'. Adaptivnye sistemy i tekhnologii racional'nogo prirodopol'zovaniya (sel'skoe i lesnoe hozyajstvo). Nacional'nyj doklad. M.: Geos, 2018. 282 s.
12. **McNamara K.E., Jackson G.** Loss and damage: A review of the literature and directions for future research // Wiley interdisciplinary reviews: Climate Change. Vol. 10 (1–2), December 2018. P. 564.
13. **Klyuchnikov O.I., Molchanova O. A., Panarin A. A.** Ekologicheskie, social'nye i korporativno-upravlencheskie faktory investicionnogo processa // Uchenye zapiski MBI. – 2021. – № 4 (38). S. 87–104.
14. **Bohnet M., Klingebiel S., Marschall P.** Scope and structure of German official development assistance: trends and implications for the BMZ and other ministries. German Development Institute (Deutsches Institut für Entwicklungspolitik). July 2018.

15. Economics of Land Degradation Initiative: Report for policy and decision makers. ELD, September 2015. P. 11.
16. Interlinkages between desertification, land degradation, food security and GHG fluxes: synergies, trade-offs and integrated response options. Chapter 6. Climate Change and Land. Special Report. IPCC, 2021. P. 551–672.
17. Opportunity lost: Mitigating risk and making the most of your land assets. An assessment of the exposure of business to land degradation risk and the opportunities inherent in sustainable land management. ELD Initiative, 2013.
18. Global environmental Outlook 3, United Nations Environment Programme, 2002; Montaranella L., European Commission, Joint Research Centre, Institute for Environment and Sustainability. 2006.
19. The Economics of Ecosystems and Biodiversity (TEEB), Interim Report 2008.
20. **Mercury J., Pollitt, H., Vinueles, J., et al.** Macroeconomic impact of stranded fossil-fuel assets. Nature Climate Change Vol. 8(7), July 2018. P. 588–593. <https://doi.org/10.1038/s41558-018-0182-1>.
21. Risk management and decision making in relation to sustainable development. Chapter 7. Climate Change and Land. Special Report. IPCC, 2021. P. 673–800
22. Green Value Initiative – Natural Capital in Africa. German Federal Ministry for Economic Cooperation and Development (BMZ). July 2021.
23. Economics of Land Degradation Initiative: Report for policy and decision makers. ELD, September 2015. P. 9.
24. Economics of Land Degradation Initiative: Report for the Private Sector. ELD, July 2016.
25. **Tilahut M., Barr J., Apinidi E., et al.** The economics of land degradation: Benefits of action outweigh the costs of action in Africa – Benefits of Action Outweigh the Costs. A complementary Report. ELD. 2015. 155 p.
26. Ocenka sovokupnogo urovnya blagosostoyaniya Rossii v period s 2000 po 2017 gody. Naskol'ko bogata Rossiya? Vsemirnyj bank, 2018.
27. **Sigova M.V.** «Zelenyye» finansy: protsess razvitiya i transformatsii: Monografiya / L.S. Kabir, I.A. Yakovlev, S.I. Nikulina, I.D. Rakov, N.Ye. Terent'yev, M.V. Sigova, O.I. Klyuchnikov, L.YU. Gorokhovatskiy, K.V. Yekimova, K.S. Bogomolov, L.A. Anosova, A.A. Bokarev / Mezhdunarodnyy bankovskiy institut. – Sankt-Peterburg, 2020.
28. Zelenaya ekonomika i zelenyye finansy: uchebnoye posobiye [Porfir'yev B.N. i dr.] / Pod red. akad. B.N. Porfir'yeva. – SPb.: Izd-vo «MBI», 2018. – 327 s.
29. **Kruglova I.A.** «Zelonaya ekonomika» v kontekste ekonomicheskoy bezopasnosti: neobkhodimost' formirovaniya, instiutalizatsiya i instrumentariy

realizatsii / I.A. Kruglova // Uchenyye zapiski Mezhdunarodnogo bankovskogo institute. – 2019. – №3(29). – S. 65–90.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ БИЗНЕС: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Анна Александровна КУРОЧКИНА¹, д.э.н., профессор

Ольга Владимировна ЛУКИНА², к.э.н., доц.

Инна Александровна КРУГЛОВА³, к.э.н., к.ю.н., доцент

¹Кафедра экономики предприятия природопользования и учетных систем, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гидрометеорологический университет»

Санкт-Петербург, Россия

Адрес для корреспонденции: А.А. Курочкина, 195196, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр., 98

Т.: 8 921 950 08 47; e-mail: kurochkinaanna@yandex.ru

²Высшая школа административного управления, Институт промышленного менеджмента, экономики и торговли Санкт-Петербургского политехнического университета

Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

Адрес для корреспонденции: О.В. Лукина, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д.29

Т.: 8 921 653 71 33 e-mail: yui500@mail.ru

³Кафедра мировой экономики и менеджмента,

Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Международный банковский институт имени Анатолия Собчака»,
Санкт-Петербург, Россия

Адрес для корреспонденции: 191023, Невский пр., 60. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

В статье проведено исследование возможностей и динамики развития экологического предпринимательства. В работе выделены отличительные характеристики и направления развития экологического бизнеса, определены основные проблемы развития экологического предпринимательства в нашей стране. В статье раскрыто изменение общественных интересов в плане востребованности экологической продукции, рассмотрена проблема «гринвошинга» в предпринимательстве, проанализированы преимущества экологических инноваций в крупных международных корпорациях, даны рекомендации по направлениям развития экологического бизнеса. Результатом данного исследования является вывод о необходимости развития экологического предпринимательства в Российской Федерации.

Ключевые слова

Экологический бизнес, предпринимательство, гринвошинг, экологичность.

ENVIRONMENTAL BUSINESS: PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

**Anna Aleksandrovna KUROCHKINA¹, Doctor of economic Sciences, Professor
Olga Vladimirovna LUKINA², Candidate of economic Sciences, Associate Professor
Inna Aleksandrovna KRUGLOVA³, Candidate of economic Sciences, Candidate of Legal
Sciences, Associate Professor**

¹Department of Economics, environmental management and accounting systems, Federal state budgetary educational institution of higher education «Russian state hydrometeorological University», St. Petersburg, Russia

Address for correspondence: A. A. Kurochkina, 195196, St. Petersburg, Malookhtinsky Ave., 98
T.: 8 921 950 08 47 e-mail: kurochkinaanna@yandex.ru

²Higher School of Administrative Management, Institute of Industrial Management, Economics and Trade of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia
Correspondence address: O. V. Lukina, 195251, Polytechnic Street, д.29
St. Petersburg, Russia

T.: 8 921 653 71 33; e-mail: yui500@mail.ru

³Department of world economy and management, Autonomous non-profit organization of higher education «International banking Institute named after Anatoliy Sobchak»,
St. Petersburg, Russia

Address for correspondence: 191023, Nevsky pr., 60, Saint-Petersburg, Russia

Abstract

The article is devoted to the study of the possibilities and dynamics of the development of environmental entrepreneurship. The paper highlights the distinctive characteristics and directions of the development of environmental business, identifies the main problems of the development of environmental entrepreneurship in our country. The article reveals the change in public interests in terms of the demand for environmental products, considers the problem of «greenwashing» in entrepreneurship, analyzes the advantages of environmental innovations in large international corporations, and gives recommendations on the directions of environmental business development. The result of this study is the conclusion about the need to develop environmental entrepreneurship in the Russian Federation.

Keywords

Environmental business, entrepreneurship, greenwashing, environmental friendliness.

Введение

В процессе развития мировой экономической системы произошло усиление взаимодействия в сфере предпринимательской деятельности, а также изменения в окружающей среде, то есть влияние хозяйственно-экономической деятельности оказывает все большее воздействие на экологическую

обстановку. Для дальнейшего развития экономической системы требуется глобальное сырьевое обеспечение. Значительное количество неотъемлемо важных природных ресурсов является невозполнимым, и подобные масштабы потребления приводят к нарастанию экологического кризиса вследствие истощения природно-ресурсного мирового потенциала.

В последние годы актуализируется вопрос сохранения и охраны биологического разнообразия различных природных территорий. Экономический механизм, который существует на данный момент, недоработан и имеет много пробелов. Это так или иначе сказывается на развитии отдельных территорий, и природе в целом. Мировое сообщество столкнулось с глобальными экологическими проблемами, что вынуждает его вмешиваться в различные процессы. Некоторые государства попросту отказываются понимать их огромную важность для существования человечества.

В связи со сложившейся ситуацией возрастает актуальность особого вида предпринимательской деятельности – экологического бизнеса. Формирование и развитие «здорового» бизнеса является одним из самых эффективных механизмов, способствующих решению экологических проблем.

Актуальность научного исследования, связанного с перспективами развития экологического бизнеса, обусловлена необходимостью улучшения экологической обстановки, защиты экосистемы и разработки новых экологических продуктов. В целях охраны окружающей среды одним из факторов капитализации необходимо сделать экологическую эффективность. Более экологичный и прозрачный бизнес стоит дороже.

Цель исследования – исследование возможностей и динамики развития экологического предпринимательства.

Вопросы, которые необходимо решить в ходе исследования:

- выделить ключевые задачи, отличительные характеристики и направления развития экологического бизнеса;
- определить основные проблемы развития экологического бизнеса в нашей стране;
- раскрыть изменение общественных интересов в плане востребованности экологической продукции;
- рассмотреть проблему «гринвошинга» в предпринимательстве;

- проанализировать преимущества экологических инноваций в крупных международных корпорациях;

- дать рекомендации по направлениям развития экологического бизнеса в Российской Федерации.

Материалы, методы и объект исследования

Материалы: научные труды отечественных и зарубежных авторов по устойчивому развитию экономики, экологическому бизнесу, маркетингу; законодательство Российской Федерации, нормативные документы; аналитические обзоры из сети интернет.

Методы исследования: анализ и синтез, наблюдение и сравнение.

Объектом исследования является экологизация бизнеса с целью повышения эффективности предпринимательской деятельности и формирования механизмов, способствующих решению экологических проблем.

Результаты исследования

В основе современной мировой экономической системы лежит творческий потенциал человека и его продуктивность, при этом в процессе развития человечество игнорирует экологическую обстановку. Ископаемые ресурсы исчерпаемы, скоро человечество предстанет перед выбором – возврат в Средневековье или поиск альтернативных, неисчерпаемых источников энергии.

Принципы инвестиционного анализа в предпринимательстве с учетом экологических факторов должны сочетать в себе принципы как инвестирования, так и природоохранной деятельности. К основным принципам инвестирования бизнеса можно отнести следующие: целенаправленность, эффективность, системность, альтернативность, готовность, гибкость, безопасность и ряд других.

Учитывая особенности РФ, можно отметить, что важная роль в перечисленных выше принципах принадлежит принципам безопасности. С ростом добычи полезных ископаемых возрастает антропогенная нагрузка на природную среду. Прошлая активная деятельность по хозяйственному освоению некоторых регионов наложила отрицательный отпечаток и привела к необходимости проведения работ по очистке территорий и акваторий. В большинстве районов растет уровень загрязнения вод, атмосферы и почвы.

Рассмотрим субъекты экологического бизнеса. К данной категории относятся физические лица, которые зарегистрированы в качестве

индивидуальных предпринимателей, и другие предусмотренные законодательством субъекты предпринимательской деятельности, а также юридические лица любых организационно-правовых форм.

Предприятия, занимающиеся экологическим бизнесом, отличаются от остальных предприятий рядом признаков:

- в уставе данного предприятия законодательно закреплена главная цель, которая заключается в производстве товаров и услуг природоохранного характера, а также минимизации негативного воздействия на окружающую среду;

- участие рассматриваемого предприятия в исполнении государственного заказа на производство и предоставление услуг природоохранного характера и сокращение негативного воздействия на окружающую среду, а также обеспечение сбережения природных ресурсов. Данные экологические предприятия имеют свою специфику и направленность, которая определяет их цели и задачи;

- товары и услуги, выпускаемые и производимые экологическими предприятиями, не оказывающие пагубного воздействия на природу и отвечающие спектру экологических требований, предусмотренных нормативно-правовыми актами государства.

По нашему мнению, основными задачами экологического бизнеса являются: улучшение экологической обстановки, защита экосистемы и разработка новых экологических продуктов.

На сегодняшний день выделены следующие направления экологического бизнеса:

- разработка, внедрение и применение ресурсосберегающего оборудования и технологий;

- использование системы вторичного производства при реализации стратегии воспроизводства товаров;

- производство экологической измерительной и контрольной техники, определяющей состояние окружающей среды, направленной на снижение уровня загрязнения и производящей очистку от загрязняющих компонентов;

- производство экологически чистых товаров, являющихся полностью безопасными для потребителя во время использования и для окружающей среды после утилизации;

- проведение экологического просвещения населения, организация и финансирование экологического образования и воспитания;

- оказание специализированных экологических услуг по благоустройству частного или муниципального пространства [1].

Для успешного ведения экологического бизнеса необходимо четко и эффективно планировать свою деятельность, прогнозировать расходы и вести строгий учет согласно бизнес-плану. В России осуществляется активная государственная поддержка природоохранной деятельности и содействие субъектам экологического предпринимательства [2].

Государственная поддержка экологического предпринимательства в Российской Федерации осуществляется по следующим основным направлениям:

- создание и осуществление нормативно-правовой основы государственной поддержки экологического бизнеса;

- подготовка законодательных предложений по особому правовому, налоговому, таможенному и другим режимам для субъектов экологического предпринимательства (в том числе с использованием иностранного капитала) в целях наиболее эффективного привлечения в эту сферу трудовых, материальных и финансовых ресурсов с учетом тенденции развития рыночных отношений;

- содействие субъектам экологического предпринимательства в развитии научно-технических, производственных, информационных связей со странами СНГ и зарубежными государствами;

- определение объемов финансирования, видов, объемов приобретения и производства продукции природоохранного назначения при реализации природоохранных программ, проектов и мероприятий, финансируемых полностью из бюджета.

Таким образом, актуальность экологического бизнеса обуславливается исчерпаемостью природных ресурсов, истощением природных богатств и, как следствие, большой вероятностью скорого наступления экологического кризиса в том случае, если экономическая деятельность людей продолжит оказывать существенное влияние на экосистему.

Несмотря на то что экологический бизнес является одним из приоритетных направлений развития предпринимательства, во многих странах мира существует ряд проблемных аспектов, которые затрудняют процесс

вхождения и функционирования в данной области. Одним из главных проблемных аспектов является финансирование данного вида бизнеса, так как первоначальные затраты, а также осуществление научно-исследовательской деятельности требуют существенных финансовых вложений, что и обуславливает трудность осуществления экологического предпринимательства. Для закупки экологически чистого сырья, разработки и создания ресурсосберегающих технологий, производства измерительной техники необходимы огромные денежные затраты [3].

Основными проблемными аспектами экологического бизнеса являются:

- недостаток финансирования сферы экологического предпринимательства;
- отсутствие достаточного количества квалифицированных сотрудников в сфере экологии;
- высокие первоначальные вложения в этом виде бизнеса и малая вероятность снижения затрат в перспективе;
- недоверие к окупаемости затрат и рыночным выгодам данного бизнеса;
- неосведомленность и низкий уровень юридического образования, особенно в экологической сфере;
- низкий уровень осведомленности о государственной поддержке экологического бизнеса и информационной поддержке [4].

Главная проблема функционирования ритейла – невозможность продажи экологически чистой продукции по себестоимости или с небольшой наценкой. В этой связи ее цена намного будет превышать аналогичную продукцию других производителей. Большое количество российских фермеров работают по стандартам и осведомлены о технологиях создания экологически чистых продуктов для пищевой промышленности. При реализации продукции у фермеров существует только один выход – другие сбытовые источники, такие как продажи через частные сайты, интернет-магазины, ярмарки и др.

Однако, изучая социологические опросы населения, можно сделать вывод, что покупатели все чаще приобретают натуральную продукцию, несмотря на цены выше среднерыночного уровня. Многие из них готовы переплатить за высокое качество такого рода продукции.

В России до сих пор не существует плановой сертификации экотоваров. Кроме того, в нашей стране по-прежнему не решен вопрос сертификации органической продукции. Например, чтобы быть сертифицированным

продавцом, необходимо использовать корма, которые прошли сертификацию. В нашей стране существуют такие корма, но те, которые сейчас используются, нельзя применять в органическом животноводстве. Осложнено это все тем, что фермеры не могут найти качественное и соответствующее всем требованиям сертифицированное зерно. С комбикормом ситуация еще труднее.

Следующая серьезная проблема – гринвошинг, или «зеленый камуфляж». Популярным маркетинговым приемом является маркировка товаров как «экологически чистых» без достаточных на то оснований, например, с использованием на упаковке слов «эко», «органик», «био». В виду переизбытка подобных маркировок доверие потребителей к продукции в действительности натурального происхождения падает. Так, например, в странах Европейского союза и в Соединенных Штатах Америки производитель и поставщик продукции не имеют права указывать на упаковке сведения о «экологичности» продукции без надлежащего на то сертификата. Если документы на продукт не подтверждены, то по ГОСТу РФ запрещено размещать декларации на упаковке, однако на практике данное положение практически не реализуется ввиду отсутствия надлежащего контроля со стороны контролирующих органов за производителями и поставщиками продукции.

Таким образом, в городах-миллионниках, где доходы людей позволяют тратить на еду достаточно большие деньги, перспективы у производителей экопродукции есть. Если говорить о развитии рынка органических продуктов в целом по стране, то оно начнется с премиальных сетевых магазинов или небольших интернет-магазинов.

Предпринимательская среда быстро отреагировала на изменение общественных интересов в плане востребованности экологической продукции. Экологичность быстро стала маркетинговым трендом. За последние пять лет основной потребительской группой стали люди, родившиеся на рубеже 21-го века. Прилавки наполнились товарами с приставками «эко-» и «био-», запестрили «зелеными» этикетками «экологических» продуктов. Предприниматели незамедлительно отреагировали на то, что товары, позиционируемые как экологичные, лучше продаются.

Общеизвестные бренды используют данные тенденции для повышения спроса на свои товары. Международная сеть магазинов H&M в 2012 году запустила линейку «Conscious» из натурального хлопка и переработанных материалов, а в 2013-м – программу переработки текстиля. Шведский гигант

IKEA начал принимать использованные батарейки и LED-лампочки в своих магазинах, а затем инициировал в России программу по приему ненужного текстиля, а после и вовсе расширил перечень принимаемых на переработку материалов. Автоконцерн General Motors в 2009 году совершил ребрендинг – изменил цвет логотипа на зеленый, чтобы отразить стремление к экологическим инновациям. Производитель спортивных товаров Adidas перешел к использованию переработанного мусора из мирового океана. Перечень подобных примеров можно продолжить как пример того, что производители стремятся использовать тренд на «экологичность» и охрану окружающей среды.

К концу второго десятилетия 21-го века данные тенденции достигли своего апогея – к ним присоединились крупнейшие интернет-ритейлеры, в том числе отечественные. Так, крупнейший отечественный ритейлер перешел к использованию бумажных пакетов, как, впрочем, и многие розничные магазины.

Тем не менее за многими громкими «экологическими» заявлениями часто кроется мало конкретных действий. Данное явление получило название «гринвошинг». Мировая глобализация оказывает существенное негативное влияние на состояние окружающей среды. Выбросы углекислого газа в атмосферу, несмотря на заверения представителей корпораций, существенно не снизились. Потребление пресной воды, например, для производства и культивирования хлопка, загрязнение почв и подземных вод токсичными химикатами не прекращается, как и размещение производств в развивающихся странах, где используется детский, ненормированный труд, а такое явление, как соцпакет, практически неизвестно [5].

Тема «гринвошинга» чрезвычайно актуальна в сфере косметического рынка. При наличии огромного количества «экологических» этикеток и отметок на упаковке, создающего видимость безопасного экологичного продукта, действительно натуральная и органическая косметика может вызывать вопросы, поскольку может быть произведена или испытана неэтичным способом или реализовываться в перерабатываемой упаковке. Таким образом, налицо банальная погоня за трендом и потребителем, а не стремление к уменьшению негативного влияния на окружающую среду.

Примечательно, что к снижению потребления, как к наиболее эффективной мере по ограничению негативного воздействия на окружающую среду, покупателей призывают единичные производители.

Следует отметить серьезные загрязнения ввиду развития добывающей промышленности. Так, например, в Ямало-Ненецком автономном округе загрязнение питьевой воды в результате попадания продуктов добычи нефти превышает 10–20 ПДК, также остро стоит проблема загрязнения питьевой воды в Мурманске и области.

В оценке эффективности предпринимаемых бизнесом мер в области минимизации негативного воздействия на окружающую среду ключевым требованием является критическое мышление, а также системная эксплуатация производителями и ритейлерами ярких акций экологического характера, связанных с использованием невозобновляемых ресурсов [6].

Можно привести пример неоднозначной экологической политики: нефтехимический концерн «Сибур», на постоянной основе реализующий новые «зеленые» инициативы, такие как фестиваль фильмов экологической тематики, активное продвижение переработки мусора и т.д. Тем не менее компания запускает крупнейший в России профильный завод «ЗапСибНефтехим», среди продукции которого одноразовые пластиковые продукты, являющиеся основным загрязнителем Мирового океана и окружающей среды в целом. Пластик является лучшим материалом современности при условии надлежащего обращения с ним. В настоящий момент серьезных альтернатив у него нет. В то же время пластмассы лидируют по энергозатратам и неэкологичности производства среди подобных материалов – они имеют малую плотность и, следовательно, вес.

Следует отметить, что многие инвесторы отказываются от сотрудничества с сектором традиционной энергетики в пользу greentech-компаний, отдавая приоритет «зеленым» инвестициям в энергетику нескончаемых ресурсов (солнечная, ветровая энергии). От инвестиций в «грязную энергетику» отказывается, например, крупнейший британский частный пенсионный фонд Swansea Council's Pension Fund с капитализацией в £2,1 млрд, планируют отказаться от инвестиций в нефтяные компании и другие организации с большим «углеродным следом». Конечный потребитель также обращает внимание на экологическую ответственность производителя, что стимулирует бренды стремиться к «озеленению». Тем не менее «озеленение»

нередко носит формальный характер, направленный лишь на использование трендов для увеличения своих оборотов [4].

Государством все больше внимания уделяется экологическому предпринимательству, в особенности тем предприятиям, которые связаны с эффективным использованием утилизированных, переработанных и вторично использованных природных ресурсов. Еще одна ниша, занимаемая экологическим бизнесом, – деятельность, непосредственно направленная на охрану здоровья человека от неблагоприятных экологических факторов, которой должного внимания со стороны государственных органов не уделяется. Предприятия, занимающиеся подобной деятельностью, надлежащей государственной поддержки не получают, развитой системы государственного заказа в этой отрасли также не имеется. Без режима максимального благоприятствования, защиты рынка данная сфера деятельности, будучи перспективным направлением экономики, обречена на застой, а в перспективе – и на деградацию.

В целях зеленого роста мировой экономики жизненно важен переход к альтернативным, нескончаемым ресурсам на всех уровнях, как на бытовом, так и на промышленном.

Существенные шаги в этом направлении делают Скандинавские страны. Так, Дания утвердила правила энергоэффективности для каждого домовладения, ввела налоги для граждан на расход электричества. Примерно треть от всей электроэнергии генерируется ветроэлектростанциями. В планах до 2050 года страна намерена полностью отказаться от ископаемого топлива в пользу энергии ветра, приливов, солнца и биомассы [6].

70 процентов мировых запасов воды расходуется на нужды сельского хозяйства, которое является источником 13% от общего объема парниковых газов. Развитие этой отрасли должно двигаться по пути технологий обработки почвы, механизации и автоматизации труда, сотрудничества между малыми и крупными сельхозпроизводителями.

В России подобные проекты реализуются компанией «Совзонд» в рамках заказа Министерства сельского хозяйства. Она отслеживает состояния посевных площадей по спутниковым снимкам, анализирует их состояние. Так можно узнать о влажности почвы, распространении сорных растений и здоровье сельскохозяйственных культур [1].

Основное направление для развития экологичного бизнеса в сфере транспорта – электроавтомобили, автомобили с гибридными силовыми установками, самокаты, велосипеды и иной транспорт с приводом в виде мускульной силы. Использование подобного транспорта минимизирует количество вредных выбросов, а велосипеды к тому же разгрузят городской трафик, однако им нужна соответствующая инфраструктура.

Некоторые государства активно стимулируют переход на экологичный транспорт. Во Франции водители получают до €200 компенсации, если отказываются от машины, а в Германии водители платят налог за объем выбросов CO₂.

В основе экологичного предпринимательства лежит грамотное налогообложение в целях контроля за вредным влиянием на окружающую среду и стимулированием позитивных экологических привычек. Например, Япония является лидером по введению нового законодательства, связанного с покупкой энергии из возобновляемых источников для операторов электросетей.

Другой важный момент – инвестиции. В России с 2019 года на Московской бирже функционирует так называемый «Сектор устойчивого развития» – платформа поддержки экопроектов.

В сравнении с другими государствами развитие экобизнеса в РФ продвигается медленнее. Сырьевые ресурсы – основа нашей экономики. Тем не менее Россию можно назвать лидером в сфере гидроэнергетики. Более 20 процентов вырабатываемой электроэнергии генерируется на гидроэлектростанциях. В Мурманской области действует уникальнейшая приливная электростанция, а на Дальнем Востоке – пять геотермальных станций. В южных регионах задействованы площадки по выработке солнечной энергии, самая высокопроизводительная из которых расположена в Крыму. Ветряные же электростанции развиты слабо.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать следующие **выводы и предложения:**

1. Система экологического предпринимательства требует внедрения на государственном уровне следующих инструментов экологической политики:

- стимулирования рычагов экологического регулирования и нормирования в процессе предпринимательства;

- информационной поддержки предпринимателей, работающих в сфере экологического бизнеса в виде консультаций и рекомендаций, а также информирование потенциальных потребителей;

- для предпринимателей, инвестирующих в экологические технологии, ввести режим финансового стимулирования, льготного налогообложения, грантовой поддержки и льготных займов;

- ввести обязательные экологические требования в законодательство о государственных закупках.

2. Расширить существующий бизнес возможно за счет постоянно растущего спроса на экологически чистую продукцию со стороны клиентов. Устойчивому развитию бизнеса в долгосрочной перспективе способствуют экологические требования, внедренные на уровне основных бизнес-процессов предприятия. Необходимые изменения и адаптационные мероприятия, связанные с меняющейся внешней средой бизнеса, требуют внедрения инновационных экологических решений и безопасных энергетических схем для сокращения в первую очередь издержек и высвобождения капитала.

3. Для удовлетворения спроса требовательных потребителей, задумывающихся о качестве производимых товаров и продуктов, бизнесу необходимо выводить на рынок новую, экологически чистую продукцию. К сожалению, в настоящее время еще не хватает критической массы таких потребителей, которые позволят измениться всей системе предпринимательства в нашей стране.

Список источников

1. **Глазунов А. С., Баскаков А.Д.** Проблема экологического менеджмента малого и среднего бизнеса в России // Пространственное развитие региона: перспективы, приоритеты, ресурсы: Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Киров: Изд-во: «РА Полиграфыч», 2019, С. 458–462.

2. **Бобошко В.И.** Система внутреннего экологического контроля на предприятиях малого бизнеса // Инновационное развитие экономики. Йошкар-Ола: Изд-во Научно-консалтинговый центр 2018, С. 215–255.

3. **Амиралиева Д.М.** Экологический бизнес как направление инновационного развития предприятий // Актуальные вопросы современной экономики в глобальном мире. Махачкала: Изд-во Некоммерческое

партнерство «Дагестанский территориальный институт профессиональных бухгалтеров» 2017. С. 252–253.

4. Экологизация малых и средних предприятий [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/environment/outreach/Greening-SMEs-policy-manual-rus.pdf> (дата обращения 15.04.2021).

5. **Курочкина А.А., Семенова Ю.Е.** Экологические проблемы алмазодобывающей отрасли в условиях Арктики // Известия Санкт-Петербургского государственного университета. – 2021. – №6 (132). – С.56–61.

6. Развитие социально-экономического потенциала Арктической зоны: Монография/ под ред. А.А. Курочкиной и др. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Медианапир, 2021. – 282 с.

7. **Третьяк В.В., Круглова И.А., Панарин А.А.** Инклюзивная «зеленая» экономика в контексте обеспечения экономической безопасности / В.В. Третьяк, И.А. Круглова, А.А. Панарин // Ученые записки Международного банковского института. – 2020. – №1(31). – С. 124–135.

8. **Третьяк В.В., Хлутков А.Д., Панарин А.А.** Особенности разработки и реализации государственной политики зеленой экономики / В.В. Третьяк, А.Д. Хлутков, А.А. Панарин // Ученые записки Международного банковского института. – 2020. – №2(32). – С. 135–145.

9. **Круглова И.А.** «Зелёная экономика» в контексте экономической безопасности: необходимость формирования, институализация и инструментарий реализации / И.А. Круглова // Ученые записки Международного банковского института. – 2019. – №3(29). – С. 65–90.

10. **Круглова И.А.** Интеграция «зеленой» экономики с новейшими цифровыми технологиями как обеспечение устойчивого экономического развития / И.А. Круглова // Ученые записки Международного банковского института. – 2019. – 4(30). – С. 60–72.

11. Зеленая экономика и зеленые финансы: учебное пособие [Б.Н. Порфирьев и др.] / Под ред. акад. Б.Н. Порфирьева. – СПб.: Изд-во «МБИ», 2018. – 327 с.

12. **Ключников О. И.,** «Зеленые» финансы как производственная функция устойчивой среды обитания // Ученые записки Международного банковского института. № 29. 2019. С. 52–64.

13. **Сигова М.В.** «Зеленые» финансы: процесс развития и перспективы трансформации: Монография / Л.С. Кабир, И.А. Яковлев, С.И. Никулина, И.Д. Раков, Н.Е. Терентьев, М.В. Сигова, О.И. Ключников, Л.Ю. Гореховатский, К.В. Екимова, К.С. Богомолов, Л.А. Аносова, А.А. Бокарев // Международный банковский институт. Санкт-Петербург, 2020.

References

1. **Amiraliyeva D.M.** Ecological business as a direction of innovative development of enterprises//Topical issues of modern economy in the global

world. Makhachkala: Publishing House Non-profit Partnership «Dagestan Territorial Institute of Professional Accountants». 2017. S. 252–253.

2. **Boboshko V.I.** System of internal environmental control at small businesses//Innovative development of the economy. Yoshkar-Ola: Publishing House of the Scientific and Consulting Center. 2018. S. 215–255.

3. **Glazunov A. S., Baskakov A. D.** The problem of environmental management of small and medium-sized businesses in Russia//Spatial development of the region: prospects, priorities, resources: Collection of scientific works of the international scientific and practical conference. Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. Kirov: Publishing House: «RA Polygraphich», 2019. S. 458–462.

4. Greening small and medium-sized enterprises [Electronic resource]. URL: <https://www.oecd.org/environment/outreach/Greening-SMEs-policy-manual-rus.pdf> (case date 15.04.2021).

5. **Kurochkina A.A., Semenova Yu.E.** Ecological problems of the diamond mining industry in the Arctic conditions// Izvestiya of St. Petersburg State University. – 2021. – №6 (132) – Pp.56–61.

6. Development of the socio-economic potential of the Arctic zone: Monograph/ edited by A.A. Kurochkina et al. – 2nd ed., ispr. and add. – St. Petersburg: Mediapapir, 2021. – 282 p.

7. **Tret'yak V.V., Kruglova I.A., Panarin A.A.** Inklyuzivnaya «zelenaya» ekonomika v kontekste obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti / V.V. Tret'yak, I.A. Kruglova, A.A. Panarin // Uchenyye zapiski Mezhdunarodnogo bankovskogo institute. – 2020. – №1(31). – S. 124–135.

8. **Tret'yak V.V., Khlutkov A.D., Panarin A.A.** Osobennosti razrabotki i realizatsii gosudarstvennoy politiki zelenoy ekonomiki / V.V. Tret'yak, A.D. Khlutkov, A.A. Panarin // Uchenyye zapiski Mezhdunarodnogo bankovskogo institute. – 2020. – №2(32)ю – S. 135–145.

9. **Kruglova I.A.** «Zelonaya ekonomika» v kontekste ekonomicheskoy bezopasnosti: neobkhodimost' formirovaniya, institualizatsiya i instrumentariy realizatsii / I.A. Kruglova // Uchenyye zapiski Mezhdunarodnogo bankovskogo institute. – 2019. – №3(29). – S. 65–90.

10. **Kruglova I.A.** Integratsiya «zelenoy» ekonomiki s noveyshimi tsifrovymi tekhnologiyami kak obespecheniye ustoychivogo ekonomicheskogo razvitiya / I.A. Kruglova // Uchenyye zapiski Mezhdunarodnogo bankovskogo institute. – 2019. – 4(30). – S. 60–72.

11. Zelenaya ekonomika i zelenyye finansy: uchebnoye posobiye [B.N. Porfir'yev i dr.] / Pod red. akad. B.N. Porfir'yeva. – SPb.: Izd-vo «MBI», 2018. – 327 s.

12. **Kliuchnikov O. I.**, «Green» finance as a production function of a sustainable living environment // Scientific notes of the International Banking Institute. No. 29. 2019. P. 52–64.

13. **Sigova M.V.** «Zelenyye» finansy: protsess razvitiya i transformatsii: Monografiya / L.S. Kabir, I.A. Yakovlev, S.I. Nikulina, I.D. Rakov, N.Ye. Terent'yev, M.V. Sigova, O.I. Klyuchnikov, L.YU. Gorokhovatskiy, K.V. Yekimova, K.S. Bogomolov, L.A. Anosova, A.A. Bokarev // Mezhdunarodnyy bankovskiy institut. Sankt-Peterburg, 2020.

ДОКТРИНА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (2020) И ESG-ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И АПК РОССИИ

Ринат Искандярович РЕЗВАНОВ^{1,2}

¹Советник по направлению устойчивого развития и образовательной деятельности
Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный
исследовательский центр картофеля им. А.Г. Лорха»

²Старший научный сотрудник Центра международных финансов
Федерального государственного бюджетного учреждения

«Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов
Российской Федерации»

Адрес для корреспонденции: 140051, Московская область, городской округ Люберцы,
д.п. Красково, ул. Лорха, д. 23 «В». Т.: +7 (498) 645-03-03. E-mail: kraspgk@yandex.ru

Аннотация

В настоящей статье впервые предпринята попытка соотнесения ключевого для отечественного сельского хозяйства и АПК национального документа стратегического планирования – Доктрины продовольственной безопасности России и проблематики развития устойчивого производства продовольствия и ведения сельского хозяйства (в т.ч. ESG-трансформации). В исследовательском фокусе – вопросы корреляции доктринальных установок с тематикой устойчивого развития и адаптации к природно-климатическим угрозам и рискам; текущий анализ уровня самообеспечения основными продовольственными товарами и определение степени его воздействия на перспективы отраслевой ESG-трансформации («факторный вес»).

Рассматривается проблематика соотношения понятийного аппарата между российской доктринальной практикой и общепринятой международной в сфере устойчивого производства продовольствия и ведения сельского хозяйства, вопросы ведения регуляторной политики, определения действенных механизмов работы государства с товарными агропродовольственными цепочками внутри страны.

Ключевые слова

Доктрина продовольственной безопасности России; зеленая экономика; экологическое, социальное и корпоративное управление (ESG); ответственное инвестирование; устойчивое сельское хозяйство; зеленая и адаптационная таксономия; климатически оптимизированное сельское хозяйство.

FOOD SECURITY DOCTRINE (2020) AND ESG-TRANSFORMATION OF RUSSIAN AGRICULTURE

Rinat I. REZVANOV¹

¹Advisor for Sustainable Development and Academic Activities (SD/AA),
Federal State Budgetary Institution of Science «Lorch Potato Federal Research Centre»

²Senior Researcher of International Finance Centre,
Federal State Budgetary Institution

«Financial Research Institute of the Ministry of Finance Russian Federation»

Address for correspondence: 140051, Russian Federation, Moscow region, Lyubertsy urban district,
Kraskovo, Lorkh Str., 23 V.

Abstract

In this article, for the first time, an attempt was made to correlate the key national strategic planning document for domestic agriculture and the agro-industrial complex – the Food Security Doctrine of the Russian Federation and the development of sustainable food and agriculture (including ESG-transformation). The research focus is on the issues of correlation of doctrinal attitudes with the topics of sustainable development and adaptation to climate change threats and risks; current analysis of the level of self-sufficiency in basic food products and determination of the degree of its impact on the prospects for sectoral ESG transformation («factorial weight»).

The problematics of the correlation of the conceptual apparatus between between the Russian doctrinal approach and generally accepted international practice in the field of sustainable food and agriculture, the issues of conducting regulatory policy, determining effective mechanisms for the state to work with commodity agro-food chains within the country are considered.

Keywords

Food security doctrine of the Russian Federation, green economy, environmental, social, and corporate governance (ESG), responsible investing, sustainable agriculture, green and adaptive taxonomy, climate-smart agriculture (CSA).

Введение

Сельское, лесное и рыбное хозяйство в России – один из наиболее динамично растущих секторов экономики по объему инвестиций в основной капитал. Так, если объем вложений на 2015 год составлял 518,8 млрд руб., то уже в 2016-м – 623,4 млрд руб. (+20,1% к прошлому году), в 2017-м – 705,5 млрд руб. (+13,1% к прошлому году), в 2018-м году – 781,5 млрд руб. (+10,7% к прошлому году), в 2019-м году – 838,8 млрд руб., с приростом +7,3% к прошлому году (Рис. 1) [1, с.108]. Правда, необходимо признать: значительная доля капвложений в АПК приходится на государство, в частности, по состоянию на 2018 год оно обеспечило 37% инвестиций в отрасль. Причем за

период 2016–2018 годов из федерального бюджета на развитие отечественного АПК было направлено порядка 800 млрд руб. [2, с.26].

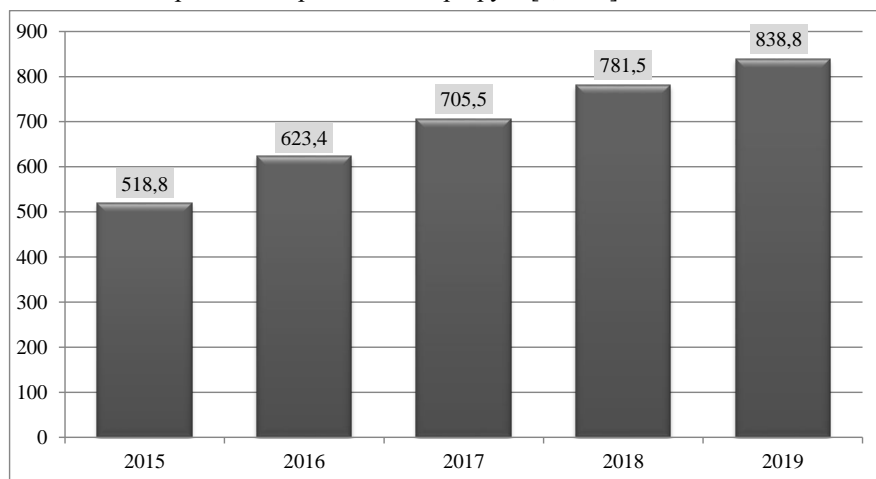

Рис. 1 – Объем инвестиций в основной капитал сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства, рыбоводства (млрд руб., в текущих ценах)

Источник: [1]

В то же самое время уже во второй половине 2010-х годов наметилась тенденция постепенного сокращения доли сельского хозяйства и АПК в экономике страны. Так, в абсолютных цифрах отраслевой объем в структуре ВВП страны снизился с 3,6 трлн руб. в 2016 году до 3,33 трлн руб.¹⁰ в 2019-м (Рис. 2). Общее структурное уменьшение доли «сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства» на 0,2 процентных пункта в период с 2017 по 2019 гг. фиксируется и Аналитическим центром при Правительстве РФ [3, с.5].

Одновременно в качестве одного из ведущих приоритетов финансово-инвестиционного развития отрасли со стороны государства заявляется о необходимости увеличения объема привлекаемых внебюджетных средств в сектор сельского и лесного хозяйства, охоты и рыболовства. Так, по результатам проведенного в апреле 2019 года совещания, темой которого стала разработка комплекса государственных мер по наращению объема инвестиций в АПК к 2024 году, Минсельхоз России объявил о поставленной задаче выхода

¹⁰ Показатели за 2019 год Statista, одна из крупнейших мировых дата-платформ, приводит в качестве прогнозных, ссылаясь на данные Минэкономразвития РФ (<https://www.statista.com/statistics/1064022/russia-gdp-from-agriculture/>)

на показатель в 822 млрд руб. частных инвестиций в 2024 году, в сравнении с 444 млрд руб. в принятом за базовый 2017-м году (при среднегодовом темпе роста в 4,5%) [4].

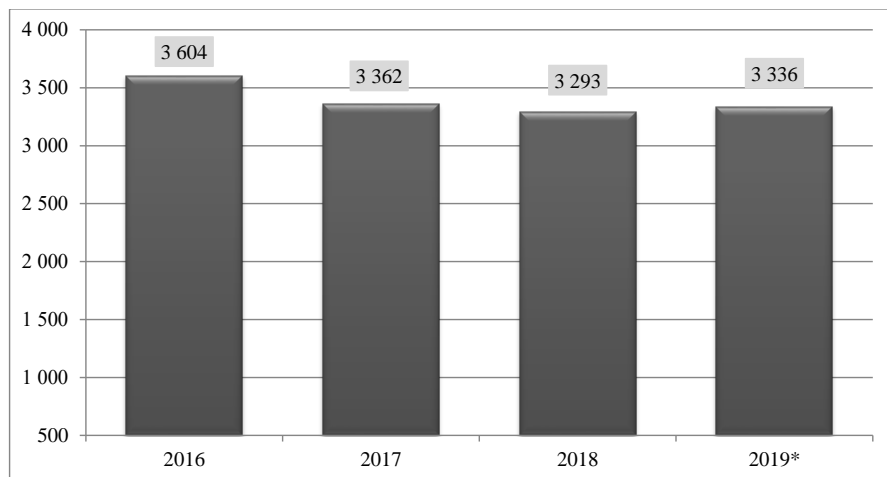

Рис. 2 – Годовой объем валового внутреннего продукта (ВВП) сельского хозяйства России (в млрд руб.)

Источник: Statista 2022 (Statista.com)

* Данные на 2019 год приводятся Statista 2022 с учетом прогнозных показателей Минэкономразвития РФ.

Таким образом, существенным вопросом на сегодня для российского АПК является определение стратегических инвестиционных и финансово-экономических параметров дальнейшего развития. Причем в условиях, когда, с одной стороны, объемы инвестирования в отрасль увеличиваются, а с другой – наметился тревожный тренд сокращения доли сельского хозяйства, как в абсолютных, так и относительных показателях в структуре ВВП России. Конечно, есть понимание, что государство продолжает оставаться ключевым отраслевым инвестором. Но в текущих условиях и государство уже прямо артикулирует о необходимости увеличения объема внебюджетных (частных) капиталовложений, прекрасно понимая, что сколько угодно долго описанная выше разнонаправленная динамика в отраслевой макроэкономике, продолжаться не может.

Цель и задачи исследования

Зеленая (или ESG) повестка, несомненно, приобрела статус большого вызова для российского сельского хозяйства и АПК. Однако значение данного вызова вовсе не исчерпывается требованиями повышенного соблюдения экологических стандартов и принципов ответственного потребления. В мире действует целая линейка международных моделей финансовых инструментов и стандартов нефинансовой отчетности в сфере устойчивого развития. И отечественный АПК вполне способен и должен воспользоваться открывающимися возможностями, обеспечив для себя не только новые направления инвестиционно-экономического развития, но и технологическую, операционную ESG-трансформацию инфраструктурных проектов.

Приведенный тезис оказывается тем более актуальным, поскольку, согласно озвученным первым зампредом правления Сбербанка Александром Ведяхиным данным, верифицированным со стороны Российской академии наук, для целей соответствия сельского хозяйства принятой российским правительством осенью 2021 года стратегии низкоуглеродного развития необходимо проинвестировать отрасль в объеме 3,6 трлн рублей до 2050 года. И, как подчеркивается, это потребует в том числе привлечения значительных внешних заимствований [5].

Ключевую роль в складывающихся условиях приобретают национальные документы стратегического планирования, с пониманием степени корреляции между заложенными в них установками и предъявляемыми общепринятыми параметрами устойчивого (ESG) развития. Для российского АПК основополагающей является Доктрина продовольственной безопасности¹¹, представляющая собой базовый документ для разработки нормативных правовых актов в сфере обеспечения продовольственной безопасности страны, развития ее агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов [6, с.276–277].

Результаты исследования

Изначально одним из ключевых сдерживающих факторов развития российского сельскохозяйственного сектора на принципах зеленой экономики называлось его стадийное качественное отставание от достигнутых развитыми странами параметров. В наиболее выкристаллизованном виде этот ключевой аргумент, появившийся в 2010-х годах, представлен, в частности, в

¹¹ Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // Kremlin.ru: Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/45106> (дата обращения: 15.02.2022).

аналитических публикациях Центра агропродовольственной политики ИПЭИ РАНХиГС. Центр является одним из ведущих российских think tank's в сфере агропродовольственной политики, занимаясь в том числе, что важно для нашего исследования, комплексным мониторингом и анализом достижения целевых положений Доктрины продовольственной безопасности России (2020¹²).

По мнению экспертов Центра, «Для развитых стран, решивших задачи первых этапов продовольственной безопасности, ставить целью поддержку доходов (а не роста производства!) фермеров вполне допустимо. У них на повестке дня уже не количество произведенной продукции, а экологичность, сохранение ландшафтов, среды обитания диких животных и т.д. В России же с ее импортозависимостью по мясу и стагнацией молочного скотоводства главной все еще является цель увеличения производства. Однако Россия испытывает сильный прессинг после вступления в ВТО и взятыми обязательствами по сокращению мер “желтой корзины”» [7, с.14].

Приведенный тезис за прошедшее время несколько не потерял в своей значимости, более того – он и сейчас продолжает уверенно оставаться в числе базовых в структуре отраслевого дискурса о перспективах ESG-трансформации¹³ российского АПК¹⁴.

Впрочем, перед тем как перейти к детальному рассмотрению текущих доктринальных параметров по самообеспеченности основными продовольственными товарами применительно к целевым установкам ESG-трансформации в российском АПК, сразу заявим существенную оговорку. Дело в том, что действующая Доктрина довольно активно оперирует понятием устойчивого развития. Например, оно идет третьим («устойчивое развитие и модернизация сельского и рыбного хозяйства и инфраструктуры внутреннего рынка») в перечне из двенадцати национальных интересов государства в сфере продовольственной безопасности на долгосрочный период; первым («устойчивое развитие производства сельскохозяйственной продукции, сырья и

¹² Год принятия действующей Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации приводится исключительно в целях уточнения и проведения различия с первым изданием Доктрины в 2010 году.

¹³ Определение *ESG-трансформация* приводится в соответствии с терминологическим корпусом, приведенным в монографии [8] и понимаемым как «преобразование деятельности компаний и финансовых учреждений в направлении более полного учета необходимости защиты экологии, социального развития и совершенствования корпоративного управления».

¹⁴ Например, в том или ином контексте и качестве искомый аргумент приводился представителями крупных агропродовольственных компаний в рамках делового бранча «Сельское хозяйство и ESG-трансформация: вызовы и возможности» в ходе крупнейшей отраслевой выставки «Золотая осень – 2021» [9].

продовольствия, достаточное для обеспечения продовольственной независимости на основе принципов научно обоснованного планирования») в числе тринадцати основных задач обеспечения продовольственной безопасности, причем с константным значением, поскольку в тексте специально подчеркивается: «независимо от изменения внешних и внутренних условий».

Обращает на себя внимание то оперантное значение, которым в Доктрине нагружается понятие устойчивого развития – оно в первую очередь, если не исключительно, соотносено с принципом обеспечения продовольственной независимости, нежели с какими-либо иными смыслами. Хотя, заметим, в тексте упоминается необходимость достижения Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (Цели устойчивого развития), принятой Генассамблеей ООН 25 сентября 2015 г., среди задач в сфере внешнеэкономической политики.

Подобная семантика оперантного использования понятия объясняется отраслевыми экспертами прежде всего как следование логике консервативной парадигмы, изначально заложенной в самую сердцевину доктринальной структуры, опирающейся на перманентную безусловность обеспечения именно собственного производства продовольствия. «В основном так в мире не работали», – резюмирует тот же руководитель центра компетенций в АПК консалтинговой компании KPMG Илья Строкин. В своей аргументации он ссылается на пример США и Китая, являющихся одновременно крупными как экспортерами, так и импортерами продовольствия. А в случае с Новой Зеландией, одним из крупнейших экспортёров – игроков на рынке премиальной мясо-молочной продукции, сам импорт исходного мяса происходит из Австралии, что объясняется соображениями экономической рентабельности [10].

Собственно приводимый доктринальный конструкт *устойчивое развитие производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия* является синтаксическим уподоблением *концепции устойчивого производства продовольствия и ведения сельского хозяйства (sustainable food and agriculture)* Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО ООН). С одной лишь существенной разницей: трактовка принципа устойчивости в исходной концепции ФАО ООН при сравнительно-типологическом анализе все же выявляет значительное расхождение с

заложенным в логико-структурной модели Доктрины пониманием. В своих широко известных *пяти основных принципах устойчивости агропродовольственного сектора* ФАО ООН недвусмысленно акцентирует внимание на следующем подходе: «если раньше эффективность выражалась преимущественно в терминах урожайности (столько-то кг продукции с гектара), то в будущем, говоря о повышении продуктивности, необходимо будет учитывать и другие измерения. Все большее значение будут приобретать производственные системы, в которых учитываются факторы потребления воды и энергии, поскольку дефицит воды растет, и сельскому хозяйству придется изыскивать пути сокращения выбросов парниковых газов. Это скажется на использовании удобрений и других сельскохозяйственных ресурсов» [11].

Зафиксировав артикулируемый ФАО ООН подход, мы обнаружим явное расхождение в определении и понимании базовых понятийных значений между российской доктринальной практикой и общепринятой международной. Достаточно обратиться к принятому *Плану мероприятий («дорожной карте») по реализации положений Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации*¹⁵, чтобы увидеть его достаточно слабую корреляцию с общепринятым методологическим подходом ФАО ООН к политикам устойчивого производства продовольствия и ведения сельского хозяйства. Не говоря уже о том, что если Доктрина напрямую требует в сфере организации и управления обеспечением продовольственной безопасности *учитывать влияние изменений природно-климатического характера на состояние отечественной экономики*, то заложенные в План мероприятий («дорожную карту») шестнадцать ключевых направлений полностью обходят этот вопрос.

Определив расхождения в оперантных понятийных подходах, постараемся проанализировать: насколько критичным продолжает оставаться фактор отставания России по уровню самообеспечения основными продовольственными товарами от развитых стран? Тем самым мы попытаемся определить степень его воздействия на перспективы отраслевой ESG-трансформации («факторный вес»). Для большей верифицируемости используемых в нашем исследовании данных обратимся к промежуточным

¹⁵ Распоряжение Правительства РФ от 9 июня 2020 года №1516-р об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по реализации положений Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации // Правительство РФ, дата публикации: 15.06.2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/39874> (дата обращения: 15.02.2022).

результатам мониторинга продовольственной безопасности, ведущегося тем же Центром агропродовольственной политики ИПЭИ РАНХиГС и публикуемого в виде дашборда «Мониторинг продовольственной безопасности»¹⁶.

В мониторинге приводится уровень самообеспечения основными продовольственными товарами в России, среди которых 9 агропродовольственных позиций: зерно, картофель, молоко и молокопродукты (в пересчете на молоко), мясо и мясопродукты (в пересчете на мясо), овощи и бахчевые культуры, растительное масло, рыба и рыбопродукты (в живом весе сырца), сахар, фрукты и ягоды.

В рамках нашей работы мы постараемся кратко проанализировать каждую из представленных позиций по следующим параметрам: уровень самообеспечения и доля импорта к производству. Хронологические рамки заданы исходными значениями самого мониторинга – это 2015–2020 гг. Количественные индикаторы пороговых значений базируются на приведенной в п.9 Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации методологии расчета *продовольственной независимости*, определяемой как уровень самообеспечения в процентах, рассчитываемый как отношение объема отечественного производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия к объему их внутреннего потребления и имеющий пороговые значения в отношении:

- а) зерна – не менее 95 процентов;
- б) сахара – не менее 90 процентов;
- в) растительного масла – не менее 90 процентов;
- г) мяса и мясопродуктов (в пересчете на мясо) – не менее 85 процентов;
- д) молока и молокопродуктов (в пересчете на молоко) – не менее 90 процентов;
- е) рыбы и рыбопродуктов (в живом весе – весе сырца) – не менее 85 процентов;
- ж) картофеля – не менее 95 процентов;
- з) овощей и бахчевых – не менее 90 процентов;
- и) фруктов и ягод – не менее 60 процентов;

¹⁶ Центр агропродовольственной политики: Мониторинг продовольственной безопасности // Центр агропродовольственной политики ИПЭИ РАНХиГС [Электронный ресурс]. URL: <https://datastudio.google.com/reporting/39feafd4-7ac3-4786-821e-34b59ccef4d5/page/HrnsB> (дата обращения: 15.02.2022).

к) семян основных сельскохозяйственных культур отечественной селекции – не менее 75 процентов;

л) соли пищевой – не менее 85 процентов.

Таким образом, по состоянию на 2020 год общая динамика по девяти рассчитываемым агропродовольственным позициям репрезентирована следующим образом:

Зерно:

Начиная с 2015 года и по 2020 год включительно достигнутые фактические значения по зернопроизводству в стране стабильно превышают пороговые показатели. В 2020 году показатель составлял 167,6 пунктов при пороговом значении в 95 процентных пунктов (п.п.).

Соответственно низкими в зерновом секторе являются показатели импорта к производству: 0,3% в 2020 году (при производстве 133,4 млн тонн и импорте в объеме 0,4 млн тонн). Для сравнения: в 2015 году показатель составлял 0,76% (при производстве 104,7 млн тонн и импорте в объеме 0,8 млн тонн).

Заметим, что внутреннее потребление зерновых в России с 2013 по 2020 гг. увеличилось на 24,6% (+ 10,9 млн тонн) – рост как в относительных, так и абсолютных значениях превысил динамику производственного потребления в стране за сопоставимый период (соответственно: 4,7% и + 3,9 млн тонн (см. Рис. 3). В целом признаем: вряд ли общий рост внутреннего потребления выглядит сколько-нибудь впечатляющим – проблема дефицита зерноперерабатывающих мощностей продолжает и поныне оставаться актуальной, и тот же рынок экспорта зерна и его переработки продолжает действовать во многом в виде автономных несвязанных звеньев.

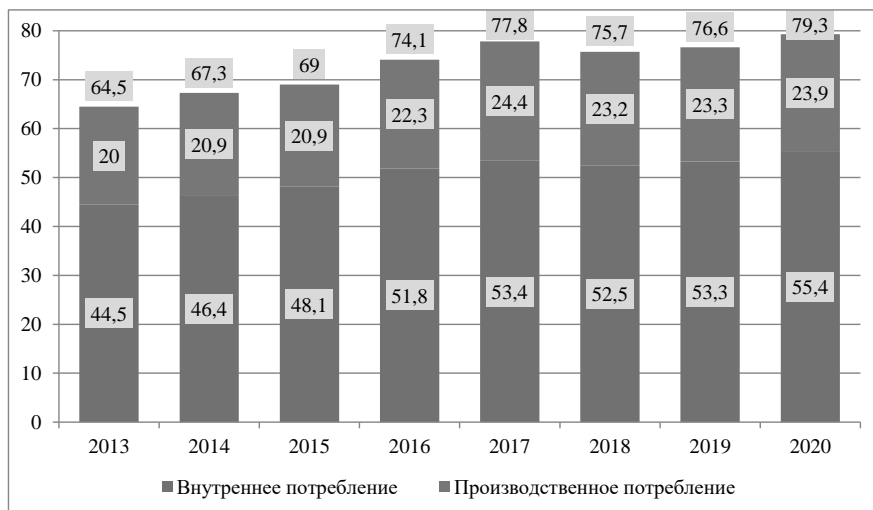

Рис. 3 – Годовой объем потребления зерновых в России с 2013 по 2020 гг. (по видам потребления, в млн тонн)

Источник: Statista 2022 (Statista.com)

Картофель:

Уровень самообеспечения за все наблюдаемое с 2015 года время находится в пределах границ порогового значения (установленного на уровне в 95 п.п.), демонстрируя за последние несколько лет даже тенденцию к снижению: 95,3 п.п. в 2018 году; 95,1 п.п. в 2019-м и 89,2 п.п. – в 2020 году.

Доля импорта к производству составила в 2020 году 3,82%, при производстве 19,6 млн тонн и импорте в объеме 0,74 млн тонн (Рис. 4). Для сравнения: в 2015 году данный показатель составлял 4,05% (при производстве 25,4 млн тонн и импорте в объеме 1,03 млн тонн).

Важно понимать – внутреннее потребление картофеля, начиная с 1990-х годов, неуклонно снижается и, как отмечается ведущими аграрными экономистами, с началом пандемического цикла в 2020 году данный тренд оказался особенно заметным. Проведенные в том же году бюджетные обследования домохозяйств вообще выявили 30%-й разрыв между средним уровнем потребления картофеля (59,9 кг на человека) и балансовыми расчетными показателями [12, с.56].

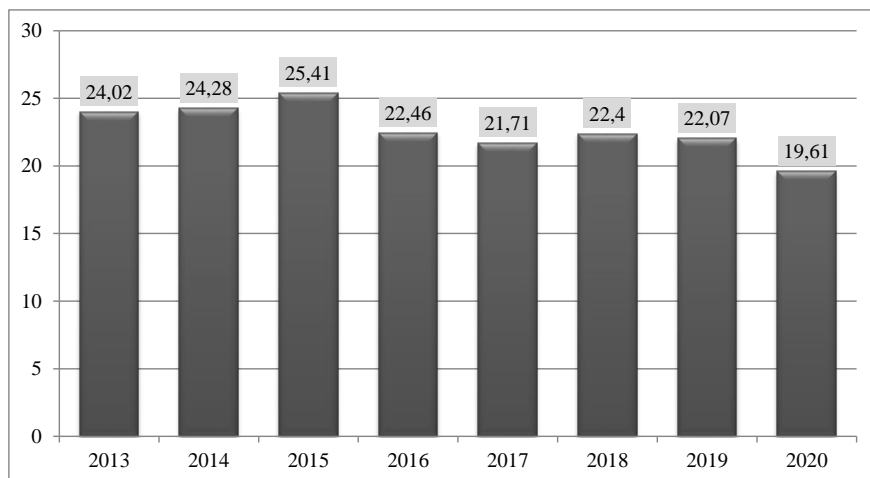

Рис. 4 – Годовой объем производства картофеля в России с 2013 по 2020 гг. (в млн тонн)

Источник: Statista 2022 (Statista.com)

Молоко и молокопродукты (в пересчете на молоко):

Несмотря на постепенный ежегодный рост, уровень самообеспечения по молоку и молокопродуктам продолжает немного уступать установленному пороговому значению (90 п.п.): 84,1 в 2020 году.

Доля импорта к производству в молочном секторе в 2020 году составила 21,76% (при производстве 32,2 млн тонн и импорте в объеме 7 млн тонн). Для сравнения: в 2015 году показатель составлял 26,6% (при производстве 29,8 млн тонн и импорте в объеме 7,95 млн тонн).

Мясо и мясопродукты (в пересчете на мясо):

В целом по уровню самообеспечения в мясном сегменте наблюдается относительно благополучная ситуация. Если по факту уровень 2015 года составлял 88,7 п.п., то, непрерывно возрастая все последующие годы, в 2020–м он достиг 99,4 пунктов (при сохранении порогового значения на уровне 85 п.п.).

Относительно невелика доля импорта: 5,78% в 2020 году (при производстве в 11,2 млн тонн и импорте в объеме 0,64 млн тонн). Для сравнения: в 2015 году показатель составлял 14,28% (при производстве 9,5 млн тонн и импорте в объеме 1,36 млн тонн).

Однако отметим: динамичный рост подушевого потребления мяса в России, происходивший с начала 2000-х годов (45 кг/чел. в 2000 году) и продолжавшийся по первую половину 2010-х годов, в последующем серьезно замедлился, в итоге стабилизировавшись в коридоре от 73 кг/чел. в 2015 г. до 76 кг/чел. в 2020 г.¹⁷, что наглядно продемонстрировано на примере расчетных данных в Рис. 5.

Несмотря на довольно высокие показатели самообеспечения по мясу и мясопродуктам в России, тем не менее в последние годы потребители столкнулись со сверхинфляционным ростом розничных цен. Так, по данным Центра отраслевой экспертизы Россельхозбанка, озвученным на XXI ежегодной отраслевой конференции «Агрохолдинги России – 2021» (10 декабря 2021 г.), в период октября 2021/2020 гг. наибольший рост в рознице произошел в категории «куры охлажденные и мороженые» – на 30%, на второй позиции «окорочка куриные» – на 20%, следом «баранина» – на 15%, затем «свинина бескостная» – на 12% и говядина бескостная – на 11%.

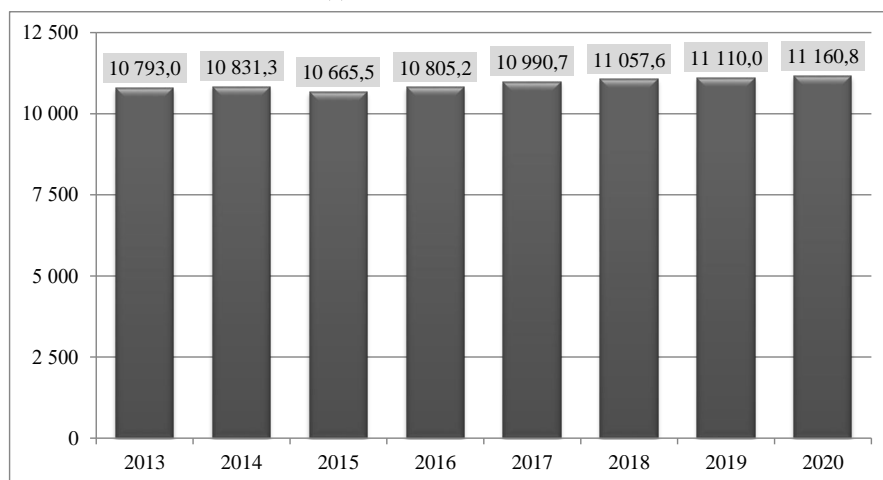

Рис. 5 – Годовой объем внутреннего потребления мяса и мясопродуктов в России с 2013 по 2020 гг. (в тыс. тонн)

Источник: Statista 2022 (Statista.com)

Овощи и бахчевые культуры:

¹⁷ Согласно данным Центра отраслевой экспертизы Россельхозбанка.

В овощном сегменте наблюдается пусть и небольшое, но недостижение порогового значения (90 п.п.) на протяжении всего наблюдаемого с 2015 года периода. Уровень самообеспечения стабильно удерживается в пределах 86–87 п.п., остановившись в 2020 году на 86,3 п.п.

Доля импорта к производству в сегменте составила в 2020 году 13,97% (при производстве 15,4 млн тонн и импорте в объеме 2,15 млн тонн). Для сравнения: в 2015 году показатель составлял 17,66% (при производстве 14,96 млн тонн и импорте в объеме 2,64 млн тонн).

Растительное масло:

Сегмент растительного масла демонстрирует значительные показатели превышения фактических показателей над пороговым (на уровне 90 п.п.). В 2020 году он составил 158 п.п. (125,5 п.п. в 2015 году).

Доля импорта к производству в сегменте составила в 2020 году 16,08% (при производстве 7,4 млн тонн и импорте в объеме 1,2 млн тонн). Для сравнения: в 2015 году показатель составлял 21,45% (при производстве 4,66 млн тонн и импорте в объеме 1 млн тонн).

Рыба и рыбопродукты (в живом весе сырца):

В рыбном сегменте довольно высокие цифры превышения фактических показателей над пороговым значением, установленным на уровне 85 п.п. В 2020 году показатель достиг 160,7 п.п., причем в 2015 году он равнялся 132,8 п.п.

Относительно доли импорта, то в 2020 году в рыбном сегменте она составила 23,41% (при производстве 5,14 млн тонн и импорте в объеме 1,2 млн тонн). Для сравнения: в 2015 году показатель составлял 23,48% (при производстве 4,49 млн тонн и импорте в объеме 1,05 млн тонн).

Сахар:

С учетом установленного по сахару порогового значения на уровне 90 п.п. фактическое значение в 2020 году составило 100,8 п.п. Спецификой сегмента является его волатильность: так, годом раньше фактический показатель и вовсе составлял 128 п.п. Хотя в целом с 2015 по 2018 гг. уровень самообеспечения находился в коридоре 102–108 п.п.

Доля сахарного импорта в 2020 году составила 2,79% (при производстве 5,79 млн тонн и импорте в объеме 0,16 млн тонн). Для сравнения: в 2015 году показатель составлял 6,07% (при производстве 5,74 млн тонн и импорте в объеме 0,26 млн тонн).

Фрукты и ягоды:

Несмотря на стабильный постепенный рост, тем не менее по своим фактическим показателям фруктово-ягодный сегмент продолжает значительно уступать пороговому значению, установленному на уровне 60 п.п.. Если в 2015 году по факту оно равнялось 32,5 п.п., то к 2020-му уже достигло 42,4 п.п.

Доля импорта в сегменте предсказуемо велика: 143,61% в 2020 году (при производстве 4,34 млн тонн и импорте в объеме 6,23 млн тонн). Для сравнения: в 2015 году показатель и вовсе составлял 203,8% (при производстве 3,19 млн тонн и импорте в объеме 6,51 млн тонн).

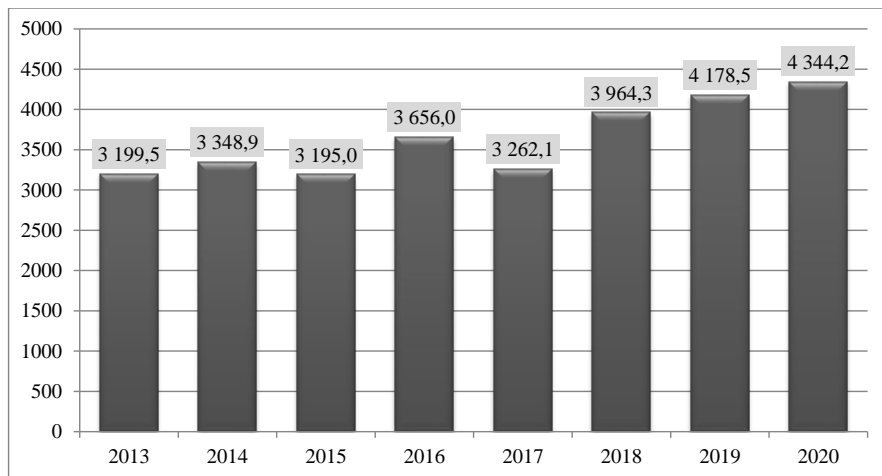

Рис. 6 – Годовой объем производства фруктов и ягод в России с 2013 по 2020 гг. (в тыс. тонн)

Источник: Statista 2022 (Statista.com)

Таким образом, по четырем агропродовольственным позициям (картофель, молоко и молокопродукты, овощи и бахчевые культуры, фрукты и ягоды) не достигнуты пороговые уровни самообеспеченности, по остальным наблюдается довольно позитивная динамика. Причем если в 2014 году в тех же работах Центра агропродовольственной политики ИПЭИ РАНХиГС акцент делался на импортозависимости страны по мясу и общей стагнации молочного скотоводства, то, по состоянию на 2020 год, ситуация формально уже выглядит вполне благополучно, а доля импорта, начиная с 2015 года, и вовсе сократилась в 2,5 раза. Конечно, сравнительно хуже ситуация по молоку и молокопродуктам – рост показателей самообеспечения там идет гораздо медленнее, при этом доля

импорта за это время все же сократилась с 26,6% в 2015 году до 21,7% в 2020-м.

Эксперты Центра агропродовольственной политики ИПЭИ РАНХиГС пусть и с оговорками, но в целом положительно оценивают достигнутый на 2020 год результат по основным агропродовольственным позициям [13, с.36]. Вторит подобному заключению и ведомственная позиция: в ходе правительственного совещания в декабре 2020 года глава Минсельхоза РФ Дмитрий Патрушев в своем докладе президенту страны сообщил о достижении показателей самообеспечения «по основным продуктам питания в соответствии с новой доктриной» [14]¹⁸. О превышении большинства целевых показателей самообеспечения основными продуктами питания, установленными Доктриной, говорит и *добровольный национальный обзор*, подготовленный в том же 2020 году Аналитическим центром при Правительстве РФ, с целью определения текущего положения России на пути к достижению Целей устойчивого развития [16, с.46]¹⁹.

Можно резюмировать: значимость (или вес) фактора низкого либо недостаточного уровня самообеспечения основными продовольственными товарами, определенными Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации (2020), не представляется настолько критически высоким, чтобы в существующих обстоятельствах делать выводы о неготовности сельского хозяйства и АПК России к процессам ESG-трансформации и необходимости сдерживания перехода к нему.

Правда, в своей недавно вышедшей монографии эксперты Центра делают важную оговорку, указывая на то, что «превышение порогового уровня еще не является свидетельством улучшения физического и экономического доступа к продовольствию», поскольку «рост производства/вылова может

¹⁸ Справедливости ради необходимо уточнить, что декабре 2020 года глава Минсельхоза РФ в ходе своего доклада оговаривал, что по трем продовольственным позициям: «молоко и молокопродукты», «овощи и бахчевые культуры» и «фрукты и ягоды» – наблюдается отставание от целевых индикаторов, при этом «по основным другим категориям цифры нами достигнуты».

Уже в апреле 2021 года в ходе рабочей встречи с президентом Дмитрий Патрушев сообщил о недостижении по итогам 2020 года установленных параметров и по четвертой продовольственной позиции – картофелю [15].

¹⁹ Первый Добровольный национальный обзор достижения Российской Федерацией Целей устойчивого развития (ЦУР) и реализации Повестки в области устойчивого развития на период до 2030 года опубликован в июне 2020 года на официальном сайте ООН: <https://sustainabledevelopment.un.org/index.php?page=view&type=30022&nr=1686&menu=3170>.

Обзор отражает достижения Российской Федерации по всем 17 Целям устойчивого развития и содержит результаты комплексного мониторинга социально-экономического развития и развития системы стратегического планирования за период с 2015 года.

сопровождаться ростом экспорта при недостижении рекомендованной нормы потребления в семьях» [13, с.36]. Конечно, есть определяемая в соответствии с Доктриной продовольственной безопасности (2020 г.) формула экономической доступности продовольствия²⁰. Она определяется как отношение фактического потребления основной пищевой продукции на душу населения к рациональным нормам ее потребления, отвечающим требованиям здорового питания, с пороговым значением на уровне 100%. Тут эксперты апеллируют к неустраненной проблеме отсутствия единой общепризнанной методики оценки потребления. Это связано с имеющимися на сегодня двумя наборами данных – один связан с бюджетными обследованиями домохозяйств, а другой – с потреблением продуктов питания по балансам. При этом оба варианта «существенно различаются» [13, с.40].

Впрочем, как наглядно иллюстрирует пример с мясом и мясопродуктам, даже добившись превышения заложенного в Доктрине порогового значения на вполне весомые 14,4 п.п. в 2020 году, по факту же население столкнулось со значительным ростом розничных цен: в диапазоне от 9% («мясо индейки») до 30% («куры охлаждённые и мороженые»)²¹, что выше установленных Росстатом данных по инфляции в стране за 2021 год на уровне 8,39%.

Впрочем, эти вопросы уже вряд ли напрямую связаны с уровнем самообеспечения основными продовольственными товарами в России: с одной стороны, это сфера внешнеторговой (экспортно-импортной) регуляторной политики, а с другой – определения действенных механизмов работы государства с товарными агропродовольственными цепочками внутри страны без чрезмерного давления на инструменты поддержки несырьевого экспорта.

Здесь крайне важным оказывается соблюдение баланса между обозначенными группами регуляторного и опосредованного воздействия. В частности, по словам Вадима Мошковича, председателя совета директоров ООО «Группа Компаний “Русагр”», из общего объема производства сахара в России на уровне 6 млн тонн [17] в розничную продажу, наиболее чувствительную для населения, поступает 1,5 млн тонн. Аналогичная ситуация, только с близким порядком цифр, наблюдается и на рынке растительного масла. Причем под действие регуляторных мер, определенных подписанными 16 декабря 2020 года со стороны Минсельхоза России, Минпромторга России,

²⁰ О необходимости обеспечения экономической доступности продовольствия для населения, при выполнении Доктрины было заявлено уже в ходе правительственного совещания в конце 2020 года [14].

²¹ Согласно данным Центра отраслевой экспертизы Россельхозбанка.

торговых сетей и производителей соглашениями, установивших предельные цены на сахар и подсолнечное масло [18], подпал, по словам Вадима Мошковича, весь объем производимой в стране продукции («чувствительны 10–15%, а регулируется вся отрасль») [19].

Признаем: избыточное давление на внутренние агропродовольственные рынки способно создать потенциальные риски для инициации и реализации инфраструктурных проектов в рамках зеленой/адаптационной таксономий, принятых Распоряжением Правительства РФ от 14.07.2021 № 1912-р²² и Постановлением Правительства № 1587 от 21 сентября 2021 года²³. Речь прежде всего идет о мотивационных факторах ESG-инвестирования, как правило, связанных с долгосрочными целевыми установками и зачастую соотносимых корпоративным сектором с дополнительными экологическими обязательствами (не принципиально: добровольными, под давлением регуляторной практики либо вследствие нарастания репутационных или общественных рисков). Пока же, как признается со стороны российских банков, в целом российские инвесторы в АПК-сегменте не видят ESG-факторы в числе приоритетных при финансировании отраслевых проектов [20].

Заключение

Резюмируя предпринятую в настоящей статье попытку соотнесения ключевого для отечественного сельского хозяйства и АПК национального документа стратегического планирования – Доктрины продовольственной безопасности России и проблематики развития устойчивого производства продовольствия и ведения сельского хозяйства (в т.ч. ESG-трансформации), выделим ряд результирующих тезисов:

1. Доктрина и План мероприятий в целом слабо коррелирует с тематикой устойчивого развития и адаптации к природно-климатическим угрозам и рискам. При реактуализации доктринальных установок указанные аспекты необходимо учитывать и связывать с общепринятыми международными

²² Распоряжение Правительства РФ от 14.07.2021 № 1912-р «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации» // [Publication.pravo.gov.ru](http://publication.pravo.gov.ru): Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107200045?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 15.02.2022).

²³ Постановление Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации» // [Publication.pravo.gov.ru](http://publication.pravo.gov.ru): Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202109240043> (дата обращения: 15.02.2022).

практиками. В последнем случае как стандарт-минимум – на уровне национальных соглашений и обязательств в рамках многостороннего сотрудничества, а также взаимодействия с профильными и уполномоченными организациями, действующими под эгидой ООН (ФАО, ЮНЕП, МГЭИК, COP26 и др.). Необходимость подобных мер продиктована в первую очередь необходимостью снятия потенциальных регламентирующих и нормативно-правовых барьеров в ходе привлечения зарубежных финансовых инструментов в сфере устойчивого развития.

2. Фактор риска качественного отставания российского сельского хозяйства от развитых стран не может в настоящее время выступать как полноценный действенный аргумент против перехода к ESG-трансформации.

Во-первых, по целому ряду основных агропродовольственных позиций за последнее время удалось добиться не только достижения, а то и значительного перекрытия уровня самообеспечения (например, по зерну, растительному маслу, рыбе и рыбопродуктам), по отдельным позициям – приблизиться к пороговым значениям.

Во-вторых, сама Доктрина продовольственной безопасности (2020) выступает с достаточно жестких и консервативных позиций нацеленности именно на обеспечение собственного производства основных продовольственных товаров. Такой подход не является общераспространенной практикой среди суверенных государств, он скорее являет собой пример, несомненно, амбициозной исключительности, особого случая. Поэтому рассматривать и оценивать возможность перехода к проектам устойчивого производства продовольствия и ведения сельского хозяйства (в т.ч. ESG-трансформации) через призму доктринальных требований по уровню самообеспеченности может оказаться методологически некорректным.

Целью настоящей исследовательской работы не является выявление оценочных характеристик заложенных Доктриной установок, но в условиях учащения случаев торговых войн, наиболее яркие и интенсивные по продолжительности примеры которых за последние несколько лет продемонстрирован в Азиатско-Тихоокеанском регионе, затяжной пандемии и связанной с ней серией локдаунов в ряде стран, а также существенных сбоев в глобальных логистических цепочках, такой подход может оказаться как минимум заслуживающим внимания, более того, потенциально не лишенным обоснования.

В-третьих, в настоящее время значимым и актуальным является проблема экономической доступности продовольствия для населения, нежели вопрос формального достижения уровня самообеспечения основными продовольственными товарами. Так, в частности, при превышении по растительному маслу на 68 п.п. в 2020 году (в сопоставлении с пороговым индикатором) российскому правительству, тем не менее, пришлось в том же году оперативно применять меры прямого регуляторного воздействия на формирование ценовой политики на внутрироссийском рынке растительного масла.

По своей совокупности все три приведенных довода указывают на то, что факторный вес тезиса о необходимости первоочередного достижения индикаторов самообеспечения и пессимизации в связи с этим переходных (транзитивных) проектов отраслевой ESG-трансформации является относительно невысоким, оказываясь вне существенного воздействия на выработку долгосрочных целей и задач отраслевого развития.

3. В условиях наблюдаемого отраслевого структурного дисбаланса, когда, с одной стороны, происходит приращение объема инвестсредств в основной капитал, а с другой – показатели вклада сельского хозяйства в ВВП страны демонстрируют определенную волатильность, демонстрируя даже сокращение абсолютных и относительных количественных значений, положительный экономико-инвестиционный и структурно-технологический эффект для отечественного АПК способна дать как можно проактивная инициация проектов (в т.ч. климатических) в рамках национальной зеленой таксономии, в т.ч. с выходом на внешние рынки устойчивого (ответственного) финансирования.

Указанные меры вполне могут стать действенным инструментом в решении поставленных правительственных задач по почти двукратному выходу в 2024 году на целевой показатель в 822 млрд руб. объема частного инвестирования в российский сельскохозяйственный сектор экономики. Не говоря уже о востребованности крупномасштабных капиталовложений в целях перехода сектора на путь развития в соответствии со стратегией низкоуглеродного развития и концепции климатически оптимизированного сельского хозяйства.

Список источников

1. Агропромышленный комплекс. Статистика Евразийского экономического союза: статистический сборник [Текст] / Евразийская экономическая комиссия. – Москва: 2020. – 147 с.
2. «На костылях госсубсидий» (Рубрика: Сельское хозяйство) // Коммерсантъ (Санкт-Петербург). «Экономический Форум», приложение № 97 от 06.06.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3990001> (дата обращения 15.02.2022).
3. Динамика и структура ВВП России [Электронный ресурс] / Аналитический центр при Правительстве РФ: Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики, № 62, июнь 2020. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/BRE_62.pdf.
4. В Минсельхозе обсудили меры по повышению объема инвестиций в сельское хозяйство к 2024 году (Публикация от 08 апреля 2019) // Официальный сайт Министерства сельского хозяйства РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://mcx.gov.ru/press-service/news/v-minselkhoze-obsudili-meru-po-povysheniyu-obema-investitsiy-v-selskoe-khozyaystvo-k-2024-godu/> (дата обращения 15.02.2022).
5. Сбер готов выдавать сельхозпредприятиям зеленые и ESG-кредиты на специальных условиях (Публикация от 08 октября 2021) // Официальный сайт ПАО Сбербанк [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sberbank.com/ru/news-and-media/press-releases/article?newsID=ebc5681e-2ba5-41af-ac61-dfe8ce1f700f&blockID=7®ionID=50&lang=ru&type=NEWS> (дата обращения 15.02.2022).
6. **Назаренко В.И.** Продовольственная безопасность: в мире и в России [Текст] / В. И. Назаренко; Ин-т Европы РАН. – Москва: Памятники исторической мысли, 2011. – 286 с.
7. **Узун В.Я., Гатаулина Е.А., Сарайкин В.А., Карлова Н.А.** Методы оценки влияния аграрной политики на развитие сельского хозяйства [Текст] / М.: РАНХиГС, 2014. – 114 с.
8. ESG-трансформация финансового сектора в экономической реальности XXI века [Текст] / Под редакцией д.э.н., проф. РАН Л.С. Кабир, д.э.н. М.В. Сиговой. – Москва / Санкт-Петербург, 2022. – 294 с.
9. Сельское хозяйство и ESG-трансформация: вызовы и возможности (Публикация от 07 октября 2021 // СБЕР Про [Электронный ресурс]. URL: <https://sber.pro/events/selskoe-khoziaistvo-i-esg-transformatsiia-vyzovy-i-vozmozhnosti> (дата обращения 15.02.2022).
10. Ближе к столу: как в мире меняется подход к продовольственной безопасности (Публикация от 28 октября 2020) // СБЕР Про [Электронный

ресурс]. URL: <https://sber.pro/publication/blizhe-k-stolu-kak-v-mire-meniaetsia-podkhod-k-prodovolstvennoi-bezopasnosti> (дата обращения 15.02.2022).

11. Устойчивое производство продовольствия и ведение сельского хозяйства // Официальный сайт Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО ООН) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fao.org/sustainability/background/ru/> (дата обращения 15.02.2022).

12. **Терновский Д.С., Шагайда Н.И.** Цена на картофель: факторы роста и способы снижения [Текст] // Экономическое развитие России (ноябрь, 2021). Москва. 2021. Том. 28. № 11. С. 56–61.

13. **Шагайда Н.И., Узун В.Я., Гатаулина Е.А., Шишкина Е.А.** Оценка состояния продовольственной безопасности Российской Федерации [Текст] / Н. И. Шагайда, В.Я. Узун, Е.А. Гатаулина, Е.А. Шишкина/ Институт прикладных экономических исследований РАНХ и ГС. – Москва, 2020.

14. Совещание с членами Правительства (от 09.12.2020) // Kremlin.ru: Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64623> (дата обращения 15.02.2022).

15. Рабочая встреча с Министром сельского хозяйства Дмитрием Патрушевым (от 05.04.2021) // Kremlin.ru: Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65276> (дата обращения 15.02.2022).

16. Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // Официальный сайт Аналитического центра при Правительстве РФ, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/DNO.pdf> (дата обращения 15.02.2022).

17. В 2020 г производство сахара в России составило 6 млн т, вернувшись на уровень 2016 г. (Публикация от 04.02.2021) // РБК BUSINESSSTAT [Электронный ресурс]. URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/12170/> (дата обращения 15.02.2022).

18. Как за год в России изменилась цена на сахар (Публикация от 12.01.2022) // РБК Бизнес [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/business/12/01/2022/61dc1ac09a79473a3c32952a> (дата обращения 15.02.2022).

19. Мировой продовольственный кризис и его проявление в России (Трансляция от 14.01.2022) // Официальный сайт Гайдаровского форума – 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://gaidarforum.ru/ru/programme-2022/2548/> (дата обращения 15.02.2022).

20. Экспертная сессия: «ESG в агро: зеленый или карбоновый?» (Трансляция от 15.12.2021) // Официальный сайт VIII Конгресса «Инновационная практика: наука плюс бизнес» [Электронный ресурс]. URL: <https://scienceplusbusiness.online/15-12-2021> (дата обращения 15.02.2022).

References

1. Agropromyshlennyj kompleks. Statistika Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza: statisticheskij sbornik [Tekst] / Evrazijskaya ekonomicheskaya komissiya. – Moskva: 2020. – 147 s.
2. «Na kostylyh gossubsidij» (Rubrika: Sel'skoe hozyajstvo) // Kommersant" (Sankt-Peterburg). «Ekonomicheskij Forum», prilozhenie № 97 ot 06.06.2019 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3990001> (data obrashcheniya 15.02.2022).
3. Dinamika i struktura VVP Rossii [Elektronnyj resurs] / Analiticheskij centr pri Pravitel'stve RF. Byulleten' o tekushchih tendenciyah rossijskoj ekonomiki, № 62, iyun' 2020. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/BRE_62.pdf
4. V Minsel'hoze obsudili mery po povysheniyu ob"ema investicij v sel'skoe hozyajstvo k 2024 godu. (Publikaciya ot 08 aprelya 2019) // Oficial'nyj sajt Ministerstva sel'skogo hozyajstva RF [Elektronnyj resurs]. URL: <https://mcx.gov.ru/press-service/news/v-minselkhoze-obsudili-mery-po-povysheniyu-obema-investitsiy-v-selskoe-khozyaystvo-k-2024-godu/> (data obrashcheniya 15.02.2022).
5. Sber gotov vydavat' sel'hozpredpriyatijam zelyonye i ESG-kredity na special'nyh usloviyah (Publikaciya ot 08 oktyabrya 2021) // Oficial'nyj sajt PAO Sberbank [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.sberbank.com/ru/news-and-media/press-releases/article?newsID=ebc5681e-2ba5-41af-ac61-dfe8ce1f700f&blockID=7&ionID=50&lang=ru&type=NEWS> (data obrashcheniya 15.02.2022).
6. **Nazarenko V.I.** Prodovol'stvennaya bezopasnost': v mire i v Rossii [Tekst] / V. I. Nazarenko; In-t Evropy RAN. – Moskva: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2011. – 286 s.
7. **Uzun V.YA., Gataulina E.A., Sarajkin V.A., Karlova N.A.** Metody ocenki vliyaniya agrarnoj politiki na razvitie sel'skogo hozyajstva [Tekst] / M.: RANHiGS, 2014. – 114 s.
8. ESG-transformaciya finansovogo sektora v ekonomicheskoy real'nosti XXI veka [Tekst] / Pod redakciej d.e.n., prof. RAN L.S. Kabir, d.e.n. M.V. Sigovoj. – Moskva / Sankt-Peterburg, 2022. – 294 s.
9. Sel'skoe hozyajstvo i ESG-transformaciya: vyzovy i vozmozhnosti (Publikaciya ot 07 oktyabrya 2021 // SBER Pro [Elektronnyj resurs]. URL: <https://sber.pro/events/selskoe-khoziaistvo-i-esg-transformatsiia-vyzovy-i-vozmozhnosti> (data obrashcheniya 15.02.2022).
10. Blizhe k stolu: kak v mire menyaetsya podhod k prodovol'stvennoj bezopasnosti (Publikaciya ot 28 oktyabrya 2020) // SBER Pro [Elektronnyj resurs].

URL: <https://sber.pro/publication/blizhe-k-stolu-kak-v-mire-meniatsia-podkhodk-prodovolstvennoi-bezopasnosti> (data obrashcheniya 15.02.2022).

11. Ustojchivoe proizvodstvo prodovol'stviya i vedenie sel'skogo hozyajstva // Oficial'nyj sayt Prodovol'stvennoj i sel'skohozyajstvennoj organizacii Ob"edinyonnyh Nacij (FAO OON) [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.fao.org/sustainability/background/ru/> (data obrashcheniya 15.02.2022).

12. **Ternovskij D.S., SHagajda N.I.**, Cena na kartofel': faktory rosta i sposoby snizheniya [Tekst] // Ekonomicheskoe razvitie Rossii (noyabr', 2021). Moskva. 2021. Tom. 28. № 11. S. 56–61.

13. **SHagajda N.I., Uzun V.YA., Gataulina E.A., SHishkina E.A.** Ocenka sostoyaniya prodovol'stvennoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii [Tekst] / N. I. SHagajda, V.YA. Uzun, E.A. Gataulina, E.A. SHishkina / Institut prikladnyh ekonomicheskikh issledovanij RANH i GS. – Moskva, 2020.

14. Soveshchanie s chlenami Pravitel'stva (ot 09.12.2020) // Kremlin.ru: Oficial'nyj sayt Prezidenta Rossii [Elektronnyj resurs]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64623> (data obrashcheniya 15.02.2022).

15. Rabochaya vstrecha s Ministrom sel'skogo hozyajstva Dmitriem Patrushevym (ot 05.04.2021) // Kremlin.ru: Oficial'nyj sayt Prezidenta Rossii [Elektronnyj resurs]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65276> (data obrashcheniya 15.02.2022).

16. Dobrovol'nyj nacional'nyj obzor hoda osushchestvleniya Povestki dnya v oblasti ustojchivogo razvitiya na period do 2030 goda // Oficial'nyj sayt Analiticheskogo centra pri Pravitel'stve RF, 2020 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/DNO.pdf> (data obrashcheniya 15.02.2022).

17. V 2020 g proizvodstvo sahara v Rossii sostavilo 6 mln t, vernuvshis' na uroven' 2016 g. (Publikaciya ot 04.02.2021) // RBK BUSINESSSTAT [Elektronnyj resurs]. URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/12170/> (data obrashcheniya 15.02.2022).

18. Kak za god v Rossii izmenilas' cena na sahar (Publikaciya ot 12.01.2022) // RBK Biznes [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.rbc.ru/business/12/01/2022/61dc1ac09a79473a3c32952a> (data obrashcheniya 15.02.2022).

19. Mirovoj prodovol'stvennyj krizis i ego proyavlenie v Rossii (Translyaciya ot 14.01.2022) // Oficial'nyj sayt Gajdarovskogo foruma – 2022 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://gaidarforum.ru/ru/programme-2022/2548/> (data obrashcheniya 15.02.2022).

20. Ekspertnaya sessiya: «ESG v agro: zelenyj ili karbonovyy?» (Translyaciya ot 15.12.2021) // Oficial'nyj sayt VIII Kongressa «Innovacionnaya praktika: nauka plyus biznes» [Elektronnyj resurs]. URL: <https://scienceplusbusiness.online/15-12-2021> (data obrashcheniya 15.02.2022).

РАЗВИТИЕ АКТИВОВ ПРЕДПРИЯТИЙ В ПАРАДИГМЕ ФАЗ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЦИКЛА

Марина Викторовна ГАЛАЗОВА¹, к.э.н.

¹Кафедра финансов, бухгалтерского учета и налогообложения
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет
имени К.Л. Хетагурова», г. Владикавказ

Республика Северная Осетия – Алания, Россия

Адрес для корреспонденции: М.В. Галазова, 362025, г. Владикавказ, Республика Северная
Осетия – Алания, ул.Бородинская, д.31, кв.49

Т.: +79188284117. Email: galazovam@mail.ru

Аннотация

В статье исследована дефиниция «активы», предложено авторское определение, учитывающее взаимосвязь данного понятия с экономическими фазами цикла предприятия. Рассмотрена потребность во внеоборотных и оборотных активах на каждой из фаз экономического цикла предприятия. Рассмотрены источники осуществления развития активов на этапах экономического цикла. Представлено графическое изображение изменения стоимости актива в течение его жизненного цикла. Описаны современные возможности управления активами предприятий посредством цифровых устройств. Предложена методика оценки обновления активов.

Ключевые слова

Активы, фаза экономического цикла, цифровое устройство, искусственный интеллект.

UDC: 336.66

DEVELOPMENT OF ENTERPRISE ASSETS IN THE ECONOMIC CYCLE PARADIGM

Marina Viktorovna GALAZOVA¹, PhD,

¹Department of finance, accounting and taxation

of the «North-Ossetian state University named after K. L. Khetagurov»

Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, Russia

Address for correspondence: M.V. Galazova, 362025, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia –
Alania, Borodinskaya str., building 31, apt.49

T.: +79188284117. Email: galazovam@mail.ru

Abstract

The article investigated the definition of «assets», proposed an author's definition, taking into account the relationship of this concept with the economic phases of the enterprise cycle. The need for non-current and revolving assets at each phase of the economic cycle of the enterprise is

considered. The sources of realization of development of assets at stages of economic cycle are considered. Provides a graphical representation of the change in asset value over its life cycle. Modern capabilities of enterprise assets management through digital devices are described. The method of estimating the update of assets is proposed.

Keywords

Assets, economic cycle phase, digital device, artificial intelligence.

Введение

Формирование активов предприятия – это стартовый этап, когда капитал направляют в операционный процесс, начиная бизнес. Активы – имущество предприятия, в том числе вещественные (материальные), неимущественные ценности, финансовые активы. Предприятиям необходимо иметь в своем владении работающее имущество – внеоборотные, оборотные активы, взаимодействующие между собой. Внеоборотные активы – инструмент обращения оборотных активов.

Цель исследования – обосновать необходимость развития активов предприятия в соответствии с фазами его экономического развития. Задачи – изучить основные трактовки активов предприятия в российской, зарубежной литературе, обобщить их черты, различая достоинства, недостатки; рассмотреть потребность во внеоборотных и оборотных активах на каждой из фаз экономического цикла предприятия; описать современные возможности развития активов предприятия.

Результаты исследования

Рассмотрение характеристик активов предприятия начинается со словарей. Активы – средства, приносящие предприятию будущие экономические блага, контроль над которыми она приобрела на основе произошедших событий в ее хозяйственной деятельности [14]. Активы – совокупность имущества, имущественных, неимущественных прав (имущество), принадлежащих физическому или юридическому лицу [13]. Активы – имущество предприятия (материальные, финансовые, неимущественные активы) [12].

Общеэкономический и экономико-математический объяснительный словарь сразу указывает их функциональное назначение – получение дохода, прибыли или иных выгод [8].

В словарях показана специфика соответствующей отрасли науки – экономическая, юридическая. В юридической трактовке актив понимается как совокупность благ, оцененных в денежном выражении и юридически зафиксированных за отдельным субъектом права.

По экономическому направлению допустимо, что имущество предприятия конфискуют, реализуют, жертвуют. То есть актив его баланса содержит изымаемые и иммобилизованные средства (дебиторская задолженность, расходы будущих периодов, долгосрочные, краткосрочные финансовые вложения).

Словарь «Экономика и право» среди финансовых и банковских терминов определяет активы как часть имущества предприятия в юридическом и экономическом аспектах, соответственно [13].

Приравнивание активов баланса к составу имущества предприятия некорректно, поскольку отдельные его статьи однозначно не могут признаваться имуществом (дебиторская задолженность, НДС по приобретенным ценностям и др.).

Наиболее обобщенно рассматривают активы предприятия О.Г. Блажевич, Н.А. Кирильчук через объединение его имущественных, неимущественных прав, итог предыдущих ситуаций, используемых в финансово-хозяйственной деятельности, представленных в денежном выражении на балансе, формирующих будущие экономические блага [2].

Ю.Н. Воробьев определяет активы как экономическую категорию, отражающую фактические ресурсы на бухгалтерском балансе в финансово-хозяйственной деятельности для выполнения определенной цели организации [4]. Родственным такой трактовке активов является определение И. А. Бланка. Он напрямую отождествляет активы и экономические ресурсы предприятия как совокупность имущественных ценностей в хозяйственной деятельности для обеспечения прибыли [3]. Такие характеристики приравнивают трактовки активов и ресурсов, не выделяя их исключительные особенности. В российской теории финансового менеджмента явно отождествляет понятия «активы», «ресурсы» В.В. Ковалев [7].

Е.С. Денисенко приравнивает активы и имущество – собственность предприятия или отдельного лица в денежном выражении, способное приносить доход и иные экономические выгоды, исходя из произошедших ситуаций [5].

По мнению Р.М. Нуриева, «..активы – средства, обеспечивающие денежные поступления их владельцу в форме как прямых выплат (прибыль, дивиденды, рента и т.д.), так и скрытых выплат (увеличение стоимости фирмы, недвижимости, акций и т.д.)». Р.М. Нуриев, отождествляя активы и средства, не идентифицирует их исключительность [10].

Отождествлены активы и средства, контроль над которыми предприятие получило из-за произошедших событий в своей хозяйственной деятельности,

дающих ему будущие экономические блага, и в Концепции бухгалтерского учета в национальной рыночной экономике [1].

По Международным стандартам финансовой отчетности (МСФО), активы – это контролируемые компанией в результате прошлых ситуаций ресурсы, использование которых даст будущую экономическую пользу. При этом МСФО не привязывают к активу наличие права собственности, хотя очевидно, что во многих случаях контроль над объектом обеспечивает право собственности [9].

Для МСФО важно в первую очередь, чтобы предприятие от актива получила экономические выгоды, иными словами, объект должен быть полезен. Физическая форма актива не имеет значение. В связи с этим МСФО оперируют термином «ресурсы», а не термином «имущество» [9].

Общеэкономический и экономико-математический объяснительный словарь, МСФО, О.Г. Блажевич, Е.С. Денисенко, Н.А. Кирильчук, Концепция бухгалтерского учета в национальной рыночной экономике подчеркивают экономическое благо, приносящее активами организации согласно их исключительным признакам [1; 2; 5; 8; 9].

О.Г. Блажевич, Е.С. Денисенко, Н.А. Кирильчук, Концепция бухгалтерского учета в национальной рыночной экономике, МСФО сочетают появление активов предприятия с произошедшими фактами в его хозяйственной деятельности [1; 2; 5; 9].

Р.М. Нуриев, МСФО, Концепция бухгалтерского учета в национальной экономике отождествляют активы и средства предприятия [1; 9; 10].

МСФО, Концепция бухгалтерского учета в национальной экономике отмечают контролируемость активов, которую признают и О.Г. Блажевич, Н.А. Кирильчук [1; 2; 9].

И.А. Бланк указывает конечную цель использования активов в текущей деятельности предприятия [3], а Общеэкономический и экономико-математический объяснительный словарь, МСФО, Е.С. Денисенко, Концепция бухгалтерского учета в рыночной экономике России – в стратегической деятельности предприятия [1; 5; 8; 9].

И.А. Бланк, Ю.Н. Воробьев выделяет ресурсную составляющую в определении активов предприятия [3; 4].

Словарь «Экономика и право», Е.С. Денисенко отмечают право собственности предприятия на активы [5; 13].

О.Г. Блажевич, Е.С. Денисенко, Н.А. Кирильчук, Р.М. Нуриев указывают на денежное выражение активов предприятия [2; 5; 10].

Ю.Н. Воробьев отмечает целевое предназначение активов предприятия [4].

О.Г. Блажевич, И.А. Бланк, Ю.Н. Воробьев, Н.А. Кирильчук выделяют прямое использование активов в процессе осуществления хозяйственной деятельности, но не отмечают обязательный характер их использования, тогда как бизнес каждого хозяйствующего субъекта функционирует исключительно при наличии и обращении активов [2; 3; 4].

В исследованных определениях не учитывается взаимосвязь активов с экономическими фазами цикла предприятия. В связи с этим предлагаем ввести авторское определение активов. Активы – внеоборотные и оборотные средства, необходимые для развития предприятия на каждой из фаз его экономического цикла.

Предприятие в своем непрерывном развитии проходит следующие фазы экономического цикла: создание, рост, зрелость, стабильность и спад. На разных фазах оно сталкивается с различными внутренними и внешними рисками, при выходе на новую фазу организации необходимо решить различные проблемы.

На начальной фазе – создание предприятия – необходимо приобрести большое количество внеоборотных и оборотных активов, без которых невозможно осуществление основного вида деятельности:

- *внеоборотные активы:*

- нематериальные активы (лицензии, патенты, товарные марки и др.);

- основные средства (здания, станки, оборудование, транспортные средства и др.);

- долгосрочные финансовые вложения (инвестиции в ценные бумаги и др. на период больше года);

- *оборотные активы:*

- запасы (сырье, материалы, комплектующие и др.);

- краткосрочные финансовые вложения (инвестиции со сроком менее года);

- денежные средства (на счетах и в кассе);

- дебиторская задолженность (обязательства контрагентов перед предприятием).

Начальный период развития зависит от признания рынком продукции предприятия.

На следующей фазе – периоде роста, когда продукция заняла нишу на рынке, – предприятию необходимо расширять свои производственные

мощности. Приобретаются необходимые дополнительные внеоборотные и оборотные активы.

В фазе зрелости стабилизируется объем продаж, рост замедляется из-за насыщения рынка или выхода на рынок новых конкурентов. Потребность в новых внеоборотных активах и дополнительного объема оборотных активов снижается.

Далее, на фазе стабильности необходимо задуматься о новых технологиях, материалах, продукции и начинать вкладывать средства в активы, необходимые для ее производства, чтобы на фазе спада, когда продажи снижаются быстрыми темпами, не уходить с рынка, а перейти на новые виды продукции и тем самым продолжить новый цикл своего развития.

Источниками, за счет которых осуществляется развитие активов, являются собственные, заемные и привлеченные средства.

Первоначально активы формируются за счет уставного капитала. На следующих фазах экономического цикла развиваются за счет дохода, также возможно привлечение государственного софинансирования, если деятельность предприятия попадает под какую-либо государственную программу, или использование кредита, в последнем варианте банку нужно оставлять какой-либо дорогостоящий актив в залог.

Стоимость актива в течение его жизненного цикла изменяется, что связано с его обслуживанием, ремонтом, переоценкой [6].

Рисунок 1 – Изменение стоимости актива в течение его жизненного цикла [6]

В наше время возникает необходимость управлять миллиардами активов в режиме реального времени. Данные процессы требуют постоянного мониторинга, развития и оптимизации. Важно знать местонахождение, состояние, доступность, используемость активов, что позволяет планировать, сохранять и развивать их.

Технологии, позволяющие отслеживать местоположение активов, – видеорекамеры, смартфоны, чипы, датчики слежения, дроны и другие цифровые устройства.

Дроны, например, могут собирать данные об активах, которые располагаются в удаленных, труднодоступных или опасных местах (химические, нефтеперерабатывающие заводы, атомные станции, морские платформы, железная дорога и т.д.), передавать собранную информацию и обеспечивать быстрое реагирование при необходимости технического обслуживания активов.

Искусственный интеллект (ИИ) может улучшить и автоматизировать процессы развития активов, позволить получать представление о местонахождении и состоянии активов в режиме реального времени как на территории предприятия, так и за ее пределами. ИИ может подсказать, когда активы нуждаются в обслуживании, помочь оптимизировать затраты на техническое обслуживание, моделировать сценарии и последствия отсрочки во времени, прогнозировать изменения цен.

На каждой из фаз экономического цикла предприятия необходимо учитывать технологичность активов, отказываться от устаревших материалов, образцов и технологий, использовать упреждающий подход к управлению обслуживанием активов.

Оценить обновление активов на различных фазах экономического цикла можно по формулам 1 и 2.

$$K_{\text{обн}} = \frac{P_{\text{нов}}}{P_{\text{кг}}} \quad (1)$$

где $K_{\text{обн}}$ – коэффициент обновления основных производственных фондов;

$P_{\text{нов}}$ – стоимость новых основных производственных фондов;

$P_{\text{кг}}$ – стоимость основных производственных фондов на конец года.

Данную формулу можно применять в отношении основных производственных фондов.

Чтобы рассчитать долю инновационных оборотных средств (технологий, материалов и т.п.) в среднем остатке (или нормативе) оборотных средств, следует использовать формулу:

$$\Delta I_{об} = \frac{P_{ин}}{P_{об}} \quad (2)$$

где $\Delta I_{об}$ – доля инновационных оборотных средств в среднем остатке (или нормативе) оборотных средств;

$P_{ин}$ – стоимость инновационных оборотных средств;

$P_{об}$ – стоимость среднего остатка (или норматива) оборотных средств.

Данная формула позволяет оценить обновление оборотных средств.

Осуществив вертикальный анализ активов, можно выяснить, среди каких активов произошло обновление.

Таким образом, количество, ценность, полнота использования активов меняется в парадигме фаз экономического цикла предприятия, развиваются и технологии управления активами. Если у предприятия есть все необходимые внеоборотные и оборотные активы в требуемом объеме, оно использует современные технологии и вовремя переходит на производство новой востребованной продукции, то можно говорить о финансовой защищенности такого предприятия.

Выводы

Подводя итог вышеизложенного, справедливо заключить, что развитие активов предприятия должно идти в соответствии с фазами экономического цикла, что предполагает применение современных технологий, оценку обновления активов и своевременный переход на производство новых видов продукции.

Список источников

1. Концепция бухгалтерского учета в рыночной экономике России URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17312/f0bd3d9c02f334c1e1e6c0491f1fe79038d33620/ (дата обращения 12.02.2022).

2. **Блажевич О.Г. Кирильчук Н.А.** Определение сущности активов предприятия // Финансы и учетная политика. – 2017. – № 2. – С. 5–10.

3. **Бланк И.А.** Управление финансовыми ресурсами: учебник. – М.: Омега-Л, ООО «Эльга», 2019. – 768 с.

4. **Воробьев Ю.Н.** Финансовый менеджмент: учебное пособие. – Курск: Университетская книга, 2019. – 285 с.

5. **Денисенко Е.С.** Экономическая сущность понятия «Активы» и их классификация // Актуальные вопросы экономических наук. – 2015. – № 44. – С. 105–111.

6. **Карпенко В.В.** Разработка проекта мероприятий по совершенствованию методических подходов к управлению активами предприятия текстильной отрасли // Молодой ученый. – 2019. – № 6 (244) – С. 120–127.

7. **Ковалев В.В.** Введение в финансовый менеджмент. – М.: Финансы и статистика, 2018. – 768 с.

8. **Лопатников Л.И.** Общеэкономический и экономико-математический объяснительный словарь. URL: <https://lopatnikov.pro/slovar/a/aktiv/> (дата обращения 18.02.2022).

9. Международный стандарт финансовой отчетности и разъяснения к ним. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140000/ (дата обращения 20.02.2022).

10. **Нурiev Р.М.** Курс микроэкономики. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: 2014. – 624 с.

11. Управление финансовыми ресурсами в российских MidCap – обществах с ограниченной ответственностью / под ред. В.В. Мануйленко. – М.: Перо, 2018. – 184 с.

12. Финансовый словарь. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/11118 (дата обращения 21.02.2022).

13. Словарь. Экономика и право. URL: <https://rus-econ-pravo.slovaronline.com/> (дата обращения 22.02.2022).

14. Экономика и управление: проблемы, тенденции, перспективы / под ред. О.Ю. Челноковой – Саратов: Издательский центр «Наука», 2018. – 105 с.

References

1. Концепция бухгалтерского учета в рыночной экономике России URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17312/f0bd3d9c02f334c1e1e6c0491f1fe79038d33620/ (дата обращения 12.02.2022).

2. **Blazhevich O.G. Kiril'chuk N.A.** Opredelenie sushchnosti aktivov predpriyatiya // Finansy i uchetnaya politika. – 2017. – № 2. – S. 5–10.

3. **Blank I.A.** Upravlenie finansovymi resursami: uchebnik. – М.: Omega-L, ООО «El'ga», 2019. – 768 с.

4. **Vorob'ev YU.N.** Finansovyy menedzhment: uchebnoe posobie. – Kursk: Universitetskaya kniga, 2019. – 285 s.

5. **Denisenko E.S.** Ekonomicheskaya sushchnost' ponyatiya «Aktivy» i ih klassifikaciya // Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk. – 2015. – № 44. – S. 105–111.

6. **Карпенко В.В.** Разработка проекта мероприятий по совершенствованию методических подходов к управлению активами предприятия текстильной отрасли // Молодой ученый. – 2019. – № 6 (244) – С. 120–127.

7. **Kovalev V.V.** Vvedenie v finansovyj menedzhment. – M.: Finansy i statistika, 2018. – 768 s.

8. **Lopatnikov L.I.** Obshcheekonomicheskij i ekonomiko-matematicheskij ob"yasitel'nyj slovar'. URL: <https://lopatnikov.pro/slovar/a/aktiv/> (data obrashcheniya 18.02.2022).

9. Mezhdunarodnyj standart finansovoj otchetnosti i raz"yasneniya k nim. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140000/ (data obrashcheniya 20.02.2022).

10. **Nuriev R.M.** Kurs mikroekonomiki. – 3-e izd., ispr. i dop. – M.: 2014. – 624 s.

11. Upravlenie finansovymi resursami v rossijskih MidCap – obshchestvah s ogranichennoj otvetstvennost'yu / pod red. V.V. Manujlenko. – M.: Pero, 2018. – 184 s.

12. Finansovyj slovar'. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/11118 (data obrashcheniya 21.02.2022).

13. Slovar'. Ekonomika i pravo. URL: <https://rus-econ-pravo.slovaronline.com/> (data obrashcheniya 22.02.2022).

14. Ekonomika i upravlenie: problemy, tendencii, perspektivy / pod red. O.YU. CHElnokovoj – Saratov: Izdatel'skij centr «Nauka», 2018. – 105 s.

ЦИФРОВЫЕ ТРЕНДЫ И ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ: АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Мария Владимировна ГОЛОВКО, д-р экон. наук, доцент¹

Владимир Александрович ПЛОТНИКОВ, д-р экон. наук, профессор²

¹Профессор кафедры бизнес-процессов и экономической безопасности,
НАН ЧОУ ВО «Академия маркетинга и социально-информационных технологий –
ИМСИТ», Краснодар, Россия

E-mail: golovko178@mail.ru

²Профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»
Санкт-Петербург, Россия

Адрес для корреспонденции: 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., 21

E-mail: plotnikov.v@unecon.ru

Аннотация.

В статье рассматривается проблематика современного этапа развития экономики России, связанного с цифровизацией деловых процессов. Цифровизация порождает ряд проблем, в том числе связанных с эффективностью трудовых ресурсов. В частности, цифровые компетенции в современных условиях рассматриваются как обязательные для усвоения всеми гражданами. Целью исследования является выявление взаимосвязей между цифровизацией экономики и трудовыми ресурсами. Для достижения этой цели авторами раскрыты возможные негативные последствия цифровизации (позитивные последствия очевидны и детально описаны в многочисленных источниках, поэтому не рассматривались) и предложены способы их преодоления. Выполненный анализ позволяет утверждать, что одним из факторов, сдерживающих цифровизацию социально-экономических процессов в России, является недостаточная цифровая компетентность трудовых ресурсов. Для решения этой проблемы предложено изменение подходов к осуществлению образовательной деятельности как в рамках собственно системы образования, так и при внутрифирменном обучении. Рекомендовано сделать акцент именно на внутрифирменном обучении, так как лишь оно позволяет сформировать те цифровые компетенции, которые могут быть отнесены к специфическим активам, повышающим конкурентоспособность и предприятий, и трудовых ресурсов.

Ключевые слова

Цифровизация экономики, трудовые ресурсы, цифровые компетенции, профессиональное обучение, система образования.

DIGITAL TRENDS AND WORKFORCE: ANALYSIS OF RELATIONS

Maria Vladimirovna GOLOVKO, Doctor of Economics Sciences, Associate Professor¹

Vladimir Alexandrovich PLOTNIKOV, Doctor of Economics Sciences, Professor²

¹Professor of the Department of Business Processes and Economic Security,

Academy of Marketing and Social Information Technologies – IMSIT

Krasnodar, Russia

E-mail: golovko178@mail.ru

²Professor of the Department of General Economic Theory and History of Economic Thought,

St. Petersburg State University of Economics

Saint-Petersburg, Russia

Correspondence address: 191023, St. Petersburg, Sadovaya st., 21

E-mail: plotnikov.v@unecon.ru

Abstract

The article deals with the problems of the current stage of development of the Russian economy, associated with the digitalization of business processes. Digitalization gives rise to a number of problems, including those related to the efficiency of labor resources. In particular, digital competencies in modern conditions are considered as obligatory for mastering by all citizens. The aim of the study is to identify the relationship between the digitalization of the economy and labor resources. To achieve this goal, the authors disclosed the possible negative consequences of digitalization (the positive consequences are obvious and described in detail in numerous sources, therefore they were not considered), and ways to overcome them were proposed. The performed analysis suggests that one of the factors hindering the digitalization of socio-economic processes in Russia is the lack of digital competence of labor resources. To solve this problem, it is proposed to change approaches to the implementation of educational activities both within the framework of the education system itself and in-house training. It is recommended to focus specifically on in-house training, since only it allows the formation of those digital competencies that can be attributed to specific assets that increase the competitiveness of both enterprises and labor resources.

Keywords

Digitalization of the economy, labor resources, digital competencies, vocational training, education system.

Введение

Современная экономика переживает этап ускорения цифрового развития [1; 2; 3; 4], дополнительный импульс которому придала пандемия Covid-19, которая, вследствие введенных властями разных стран многочисленных ограничений, ориентированных на социальное дистанцирование, привела к массовому распространению дистанционной занятости [5; 6], базирующейся на

использовании цифровых инструментов территориального взаимодействия территориально распределенных экономических субъектов.

Для обозначения процесса проникновения цифровых технологий во все сферы экономики и социума в последние годы активно используется термин «цифровая экономика» [7; 8]. В одной из более ранних работ [9] одного из соавторов данной статьи приводилась его критика, подчеркивалась методическая некорректность этого термина и отсутствие у него общепотребимого, непротиворечивого и достаточно полного определения. Наша позиция по данному вопросу не изменилась, тем не менее в данной статье мы также будем использовать в некоторых случаях термин «цифровая экономика», как де-факто ставший весьма распространенным.

Сегодня отмечаются широкие возможности цифровых инноваций для повышения эффективности бизнес-процессов организаций, роста конкурентоспособности на различных уровнях экономической системы, активность менеджмента во внедрении цифровых технологий в различные функциональные области деятельности компаний [10]. Особого внимания заслуживают исследования влияния цифровых технологий на систему управления знаниями, раскрывающие результативность цифровизации для устойчивости бизнеса и его рыночной стоимости [11]. Вопросы влияния цифровизации на деятельность промышленных предприятий, на эффективность управления цехами, цифровой маркетинг и продажи B2B рассмотрены в [12; 13].

Подобные перечисления можно продолжить. Иными словами – большинством современных исследователей цифровизация признается важным ресурсом развития экономики. Она непосредственно связана с переходом к новому технологическому укладу, поэтому будет оставаться, по нашему мнению, одним из ведущих трендов социального и экономического развития на протяжении, по крайней мере, десятилетия.

В то же время следует отметить, что внедрение и использование цифровых технологий не может проходить безболезненно, т.к. они изменяют привычные бизнес-процессы, требуют новых ресурсов и способов их организации. Цифровизация – это инновация, которая обладает свойством «креативного разрушения». В частности, внедрение цифровых технологий во все бизнес-процессы, включая традиционные, кардинально меняет требования к трудовым ресурсам как главной компоненте производительных сил.

Так, например, согласно прогнозам WEF, процессы цифровизации и роботизации в недалеком будущем приведут к полной ликвидации 75 млн традиционных рабочих мест в мире, но при этом создадут порядка 133 млн

новых рабочих мест (см.: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2018.pdf). То есть с позиций трудовых ресурсов, цифровизация – серьезный фактор обострения структурной и технологической безработицы.

Целью исследования, результаты которого представлены в данной статье, является выявление взаимосвязей между цифровизацией экономики и трудовыми ресурсами. Раскрытие этой цели связано с тем, что необходимо не только понимать возможные негативные последствия цифровизации (положительные последствия очевидны и детально описаны в многочисленных источниках, которые мы не будем здесь перечислять), но и предложить способы их преодоления.

Векторы влияния цифровизации на экономику

В последние годы наблюдается расширение практики использования цифровых устройств как в быту, так и в профессиональной сфере, в последней, в этой связи, происходит формирование новых бизнес-моделей. О распространенности цифровых технологий свидетельствуют следующие данные, приведенные в последнем доступном ежегодном отчете Global Digital 2021 (см.: <https://exlibris.ru/news/digital-2021-glavnaya-statistika-po-rossii-i-vsemu-miru>): по состоянию на январь 2021 года, 66,6% мирового населения имело мобильные телефоны, 59,5% – доступ к интернету, 53,6% мирового населения можно было отнести к категории активных пользователей социальных сетей.

В России среднемировые показатели значительно превышены [там же]. При населении 145,9 млн человек в распоряжении пользователей имеется 228,6 млн мобильных устройств, т.е. уровень охвата населения мобильной связью составил 156,7%; количество интернет-пользователей составляет 124 млн человек (уровень проникновения интернета в РФ в январе 2021 года составил 85%); социальными сетями пользуется 67,8% населения России, или 99 млн человек. Очевидно, что такое широкое «цифровое проникновение» в повседневной жизни не может не сказываться на деловых процессах.

Безусловно, активная цифровизация бизнес-процессов приведет к изменению компетентностных моделей работников, ориентированных не только на владение цифровыми навыками, но и способных их создавать. И эти процессы уже происходят: по оценкам экспертов Forbes, на 20% сократилось количество рабочих мест для представителей рабочих специальностей в промышленности, а для работников умственного труда примерно в этих же пределах произошла их трансформация – старые сменились новыми (см.: <https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/371537-kak-cifrovaya-transformaciya-izmenit-rynok-truda-v-rossii>).

Для обеспечения соответствия требованиям работодателей современные работники должны постоянно адаптировать свои навыки и умения, не просто повышать квалификацию, а переучиваться и получать новые компетенции, прежде всего – цифровые, что требует адекватных изменений всей системы подготовки трудовых ресурсов на уровне страны, ее регионов и отраслей.

Причем цифровые компетенции, как и всякие иные, по мнению авторов, должны быть разделены на общие (могут быть сформированы и без специального обучения в силу того, что, как мы отмечали выше, цифровизация активно затрагивает и повседневную жизнь людей, их быт) и специфические. Последние отличаются значительным разнообразием, т.к. ориентированы не только на конкретный вид профессиональной деятельности, но имеют привязку к типу и характеристикам используемых при выполнении тех или иных трудовых обязанностей цифровых систем.

Например, по данным исследования Deloit (см.: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/10/11/842808-rossiya-voshla>), лишь за период пандемии Covid-19 41% банков увеличил лимит бесконтактных платежей, 34% банков внедрило полностью цифровые процессы, 23% – ввели методы цифровой верификации личности, 18% – запустили бесконтактные методы оплаты. Безусловно, все эти новшества базируются на вводе в эксплуатацию множества цифровых систем, которые требуют грамотного использования персоналом.

Цифровизация реального сектора экономики приводит к необходимости постоянного мониторинга всех ключевых показателей эффективности бизнеса – выручки, издержек, производительности труда [14]. Оптимизация технологических процессов, связанных с информатизацией, роботизацией производства, приводит не только к необходимости сокращения персонала, но и к полному уходу с рынка некоторых традиционных производств. В этой связи вполне закономерно, что тренд цифровизации коснулся и сферы управления трудовыми ресурсами.

Уровень квалификации современных трудовых ресурсов не в полной мере соответствует уровню развития информационно-коммуникационных технологий и тем инструментам цифровизации, которые внедряются в организациях. Это легко отметить хотя бы по организациям сферы образования, в которых в период массового перехода на технологии дистанционного электронного обучения в первой половине 2020 года выявилась компетентностная неготовность большинства преподавателей к работе в новых условиях. Речь идет не о низкой квалификации работников, но об их недостаточной цифровой компетентности.

Во многом недостаточная цифровая компетентность трудовых ресурсов обусловлена присущей системе образования инерционности в подготовке кадров. Темпы подготовки (обучения) специалистов различных направлений и специальностей не соответствуют темпам развития информационной среды. Например, период подготовки бакалавров составляет 4–5 лет, специалистов и магистров – 5–6 лет, а инновационный лаг в сфере информационных технологий может составлять 1–2 года.

Очевидно, что единственным выходом из складывающейся проблемной ситуации является непрерывное образование сотрудников для формирования актуальных компетенций и их полной интеграции в цифровые процессы предприятий [15; 16; 17]. В этой связи, по нашему мнению, формирование систем непрерывного образования, использование в этой сфере экосистемного, интегрированного подходов – приоритеты краткосрочного развития.

В то же время следует отметить, что, согласно имеющимся данным, в структуре внутренних затрат на развитие цифровой экономики доля затрат на образование крайне низка и составляет лишь 0,2% (см.: <https://issek.hse.ru/news/281236984.html?ysclid=l0thdtp0ml>). Это противоречит объективной необходимости ускоренной и расширенной подготовки трудовых ресурсов для цифровой экономики. И эта проблема требует решения.

Обучение – основной способ адаптации трудовых ресурсов к цифровизации экономики

Анализ показывает, что на сегодняшний день затраты на обучение цифровым навыкам целиком и полностью ложатся на работодателя и сотрудника. Образовательные организации целевым образом формируют соответствующие компетенции только у специфических направлений подготовки, прямо или косвенно связанных с информационными системами и технологиями (преимущественно, это – инженерно-технические профили обучения). В то же время необходимо включать специфические учебные дисциплины, формирующие навыки работы с цифровыми технологиями, в учебные планы подготовки специалистов в сфере экономики, финансов, социологии, политологии и др. Это связано с отмеченной нами выше недостаточностью у трудовых ресурсов в целом цифровых компетенций.

Сегодня в ряде новых федеральных государственных образовательных стандартов появляется общепрофессиональная компетенция, отражающая способность использовать современные информационные технологии и программные средства для решения профессиональных задач. Но в современных условиях владение цифровыми навыками – это, скорее,

универсальная компетенция. Таким образом, решение проблемы недостаточной цифровой компетентности трудовых ресурсов необходимо осуществлять начиная с трансформаций в образовании.

Очевидна потребность в соответствующей траектории трансформации системы образования, позволяющей учитывать современные особенности спроса на рынке труда, на котором от работника требуется обладание многочисленными знаниями и навыками в сфере цифровой экономики. Как это ни парадоксально, при решении этой задачи сама цифровизация может стать эффективным инструментом соответствующих преобразований.

Существующие сегодня цифровые форматы обучения получили активное развитие в период пандемии Covid-19. Ранее у образовательных организаций и хозяйствующих субъектов уже был опыт совмещения онлайн- и офлайн-форматов обучения. Нормализация эпидемиологической обстановки привела не к полному возврату традиционных форм, а к поиску путей развития смешанных, гибридных форм обучения, основанных на повышении уровня онлайн-доступности образовательных программ и их сочетании с традиционными формами обучения.

Аналогично этому и современный рынок труда демонстрирует тенденцию гибридизации рабочих мест. По данным опроса компании Gartner (март 2021 г.), 92% работодателей ожидают, что часть сотрудников и в дальнейшем будет работать удаленно, а к 2023 году прогнозируется вовлечение порядка 40% предприятий и организаций в виртуальное пространство наряду с традиционными форматами работы [18].

Таким образом, основной способ адаптации трудовых ресурсов к новым требованиям цифровизации экономики состоит в получении работниками цифровых компетенций в ходе получения специализированного образования. Решение этой задачи возможно осуществить по двум направлениям – непосредственно в процессе получения этих компетенций в образовательных организациях, а также при реализации программ внутрифирменного обучения.

Для образовательных организаций переход к формированию новых компетенций требует не только переподготовки преподавателей и технического переоснащения, но также изменений учебно-методического обеспечения – корректировки компетентностных моделей, рабочих учебных планов, рабочих программ дисциплин, программ практик и проч. В данной ситуации особую роль играет тесное взаимодействие с предприятиями-работодателями при разработке стратегии обучения новых кадров для цифровой экономики.

Рассмотрим далее на примере электроэнергетического дивизиона ГК «Росатом» основные направления усилий по управлению организационными

изменениями с акцентом на цифровизацию управления персоналом и активное сотрудничество с образовательными организациями.

Стратегия цифровизации электроэнергетического дивизиона ГК «Росатом» включает, в числе прочих, направление «цифровой персонал». Данный блок стратегии ориентирован на внедрение передовых систем обучения (дополненная, виртуальная реальность), повышающих качество обучения персонала и системы мониторинга состояния здоровья персонала, что должно обеспечивать повышение безопасности эксплуатации атомных электростанций. В частности, создаются программно-аппаратные комплексы визуализации на 3D-голограммах для повышения безопасности и экономической эффективности обслуживания оборудования и систем атомных станций в России и за рубежом, для уменьшения числа отказов в работе оборудования, нарушений в работе персонала.

Цифровые технологии также позволяют решить еще одну важнейшую задачу в сфере управления атомной отраслью – это сохранение критически важных знаний путем разработки систем автоматизации и аналитической поддержки бизнес-процессов управления трудовыми ресурсами атомных электростанций. Ведется активная поддержка актуализации знаний профессорско-преподавательского состава опорных вузов путем организации стажировок на действующих промышленных объектах [19].

Следует отметить, что сохраняются серьезные проблемы на пути интеграции цифровых технологий в бизнес-процессы, особенно в сферу образования. Это связано с ограниченностью финансовых и организационных ресурсов, т.к. данные трансформации являются крайне затратными. Пример ГК «Росатом», безусловно, может быть показательным, однако не стоит забывать о специфике финансирования его проектов – объем финансовой поддержки программы развития госкорпорации в сфере науки и технологий до 2024 года оценивается в 700–800 млрд руб. Далеко не все работодатели обладают такими финансовыми возможностями.

Это подчеркивает необходимость формирования организационных и экономических моделей формирования цифровых компетенций трудовых ресурсов не только на уровне предприятий, но – также – отраслей и регионов. Это обусловлено тем обстоятельством, что эти цифровые компетенции обладают высокой специфичностью, что не всегда позволяет сформировать их в универсальном виде. Требуется адаптация их к региональной и отраслевой специфике.

Помимо нехватки финансовых ресурсов для обучения персонала, формирования у него необходимых для исполнения трудовых функций

цифровых компетенций, проблему представляет непонимание в ряде случаев менеджментом предприятий остроты этой проблемы, расчет на то, что трудовые ресурсы обретут цифровые компетенции самостоятельно – в процессе получения профильного или общего образования или самообучения. Но подобным образом можно получить лишь общие цифровые компетенции, специальные же цифровые компетенции, являющиеся по своей сути специфическими активами (здесь мы используем терминологию экономической теории контрактов), должны формироваться работодателем, что требует, как мы указали выше, соответствующего финансирования, а также понимания менеджментом важности этого вопроса.

Заключение

Выполненный анализ позволяет утверждать, что одним из факторов, сдерживающих цифровизацию социально-экономических процессов в России, что тормозит повышение конкурентоспособности как национальной экономики в целом, так и на ее более низких иерархических уровнях (регион, отрасль, предприятие), является недостаточная цифровая компетентность трудовых ресурсов. Для решения этой проблемы требуется изменение походов к осуществлению образовательной деятельности как в рамках собственно системы образования, так и при внутрифирменном обучении. Цифровые компетенции в современных условиях следует рассматривать не как специфические, узкопрофессиональные, а как универсальные и обязательные для усвоения всеми гражданами.

Список литературы

1. **Абдурахманова Э. Э. К., Курбанов А. Х.** Цифровые технологии в системе материально-технического обеспечения: оценка рисков // Компетентность, № 5, 2020, С. 10–14.
2. **Костин К. Б.** Анализ кризисных явлений в мировой экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. № 3. 2019. С. 7–14.
3. **Плотников В. А.** Цифровизация как закономерный этап эволюции экономической системы // Экономическое возрождение России. № 2. 2020. С. 104–115.
4. **Харламов А. В., Сибгатуллин А. Э.** Институциональные изменения, обеспечивающие инновационную направленность развития хозяйственной системы // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. № 4. 202. С. 21–26.

5. **Алиев И. М., Бобова А. С.** Удаленная занятость в России: состояние и перспективы развития // Журнал правовых и экономических исследований. № 1. 2021. С. 6–10.
6. **Шульгина Ю. В., Вертакова Ю. В., Мальцева И. Ф., Плотников В. А.** Трансформация организации труда и социально-трудового мониторинга в условиях перехода на удаленную работу // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. № 11. 2020. С. 97–102.
7. **Салимьянова И. Г., Погорельцев А. С.** Цифровая трансформация экономики: анализ трендов в контексте институциональных экономических теорий (часть 1) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. № 6 (114). 2018. С. 7–14.
8. **Салимьянова И. Г., Погорельцев А. С.** Цифровая трансформация экономики: анализ трендов в контексте институциональных экономических теорий (часть 2) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. № 1 (115). 2019. С. 11–17.
9. **Плотников В. А.** Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. № 4 (112). 2018. С. 16–24.
10. **Van Looy A.** A quantitative and qualitative study of the link between business process management and digital innovation // Information & Management, 2021, Volume 58, Issue 2, pp. 103–113.
11. **Di Vaio A., Palladino R., Pezzi A., Kalisz D. E.** The role of digital innovation in knowledge management systems: A systematic literature review // Journal of Business Research, 2021, Volume 123, pp. 220–231.
12. **Meißner A., Grunert F., Metternich J.** Digital shop floor management: A target state // Procedia CIRP, 2020, Volume 93, pp. 311–315.
13. **Kim K. H., Moon H.** Innovative digital marketing management in B2B markets // Industrial Marketing Management, 2021, Volume 95, pp. 91–103.
14. **Вертакова Ю. В., Плотникова Н. А., Плотников В. А.** Промышленная политика России: направленность и инструментарий // Экономическое возрождение России, № 3, 2017, С. 49–56.
15. **Галенко В. П., Табелова О. П., Вертакова Ю. В.** Современные тренды образования через всю жизнь: роль высшей школы // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития: сборник научных статей XVIII международной конференции / Курский филиал Финансового университета при Правительстве РФ. Курск, 2021. С. 9–17.
16. **Головко М. В., Анцибор А. В.** Роль образовательных организаций в обеспечении экономической эффективности и безопасности предприятий атомной отрасли // Безопасность ядерной энергетики: Тезисы докладов XIV международной научно-практической конференции. Волгодонск, 2018. С. 179–182.

17. **Ершова И. Г., Вертакова Ю. В.** Стратегическая взаимосвязь развития экономики и качества образования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. № 13 (84). 2010. С. 56–63.
18. Гибридное обучение: почему мы о нем заговорили? // EduTech, 2021, № 7 (45), с. 4–8.
19. **Golovko M. V., Ukhalina I. A., Rogacheva Z. S., Antsibor A. V., Efimenko N. A.** The role of the culture of economic security in the development of the enterprise // Current Problems and Ways of Industry Development Equipment and Technologies, LNNS 200, 2021, pp. 1006–016.

References

1. **Abdurakhmanova E. E. K., Kurbanov A. Kh.** Digital technologies in the logistics system: risk assessment // Competence. No. 5. 2020. Pp. 10–14.
2. **Kostin K. B.** Analysis of crisis phenomena in the global economy // Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics. No. 3. 2019. Pp. 7–14.
3. **Plotnikov V. A.** Digitalization as a natural stage in the evolution of the economic system // Economic revival of Russia, No. 2, 2020, pp. 104–115.
4. **Kharlamov A. V., Sibgatullin A. E.** Institutional changes that ensure the innovative orientation of the development of the economic system // Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics, No. 4, 2021, pp. 21–26.
5. **Aliyev I. M., Bobova A. S.** Remote employment in Russia: state and development prospects // Journal of Legal and Economic Research, No. 1, 2021, pp. 6–10.
6. **Shulgina Yu. V., Vertakova Yu. V., Maltseva I. F., Plotnikov V. A.** Transformation of labor organization and social and labor monitoring in the transition to remote work // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law, No. 11, 2020, pp. 97–102.
7. **Salimyanova I. G., Pogoreltsev A. S.** Digital transformation of the economy: trend analysis in the context of institutional economic theories (part 1) // Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics, No. 6 (114), 2018, p. 7–14.
8. **Salimyanova I. G., Pogoreltsev A. S.** Digital transformation of the economy: trend analysis in the context of institutional economic theories (part 2) // Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics, No. 1 (115), 2019, p. 11–17.
9. **Plotnikov V. A.** Digitalization of production: theoretical essence and prospects for development in the Russian economy // Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics, No. 4 (112), 2018, pp. 16–24.
10. **Van Looy A.** A quantitative and qualitative study of the link between business process management and digital innovation // Information & Management, 2021, Volume 58, Issue 2, pp. 103–113.

11. **Di Vaio A., Palladino R., Pezzi A., Kalisz D. E.** The role of digital innovation in knowledge management systems: A systematic literature review // *Journal of Business Research*, 2021, Volume 123, pp. 220–231.
12. **Meißner A., Grunert F., Metternich J.** Digital shop floor management: A target state // *Procedia CIRP*, 2020, Volume 93, pp. 311–315.
13. **Kim K. H., Moon H.** Innovative digital marketing management in B2B markets // *Industrial Marketing Management*, 2021, Volume 95, pp. 91–103.
14. **Vertakova Yu. V., Plotnikova N. A., Plotnikov V. A.** Industrial policy of Russia: orientation and tools // *Economic revival of Russia*, No. 3, 2017, pp. 49–56.
15. **Galenko V. P., Tabelova O. P., Vertakova Yu. V.** Modern trends in lifelong education: the role of higher education // *Lifelong education: lifelong education for sustainable development: collection of scientific articles of the XVIII International Conference / Kursk branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation*. Kursk, 2021, pp. 9–17.
16. **Golovko M. V., Antsibor A. V.** The role of educational organizations in ensuring the economic efficiency and safety of nuclear industry enterprises. Abstracts of the XIV international scientific-practical conference. Volgodonsk, 2018, pp. 179–182.
17. **Ershova I. G., Vertakova Yu. V.** Strategic relationship between the development of the economy and the quality of education // *Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: Economy. Informatics*, No. 13 (84), 2010, pp. 56–63.
18. Hybrid learning: why are we talking about it? // *EduTech*, 2021, No. 7 (45), pp. 4–8.
19. **Golovko M. V., Ukhalina I. A., Rogacheva Z. S., Antsibor A. V., Efimenko N. A.** The role of the culture of economic security in the development of the enterprise // *Current Problems and Ways of Industry Development Equipment and Technologies, LNNS 200*, 2021, pp. 1006–1016.

АНАЛИЗ И ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ РЕАЛИЗАЦИИ МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Е.В. ГРАДОБОВЕВ^{1,2}, к.э.н., доцент

¹Иркутская государственная медицинская академия последипломного образования (ИГМАПО) – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования «Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования» Министерства здравоохранения Российской Федерации;

²научный стажер кафедры мировой экономики и менеджмента, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Международный банковский институт имени Анатолия Собчака», Санкт-Петербург, Россия

Адрес для корреспонденции: Е. В. Градобоев, 191011, Невский пр., 60 Санкт-Петербург, Россия

Т.: +73952467099. E-mail: gradoboev_eugene@mail.ru

Аннотация

Задача оценки состояния социально-экономического развития формируемая на территориальном уровнях, приводит к необходимости оценки и теоретического обоснования результатов реализации действующих механизмов управления экономической безопасностью.

На основе исследования проблем развития и практики финансирования здравоохранения в статье рассматриваются некоторые результаты реализации экономических механизмов сферы здравоохранения и приводится оценка их текущего состояния и влияния на экономическую безопасность Иркутской области. Анализируемые в статье аспекты реализации состояния среды сферы здравоохранения предполагают возможность развития экономических механизмов при решении практических задач сохранения и улучшения состояния экономической безопасности.

Показано, что на основании результатов анализа источников финансирования сферы здравоохранения и способов распределения финансовых ресурсов, направляемых из различных источников на оплату медицинского обслуживания, можно оценить результаты реализации действующих экономических механизмов и предложить возможные направления их трансформации. адекватные современным вызовам и угрозам экономической безопасности региона.

Ключевые слова: сфера здравоохранения; угрозы экономической безопасности; финансирование; экономический механизм.

ANALYSIS AND EVALUATION OF IMPLEMENTATION RESULTS THE MECHANISM OF ECONOMIC SECURITY MANAGEMENT IN THE SPHERE OF HEALTH CARE

E.V. GRADOBOEV^{1,2}, Phd, assistant professor,

¹Irkutsk State Medical Academy of Postgraduate Education (ISMAPgE) – Branch Campus of the Federal State Budgetary Educational Institution of Further Professional Education «Russian Medical Academy of Continuing Professional Education» of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation

²Research Intern at the Department of World Economy and Management Autonomous non-profit organization of higher education «International banking Institute named after Anatoliy Sobchak», Saint Petersburg, Russia

Correspondence address: E. V. Gradoboev, 60 Nevsky Ave., 191011, Saint Petersburg, Russia T.: +73952467099. E-mail: gradoboev_eugene@mail.ru

Abstract

The task of assessing the state of socio-economic development, formed at the territorial levels, leads to the need to evaluate and theoretically substantiate the results of the implementation of existing economic security mechanisms.

Based on a study of development problems and healthcare financing practice, the article discusses some results of the implementation of economic mechanisms in the healthcare sector and assesses their current state and impact on the economic security of the Irkutsk region. The aspects of the implementation of the state of the environment in the healthcare sector analyzed in the article suggest the possibility of developing economic mechanisms in solving practical problems of maintaining and improving the state of economic security.

It is shown that based on the results of the analysis of the sources of financing of the healthcare sector and the methods of distribution of financial resources allocated from various sources to pay for medical care, it is possible to evaluate the results of the implementation of existing economic mechanisms and suggest possible directions for their transformation adequate to modern challenges and threats to the economic regional security.

Keywords

Health care; threats to economic security; financing; economic mechanism.

ВВЕДЕНИЕ

Описывая устойчивость социально-экономического развития региона как противоположность его кризисному состоянию, Г.В. Гутман, А.А. Миро-едов, С.В. Федин [1] акцентируют внимание на том, что способность функционировать как саморазвивающаяся система является важнейшей функциональной характеристикой региона .

Многочисленные исследования определяют экономическую безопасность не только с точки зрения способности жителей территории

поддерживать жизненное благополучие и общественную стабильность, но и как условие развития производительных сил [2; 3; 4 и др.].

В перечне показателей устойчивости развития территории, которые определяют основные формы безопасности – социальной, экономической, экологической, – В. Василенко [5] подчеркивает особое место здравоохранения как подсистемы, играющей ведущую роль в обеспечении социальной безопасности территории. Поэтому «здоровье социума» определяется как:

- один из важнейших ресурсов;
- составляющая качества жизни;
- результат функционирования подсистемы здравоохранения в хозяйственном комплексе региона.

Обоснование исключительности сферы здравоохранения в системе экономической безопасности заключается в том числе во множественности источников формирования денежных ресурсов для покупки медицинской помощи и большом разнообразии систем и моделей финансирования.

Эту точку зрения разделяет Г.Э. Улумбекова, оценивая формирование эффективного экономического механизма финансирования здравоохранения как важную задачу, стоящую перед здравоохранением в современных социально-экономических условиях, полагая, что обеспечение здравоохранения необходимыми экономическими ресурсами – сложная проблема, решаемая в рамках экономического регулирования [6; 7].

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках решения задачи оценки результатов реализации экономического механизма в сфере здравоохранения настоящее исследование направлено на анализ и оценку состояния сферы здравоохранения Иркутской области как одного из пилотных регионов экономического развития.

Поскольку состояние сферы здравоохранения интерпретируется как условие и целевая установка стратегических направлений обеспечения экономической безопасности, дальнейшее обоснование механизма финансирования здравоохранения является базой для повышения экономической безопасности региона [8].

МАТЕРИАЛЫ, МЕТОДЫ И ОБЪЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для оценки состояния сферы здравоохранения был проведен анализ основных результатов действующего экономического механизма управления экономической безопасностью на состояние здравоохранения Иркутской области за период с 2016 по 2020 гг. Анализ проводился в разрезе:

- источников финансирования медицинской помощи (в том числе по видам медицинской помощи);
- расходов на оказание медицинской помощи по экономическим статьям (в том числе по видам медицинской помощи);
- объемов оплаченной медицинской помощи в разрезе источников финансирования медицинской помощи (в том числе по видам медицинской помощи).

Особое внимание при проведении анализа было уделено показателям, характеризующим социальную направленность расходов на оказание медицинской помощи, – заработной плате медицинского персонала.

Тенденция роста объемов финансирования медицинской помощи в Иркутской области (рис. 1) устойчива, ежегодный рост составляет от 3,25% за 2017 год до 18,50% за 2020 год. Аналогичная тенденция роста имеет место в части финансирования медицинской помощи за счет всех государственных источников: наименьший рост 2,06% за период с 2016 до 2017 годы, наибольший – 21,30%, с 2019 по 2020 годы. Причиной такой динамики объемов централизованного финансирования в 2020 году стали дотации из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации²⁴. Финансирование сферы здравоохранения Иркутской области в 2020 году увеличено на 16%.

Наибольшее финансирование медицинской помощи осуществляется за счет государственных источников (в среднем, 90,36%), причем с 2017 по 2020 годы их доля постоянно возрастала (от 88,44 в 2017 г. до 92,89% в 2020 г.) Исключением является 2017 год, в котором доля государственных источников сократилась по сравнению с 2016 годом на 1,3%.

Для оценки параметров действующего экономического механизма был проведен более детальный анализ объемов финансирования медицинской помощи за счет государственных источников (Таблица 1):

- средств бюджета Российской Федерации;
- средств обязательного медицинского страхования (ОМС);
- средств бюджета Иркутской области;
- средств Фонда социального страхования ФСС.

²⁴ В соответствии с распоряжениями Правительства Российской Федерации от 27.03.2020 № 748-р, от 17.04.2020 № 1049-р, из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации в 2020 году предоставлялись дотации на сбалансированность для обеспечения субъектами Российской Федерации оказания медицинской помощи больным новой коронавирусной инфекцией, в том числе на оснащение (переоснащение) дополнительно создаваемого или перепрофилируемого коечного фонда медицинских организаций для оказания медицинской помощи больным новой коронавирусной инфекцией.

Рисунок 1 – Финансирование медицинской помощи в Иркутской области, млн руб.

Анализ динамики финансирования медицинской помощи за счет средств бюджета Российской Федерации показал: снижение финансирования к 2017 г. на 43%, стабильный рост финансирования с 2017 до 2019 гг. в среднем на 45% и скачок финансирования – рост на 223,76%, главным образом, на основании Распоряжения Правительства РФ от 27.03.2020 № 748-р (ред. от 07.05.2020) – на 110 000 тыс. руб²⁵. Наибольшая часть финансирования, осуществляемого за счет средств федерального бюджета в анализируемом периоде, была направлена на медицинскую помощь в связи с заболеваниями (от 50,37% в 2016 г. до 46,83% – в 2019 г.), исключением является 2020 год, в котором максимальная часть финансирования из бюджета Российской Федерации (0,590182) была направлена на прочие виды медицинских и иных услуг.

Анализ показал, что наименьшее финансирование осуществлялось за счет бюджета Фонда социального страхования (ФСС) (от 0,37% – 2020 г. до 0,83% в 2016 г). Наибольшее финансирование осуществлялось за счет средств Обязательного медицинского страхования (ОМС) (от 66,12% в 2020 г. до 76,52% в 2018 г.). Финансирования медицинской помощи за счет средств бюджета Иркутской области, являясь вторым по значимости, составляло от 16,63% в 2016 г. до 21,23% в 2020 г. Финансирование медицинской помощи за счет средств бюджета Российской Федерации составило наибольшую долю в 2020 г. (12,28%), с 2016 до 2019 гг. оно составляет от **2,86** до 4,6% в общем объеме финансирования за счет государственных источников.

²⁵ Распределение дотаций бюджетам субъектов Российской Федерации на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджетов субъектов Российской Федерации на 2020 год. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348851/

Таблица 1 – Структура финансирования медицинской помощи в Иркутской области за счет государственных источников

Источники финансирования	2016	2017	2018	2019	2020
Федеральный бюджет Российской Федерации, руб.	5,14 %	2,86 %	3,42 %	4,60 %	12,28 %
Бюджет субъекта Российской Федерации, руб.	16,93 %	19,27 %	19,47 %	20,44 %	21,23 %
Бюджет ОМС, руб.	77,10 %	77,10 %	76,52 %	74,46 %	66,12 %
Бюджет ФСС, руб.	0,83 %	0,77 %	0,60 %	0,50 %	0,37 %

Финансирование медицинской помощи в Иркутской области за счет средств ОМС стабильно увеличивалось: на 2,06% с 2016 до 2017 гг., до 7,72% в 2020 г. Наибольшая часть финансирования за счет средств ОМС (рис. 2) направлялось на финансирование специализированной медицинской помощи, оказанной в стационарных условиях, – в среднем 51,15% за анализируемый период. Вторым по значимости направлением финансирования за счет ОМС стало оказание медицинской помощи в амбулаторных условиях – 34,75% в среднем за период.

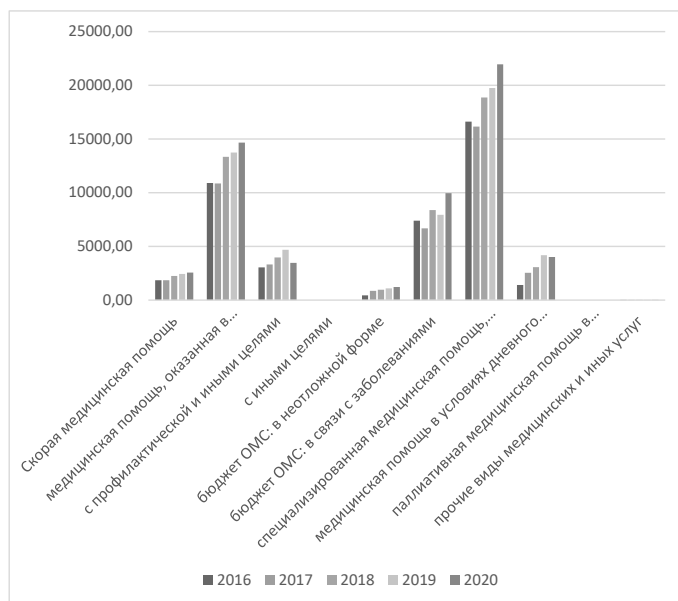

Рисунок 2 – Финансирование медицинской помощи (по видам) за счет средств ОМС, млн руб.

Наибольшая часть финансирования за счет средств бюджета Иркутской области направлялась на финансирование прочих видов медицинских и иных услуг – в среднем 41,23% за анализируемый период, вторым по значимости направлением финансирования за счет бюджета Иркутской области стала специализированная медицинская помощь, оказанная в стационарных условиях, – 34,85% в среднем за период.

Доля финансирования медицинской помощи в Иркутской области за счет средств Фонда социального страхования (ФСС), млн руб., неуклонно снижалась в течение периода: с 0,83% в 2016 г., до 0,37% в 2020 г. Снижались и объемы такого финансирования с 332,48 млн руб. в 2016 г. до 239,92 млн руб. в 2020 г. В основном средства ФСС направлялись на финансирование специализированной медицинской помощи, оказанной в стационарных условиях: в среднем 61,18% за анализируемый период.

Особое место в структуре финансирования медицинской помощи занимают внебюджетные источники. Они составляют от 9,5% в 2016 г. до 14,1% в 2020 г., несмотря на то что объем финансирования медицинской помощи за счет внебюджетных источников снизился с 5488,89 млн руб в 2019 г. до 5000,82 млн руб. в 2020 г.

Основным внебюджетным источником оплаты медицинской помощи являются личные средства граждан (рис. 3), их доля увеличилась до 53% в 2020 г. (в 2016 году составляла 48%). Вторым по значимости внебюджетным источником оплаты медицинских услуг являются прочие внебюджетные источники (в среднем по году – 31,4 %), а затем – добровольное медицинское страхование (ДМС) (в среднем по году – 18,5%).

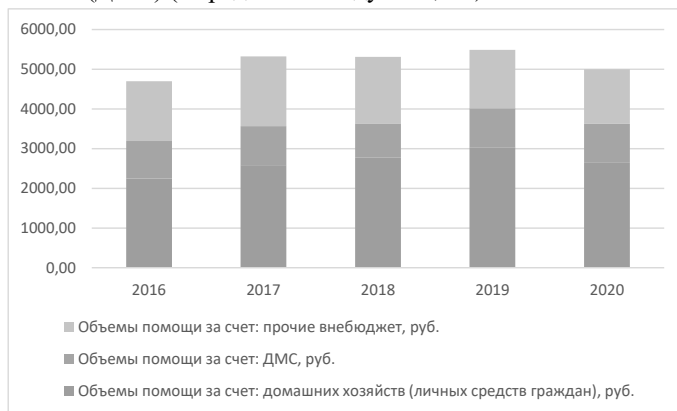

Рисунок 3 – Объем оплаченной медицинской помощи (по источникам финансирования) за счет внебюджетных источников, млн руб.

Таким образом, анализ показал, что большая часть финансирования медицинской помощи осуществляется из государственных источников (в среднем по году – 90,36%), основным источником оплаты медицинской помощи служат средства ОМС (в среднем по году – 69,30%).

Поскольку сфера здравоохранения направлена на оказание населению медицинской помощи, дальнейший анализ направлен на анализ количественных показателей оказания медицинской помощи населению Иркутской области [9]. Объем оплаченной медицинской помощи увеличивался с 2016 по 2019 гг., темп роста составил в среднем по году 12,0% и сократился на 7,51% в 2020 г. в связи с ограничениями на оказание плановой медицинской помощи в Иркутской области²⁶.

В объемах медицинской помощи, оплаченной из всех источников, наибольшая доля принадлежит медицинской помощи, оплаченной за счет ОМС (в среднем за период составила 81,26%). В части медицинской помощи, оплаченной из государственных источников, медицинская помощь, оплаченная за счет ОМС, составила 93,20% в среднем за период (рис. 4). Большую часть

²⁶ <https://irkobl.ru/coronavirus/covid19-acts.php?type=special>

условных обращений составляет медицинская помощь, оказанная в амбулаторных условиях, причем ее доля увеличивалась за период от 77,50% в 2016 г. до 85,93% в 2020 г. Основная часть медицинской помощи, оплаченной из внебюджетных источников, осуществлялась за счет личных средств граждан (в среднем за период – 62,54%), причем ее объем сократился с 767874,3 в 2016 г. до 649811 условных обращений в 2020 г. Наибольшие темпы уменьшения были в 2020 г. и составили 20,0%.

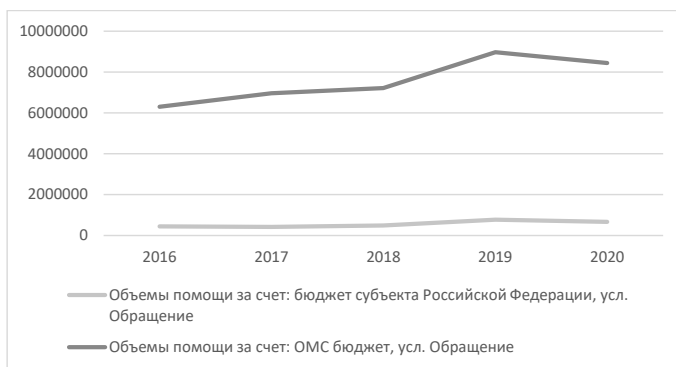

Рисунок 4 – Объемы оплаченной медицинской помощи за счет государственных источников, условное обращение

Качество жизни в Иркутской области оценивается не столько на основании количества оказанной медицинской помощи, сколько двумя взаимосвязанными параметрами, непосредственно характеризующими сферу здравоохранения, а именно:

- структурой расходов на оказание медицинской помощи;
- оплатой труда медицинских работников, составляющих в анализируемом периоде до 4,4% населения Иркутской области²⁷.

Расходы на оказание медицинской помощи в Иркутской области, осуществляемой за счет всех источников финансирования, увеличивались (наименьший рост – 2,06% в 2017 г. по сравнению с 2016 г.; наибольший в 2020 г. – на 21,95%). Необходимо отметить неравномерность роста отдельных экономических статей в структуре расходов (рис. 5):

- заработная плата с начислениями увеличивалась в среднем за период на 12,22% в год (максимальный рост в 2018 году составил 24,77%);

²⁷ Указ президента РФ №598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения» <http://kremlin.ru/events/president/news/15234>).

- расходы на медицинское оборудование, соответственно, на 54,49% в год (максимальный рост составил 162% в 2020 г., снижение на 24,88% в 2017 г. по сравнению с 2016 г.);

- расходы на медикаменты и перевязочные материалы, соответственно, на 15,93% в год (максимальный рост составил 47,64% в 2020 г., снижение на 16,80% в 2017 г. по сравнению с 2016 г.).

Наибольший рост расходов на оказание медицинской помощи (рис. 5) за счет государственного бюджета – на 223,77% – имел место в 2020 году, за период с 2016 по 2017 годы эти расходы уменьшились на 43,21%. За счет бюджета ОМС расходы увеличивались быстрее всего (на 19,45%) за период с 2017 по 2018 годы; среднегодовой рост составил 9,02%.

Рисунок 5 – Расходы (по статьям) за счет всех государственных источников финансирования, млн руб.

Неравномерность изменения расходов характерна и для источников их финансирования: если за счет государственных источников финансирования расходы увеличивались большими темпами (в среднем за год на 13,38%), чем по всем источникам (в среднем за год рост составил 9,9%), то расходы за счет внебюджетных источников финансирования увеличивались в среднем на 5,84% и сократились в 2020 г. на 11,39%.

Структура расходования средств медицинскими организациями Иркутской области не соответствует сложившейся практике по Российской Федерации. В 2020 году доля заработной платы составила 65,6% (1 499,1 млрд рублей), медикаментов и перевязочных материалов – 15,7% (359,5 млрд рублей), коммунальных услуг – 2,7% (62,5 млрд рублей), прочих расходов – 16,0% (364,9 млрд рублей) (рис. 6).

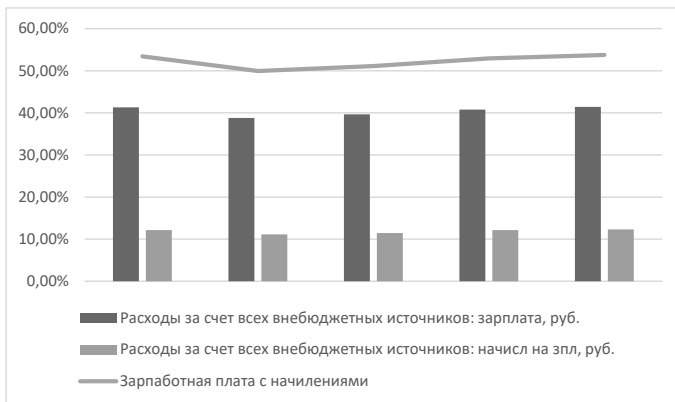

Рисунок 6 – Зарплатная плата с начислениями в структуре расходов за счет всех внебюджетных источников (Иркутская область)

Годовые затраты из всех источников на заработную плату с начислениями увеличивались в среднем за период на 9,7%, за счет государственных источников – на 12,22%, а за счет внебюджетных – на 3,1%, причем сократились на 10,2% в 2020 году при неизменной доле в структуре затрат около 52,0%. В структуре расходов из всех государственных источников на оказание медицинской помощи заработная плата с начислениями составляет в среднем за период 63,43%, причем, начиная с 2018 года, ее доля в структуре расходов сокращается (с 66,97% в 2018 г. до 59,3% в 2020 г.

Анализ заработной платы по всем отраслям Иркутской области показал рост за период с 2017 до 2020 гг., в среднем по отраслям на 7%²⁸. В то же время, если рост заработной платы по всем категориям работников Иркутской области составил за первое полугодие 2021 года 7,4%, то в сфере здравоохранения имел место рост всего на 2,9% (рис. 7).

²⁸ https://www.audit-it.ru/inform/zarplata/index.php?id_region=145

Рис. 7 – Темпы роста заработной платы работников Иркутской области за январь – июнь 2021 года, % к аналогичному периоду 2020 года²⁹

Результаты и выводы исследования

Состояние экономической безопасности Иркутской области в части основных факторов, положительно влияющих на состояние экономической безопасности, определяется стабильным ростом объемов финансирования медицинской помощи в Иркутской области, в том числе в части финансирования медицинской помощи за счет всех государственных источников.

Оценка показателей и индикаторов, сформированных для Иркутской области, позволила выявить следующие факторы в сфере здравоохранения, отрицательно влияющие на состояние экономической безопасности:

- отставание темпов роста финансирования медицинской помощи от темпов ее фактического оказания, что приводит к неравномерной динамике отдельных статей затрат;

- отставание темпов роста оплаты труда в здравоохранении от заработной платы в целом по области.

²⁹ <https://irkzan.ru/content>

Проведенный анализ позволил оценить современное состояние угроз экономической безопасности Иркутской области на основании основных индикаторов состояния сферы здравоохранения, а именно:

- сложившихся условий для оттока кадров из сферы здравоохранения вследствие: низкой социальной защищенности работников сферы здравоохранения и отставания темпов роста затрат на заработную плату во всех источниках финансирования медицинской помощи от средней по заработной плате по региону, а также сложившейся структуры затрат медицинских организаций Иркутской области;

- снижения доступности медицинской помощи из-за несоответствия темпов роста затрат в сфере здравоохранения, финансируемых за счет всех источников, росту доходов населения;

- отсутствия потенциальных возможностей как для количественного роста оказываемой медицинской помощи в силу проявляющихся тенденций сокращения медицинской помощи, финансируемой как из государственных, так и всех внебюджетных источников, так и для улучшения качества медицинской помощи, обусловленного тенденциями развития структуры затрат на оказание медицинской помощи.

Список источников

1. **Гутман Г.В., Мироедов А.А., Федин С.В.** Управление региональной экономикой/ Г.В. Гутман, А.А. Мироедов, С.В. Федин. – М: Финансы и статистика, 2002. – С. 16, 61.

2. Теория и практика оценки экономической безопасности (на примере регионов Сибирского федерального округа) / Под общ. ред. В.В. Карпова, А.А. Кораблевой // Новосибирск: изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. 146 с.

3. **Мартынов А.С., Артюхов В.В., Виноградов В.Г.** Россия как система: Комплексный аналитический Web-атлас, 1977 / А.С. Мартынов, В.В. Артюхов, В.Г. Виноградов [Электронный ресурс]. URL:[https:// http://www.sci.aha.ru](https://http://www.sci.aha.ru) . (дата обращения: 02.1.2022).

4. **Ризванова М.А.** Совершенствование финансирования системы здравоохранения как фактор возрастания человеческого потенциала региона (на примере Республики Башкортостан): автореф. дис. канд. экон. наук: 08.00.05 и 08.00.10: защищена 10.10.06: утв. 20.07.07 / М.А. Ризванова. – Ижевск: ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», 2006. – 25 с. (2006).

5. **Василенко В.** Критерии качества и переход общества к устойчивому развитию /В. Василенко //Стандарты и качество. 2001. № 3. С. 24–32 (2001).

6. **Улумбекова, Г.Э.** Здоровоохранение России. Что надо делать. Состояние и предложения. 2019–2024 гг. / Г.Э. Улумбекова. Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2019. – 416 с. – ISBN 978-5-9704-5417-6.

7. **Улумбекова Г.Э.** Актуальность Стратегии по формированию у населения РФ приверженности здоровому образу жизни и рекомендации по доработке Межведомственной стратегии формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 г. / Г.Э. Улумбекова // ОРГЗДРАВ: Новости. Мнения. Обучение. Вестник ВШОУЗ. – 2018.

8. **Силин Я.П.** Эволюция парадигмы региональной экономики / Я.П. Силин, Е.Г. Анимица // Journal of New Economy. – 2020. – Т. 21, № 1. – С. 11. DOI: 10.29141/2658-50812020-21-1-1.

9. Инфраструктурные аспекты социально-экономической динамики : монография / под. ред. И.Ю. Сольской. – Иркутск: ИрГУПС, 2020. С. 21–23.

10. **Sigova M.V.** Objective Contradictions in the Integration of Social Networks, Payments Services and Distributed Ledger Technology / Sigova, M., Dolbezhkin, V., Koltsov, A. // Proceedings - 2019 International Conference on Artificial Intelligence: Applications and Innovations, IC-AIAI 2019, 2019, стр. 12–16, 9007313.

11. **Kruglova I.A.** State Support Programs and Its Role in the Sustainable Development of Small Busines / A.D. Khlutkov, M.S. Vlasova , I.A. Kruglova, P.V. Nazarov // Proceedings of the 30th International Business Information Management Association Conference (IBIMA) 8-9 November 2017, Madrid, Spain – С. 4201-4211.

References

1. **Gutman G.V., Miroedov A.A., Fedin S.V.** Management of the regional economy / G.V. Gutman, A.A. Miroedov, S.V. Fedin. – М: Finance and statistics, 2002. S. 16, 61.

2. Theory and practice of assessing economic security (on the example of the regions of the Siberian Federal District) / Ed. ed. V.V. Karpova, A.A. Ship. // Novosibirsk: IEOPP SB RAS, 2017. 146 p.

3. **Martynov A.S., Artyukhov V.V., Vinogradov V.G.** Russia as a system: Comprehensive analytical Web-atlas, 1977 / A.S. Martynov, V.V. Artyukhov, V.G. Vinogradov [Electronic resource]. URL:[https:// http://www.sci.aha.ru](https://http://www.sci.aha.ru) (date of access: 02.1.2022).

4. **Rizvanova M.A.** Improving the financing of the health care system as a factor in increasing the human potential of the region (on the example of the Republic of Bashkortostan): author. dis. cand. economy Sciences: 08.00.05 and

08.00.10: defended 10.10.06: approved. 20.07.07 / M.A. Rizvanova. – Izhevsk: GOU VPO «Udmurt State University», 2006. – 25 p. (2006).

5. **Vasilenko V.** Quality criteria and society's transition to sustainable development / V. Vasilenko // Standards and quality. 2001. No. 3. S. 24–32 (2001).

6. **Ulumbekova, G.E.** Health care of Russia. What to do. Condition and suggestions. 2019-2024 / G.E. Ulumbekova. – Moscow: GEOTAR-Media, 2019. – 416 p. – ISBN 978-5-9704-5417-6.

7. **Ulumbekova G.E.** The relevance of the Strategy for the formation of a commitment to a healthy lifestyle among the population of the Russian Federation and recommendations for finalizing the Interdepartmental Strategy for the formation of a healthy lifestyle of the population, prevention and control of non-communicable diseases for the period up to 2025 / G.E. Ulumbekova // ORGZDRAV: News. Opinions. Education. Vestnik VSHOUZ. – 2018.

8. **Silin Ya.P.** Evolution of the regional economy paradigm / Ya.P. Silin, E.G. Animica // Journal of New Economy. – 2020. – V. 21, No. 1. – P. 11. DOI: 10.29141/2658-50812020-21-1-1.

9. Infrastructural aspects of socio-economic dynamics: monograph / under. ed. I.Yu. Solskaya. – Irkutsk : IrGUPS, 2020. C. 21–23.

10. **Sigova M.V.** Objective Contradictions in the Integration of Social Networks, Payments Services and Distributed Ledger Technology / Sigova, M., Dolbezhkin, V., Koltsov, A. // Proceedings - 2019 International Conference on Artificial Intelligence: Applications and Innovations, IC-AIAI 2019, 2019, сpp. 12–16, 9007313.

11. **Kruglova I.A.** State Support Programs and Its Role in the Sustainable Development of Small Business / A.D. Khlutkov, M.S. Vlasova , I.A. Kruglova, P.V. Nazarov // Proceedings of the 30th International Business Information Management Association Conference (IBIMA) 8-9 November 2017, Madrid, Spain – C. 4201-4211.

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ, КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ФИНАНСОВУЮ УСТОЙЧИВОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

Юлия Олеговна ЛЯДОВА¹, научный стажер

¹Кафедра экономики и финансов предприятий и отраслей,
«Международный банковский институт имени Анатолия Собчака»
Санкт-Петербург, Россия

Адрес для корреспонденции: Ю.О. Лядова, 193315, Народная ул., 68-1-183. Санкт-Петербург, Россия

Т.: +79118151251. E-mail: belyaeva.y@mail.ru

Аннотация

Финансовая устойчивость предприятия является одним из ключевых показателей его эффективного функционирования, а также основой для принятия решений по совершенствованию и развитию. В настоящее время в условиях нестабильной политической и экономической ситуации вопрос поддержания финансовой устойчивости на приемлемом уровне стоит особенно остро, поскольку изменения, происходящие во внешней среде, которая представляет собой определенную совокупность ряда факторов и условий, оказывают значительное влияние на деятельность хозяйствующего субъекта и могут негативно сказаться на его финансовой устойчивости. Ярким примером фактора внешней среды, в значительной степени оказывающим воздействие на финансовую устойчивость предприятия, в свете последних событий начала 2022 года является импортозамещение. В связи с тем, что хозяйствующие субъекты зависят от санкций, приостановка поставок из-за рубежа могут негативно сказаться на отечественном производстве, а в ряде случаев и привести к банкротству в ряде отраслей. Поэтому сейчас перед правительством стоит важнейшая задача по решению импортозамещения.

Ключевые слова

Финансовая устойчивость, внутренние и внешние факторы, факторы, влияющие на финансовую устойчивость предприятия, импортозамещение.

IMPORT SUBSTITUTION AS A FACTOR AFFECTING THE FINANCIAL STABILITY OF AN ENTERPRISE IN AN UNSTABLE ECONOMIC ENVIRONMENT

Yulia LYADOVA, scientific intern

Abstract

The financial stability of an enterprise is one of the key indicators of its effective functioning, as well as the basis for making decisions on improvement and development. Currently, in an unstable political and economic situation, the issue of maintaining financial stability at an acceptable level is particularly acute, since changes occurring in the external environment, which is a certain combination of a number of factors and conditions, have a significant impact on the activities of an economic entity and may negatively affect its financial stability. Import substitution is a striking example of an environmental factor that significantly affects the financial stability of an enterprise in the light of recent events at the beginning of 2022. Due to the fact that economic entities depend on sanctions the suspension of supplies from abroad can negatively affect domestic production, and in some cases lead to bankruptcy in a number of industries. Therefore, the government now faces the most important task of solving the problem of import substitution.

Keywords

Financial stability, internal and external factors, factors affecting the financial stability of the enterprise, import substitution.

Введение

Финансовая устойчивость является одним из ключевых качеств для успешной деятельности предприятия в долгосрочной перспективе. Устойчивое финансовое положение хозяйствующего субъекта положительно влияет на его функционирование, бесперебойное производство, обеспеченность всеми необходимыми ресурсами.

Эффективное управление финансовой устойчивостью может выполняться при условии понимания сущности этого понятия. В научной экономической литературе существует немало подходов к трактовке этого понятия. При этом следует отметить, что до недавнего времени большая часть исследований в этой области принадлежала зарубежным ученым-экономистам. В России интерес к изучению вопросов, связанных с финансовой устойчивостью, проявился в начале 90-х годов в связи с изменениями, происходящими в нашей стране.

На основе проведенного анализа существующих точек зрения различных отечественных экономистов можно сделать вывод, что нет единого определения понятия финансовой устойчивости, но при этом можно выделить несколько подходов к описанию данной экономической категории [7].

Так, в соответствии с одним подходом, финансовая устойчивость связана с платежеспособностью хозяйствующего субъекта, а именно с возможностью своевременного погашения обязательств (Р.С. Шерemet, А.В. Грачев, Л.Т. Гиляровская А.Д. Сайфулин и др.).

С другой стороны, финансовая устойчивость может быть связана с оценкой структуры и величины капитала, активов и пассивов (И.Т. Балабанов, Г.В.Савицкая, Л.И. Кравченко, М.С. Абрютин и др.).

А.А. Васина, Н.Г. Иванова М.В. Романовский и др. рассматривают финансовую устойчивость с точки зрения зависимости/независимости предприятия от инвесторов и кредиторов, что находит свое отражение в соотношении заемных и собственных средств.

В рамках еще одного подхода финансовая устойчивость рассматривается в качестве составляющей экономической устойчивости (Г.Я. Ракитская, В.М. Родионова, М.А. Федотова, А.Н. Фоломьев и др.).

По мнению В.В. Копейна, Н.А. Пименова Е.А. Филимоновой и др., финансовая устойчивость может быть рассмотрена как гарантия финансовой (экономической) безопасности хозяйствующего субъекта, что представляет собой один из основных факторов функционирования предприятия в условиях рыночной нестабильности.

Таким образом, в результате тщательного анализа существующих точек зрения и подходов к трактовке понятия финансовой устойчивости можно сделать вывод, что финансовая устойчивость является таким состоянием хозяйствующего субъекта, при котором выполняется соблюдение структуры капитала, наличие необходимого для функционирования и инвестирования количества ресурсов, что способствует удержанию платежеспособности на должном уровне для сохранения конкурентоспособности в нестабильных условиях внешней среды.

Внешние и внутренние факторы, влияющие на финансовую устойчивость предприятия

На функционирование хозяйствующего субъекта и, как следствие, его финансовую устойчивость оказывают влияние факторы внешней и внутренней среды. Факторы внутренней среды непосредственно связаны с деятельностью конкретного предприятия и в полной мере зависят от действий персонала. К внутренним факторам относят финансовые, материальные, информационные, трудовые ресурсы, организационную структуру, коллективные нормы и ценности и др. Внутренняя среда каждого конкретного предприятия формируется под воздействием факторов внешней среды.

Факторы внешней среды представляют собой определенную совокупность ряда факторов и условий, которые воздействуют на развитие предпринимательства в целом в стране и не зависят от непосредственной деятельности хозяйствующего субъекта, при этом в количественном выражении отражают уровень применения финансовых и производственных ресурсов того или иного предприятия.

Внешняя среда крайне неоднородна по своей структуре и включает две группы факторов: факторы косвенного и прямого воздействия. Предприятия не в силах изменить влияние косвенных факторов внешней среды, но в силах реагировать на изменения. К таким факторам можно отнести политические, социально-экономические, природно-климатические условия и т.д. Факторы прямого воздействия – непосредственное окружение предприятия, которое может оказать влияние на принятие тех или иных стратегических решений (заказчики, партнеры, поставщики и др).

В сегодняшних рыночных условиях предприятия оказались в теснейшей корреляции с внешней средой и необходимостью адаптироваться под ее изменения. За последние несколько лет вопрос обеспечения финансовой устойчивости и поддержания ее на необходимом для развития, а в некоторых случаях – для выживания, уровне стоит особо остро. Современный экономический кризис, свидетелями которого мы являемся, коснулся практически всех отраслей народного хозяйства. В условиях непрерывной конкурентной борьбы часть предприятий оказываются на грани банкротства и вынуждены уходить с рынка, не сумев подстроиться под молниеносно изменяющиеся условия внешней среды. Другие предприятия, которым удалось выстоять и удержаться, должны функционировать в условиях неопределенности и постоянного риска, принимая решения о совершении того или иного действия крайне оперативно.

Эффективность функционирования хозяйствующего субъекта зависит от множества факторов как внутренней и внешней среды, влияние которых может иметь как негативные, так и позитивные последствия для предприятия, что в результате скажется на финансовой устойчивости. Поэтому для успешного и продолжительного осуществления своей деятельности в условиях нестабильной экономической ситуации необходимо проводить постоянный мониторинг и анализ внешней и внутренней среды, а также их факторов.

Импортозамещение как фактор устойчивости

В настоящее время внешняя среда оказывает невероятно сильное влияние на деятельность предприятий. Острая политическая ситуация и, как следствие,

непростая экономическая обстановка приводят к тому, что перед хозяйствующими субъектами практически ежедневно встают вопросы, которые требуют оперативного решения. При этом такие управленческие решения направлены не столько на развитие, сколько на выживание хозяйствующих субъектов, на удержание стабильности и устойчивости в сложившихся условиях. Одним из таких вопросов является вопрос импортозамещения. Это связано с тем, что большая часть хозяйствующих субъектов находятся в зависимости от импортных товаров и комплектующих (доля импорта в некоторых отраслях варьируется в пределах 70–90%), а в результате событий февраля – марта 2022 года поставки из-за границы резко сократились, а в ряде случаев прекратились совсем, что сказалось на деятельности предприятий. Поэтому их дальнейшее функционирование оказалось под угрозой. И импортозамещение в данном случае можно рассматривать как решение данной проблемы, что будет способствовать восстановлению производства, его конкурентоспособности и финансовой устойчивости хозяйствующего субъекта.

Импортозамещение представляет собой замещение импорта произведенными внутри страны товарами, являющимися аналогами. Оно напрямую связано с национальной безопасностью и экономическим развитием страны, поскольку, будучи зависимыми от мировой экономики, а именно от стран-экспортеров и ТНК, государство может потерять свой суверенитет. Поэтому многие страны, начиная с недавнего времени, принимают решения о разработке и внедрении политики импортозамещения, которая способствует снижению зависимости страны от мировой экономики, высокой занятости населения, формирует устойчивость национальной экономики, усиливает конкуренцию на внутреннем рынке.

Политика импортозамещения имеет комплексный характер и ориентирована на формирование благоприятной среды для стимулирования роста национальной промышленности на основе потребностей страны и ее населения с помощью воздействия на важнейшие направления социально-экономического развития.

Импортозамещение может иметь как положительные, так и негативные последствия [9].

Преимущества:

- снижение зависимости от колебания валютного курса – в результате сокращения объема ввозимых импортных товаров колебания курса рубля будут в меньшей степени сказываться на отечественной экономике;

- снижение зависимости от введения санкций против России;

- снижение зависимости отечественной экономики от импорта за счет удовлетворения спроса предложением на внутреннем рынке;

- укрепление национальной экономической безопасности, которое достигается посредством развития приоритетных отраслей экономики с целью достижения экономической независимости страны;

- снижение чувствительности внутренних цен к изменению цен на импортируемые товары;

- функционирование предприятий в рублевой зоне означает, что предприятия будут использовать оборудование, комплектующие, материалы и пр. отечественного производства и будут независимы от курса валют, не будут нести расходы по их конвертации и комиссии банка;

- развитие отраслей и предприятий внутри страны, рост спроса на их товары, снижение уровня безработицы за счет создания рабочих мест.

Недостатки:

- возрастание нагрузки на федеральный бюджет за счет инвестирования в поддержку отечественного производства;

- дефицит товаров, который связан с ограничением импорта;

- низкое качество продукции отечественного производства;

- застой в экономике в связи с нежеланием российских предприятий заниматься внедрением инноваций;

- невозможность производства некоторых видов продукции в силу климатических особенностей;

- высокие цены на товары отечественного производства по сравнению с импортными;

- рост уровня инфляции.

Вопросу импортозамещения в отечественной экономической науке начали уделять внимание практически с начала рыночных реформ, а после кризиса, случившегося в 1998 году, тема импортозамещения была одной из наиболее часто обсуждаемой в научных и общественных дискуссиях. В этот период наблюдалось сокращение импорта на 20%. Такие результаты были достигнуты отчасти благодаря подорожанию импорта вследствие дефолта, что способствовало росту спроса на товары, произведенные внутри страны. Все это способствовало тому, что начиная с 1999 г. в России наблюдался восстановительный этап за счет использования простаивающих в период с 1991–1998 гг. мощностей, расширяющегося сырьевого экспорта и развития предприятий, которые осуществляли импортозамещение, работая на внутренний рынок. Такие предприятия стали частью государственной

экономической политики, цель которой заключалась в локализации производства внутри страны ранее импортируемых товаров. Развитие получила обрабатывающая промышленность. По мнению отечественных экономистов, рост более чем на 20% ВВП и промышленности произошел в основном благодаря реализации процесса импортозамещения [8].

В последующие годы процесс импортозамещения замедлился. Однако в 2008–2009 годы на фоне девальвации отечественной валюты и снижения цен на энергоносители в мире началась очередная волна импортозамещения. Процессы в основном затронули только отдельные отрасли народного хозяйства, а именно пищевую и автомобильную промышленность [8].

В 2014 году необходимость в реализации процесса импортозамещении была вызвана санкциями против России и имела вынужденный характер. Наша страна столкнулась с определенными ограничениями, исчезновением ряда товаров, отсутствием импортных комплектующих, что привело к перебоям в производстве предприятий. Особенно остро это почувствовали предприятия промышленности, поскольку в таких стратегических отраслях, как фармацевтическая, медицинская промышленность, станкостроение, доля импортного оборудования достигает около 70–90%. Кроме того, большая часть хозяйствующих субъектов обрабатывающей промышленности находится в зависимости от комплектующих зарубежного производства, вследствие чего темпы развития экономики России снизились на 1,2 пп, а слово «импортозамещение» стало одним из наиболее часто употребляемым в СМИ. Данные события усилили проблему импортозамещения и способствовали тому, чтобы правительство страны разработало ряд программ по импортозамещению для отдельных отраслей, одна из центральных задач которых заключалась в уменьшении доли импортных комплектующих и продукции в целом [6; 10].

Так, в апреле 2014 г. была подписана программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», важным направлением реализации которой «является обеспечение технологического развития отечественной промышленности на основе создания и внедрения прорывных, ресурсосберегающих, экологически безопасных промышленных технологий для производства конкурентоспособной наукоемкой продукции. Достижение целей Программы и ее структурных элементов предполагает создание новых передовых технологий и оборудования, необходимых для их применения на уровне экспериментальных линий, демонстрационных установок и (или) опытных образцов, подтверждающих готовность технологических решений к промышленной реализации» [2].

В 2022 году вопросы импортозамещения, как фактора внутреннего производства, особенно актуальны. Это связано, с одной стороны, с напряженной геополитической ситуацией, а с другой – с пандемией, в результате которой были нарушены налаженные ранее цепочки поставок и логистические связи. Все эти события способствовали тому, что правительство России начало разработку мер, направленных на импортозамещение. По словам М. Мишустина в рамках Совещания по повышению устойчивости развития российской экономики (01.03.2022), необходимо активизировать имеющиеся инструменты для поддержки развития внутреннего производства и процессов импортозамещения, а также «максимально стимулировать изменения структуры экономики, чтобы еще больше уйти от сырьевой зависимости, увеличивая долю технологичных производств [13].

В ближайшее время правительство представит план мероприятий по поддержке экономики в сложившейся ситуации. По мнению доктора экономических наук, ведущего научного сотрудника ИНИОН РАН Сергея Смирнова, целью разрабатываемых правительством мер будет создание многоотраслевой экономики. Такая экономика способна самостоятельно обеспечить все потребности нашей страны. Отечественная экономика будет развиваться, поскольку имеются все необходимые для этого ресурсы. Руководитель направления «Финансы и экономика» Института современного развития Никита Масленников считает, что наша страна может развивать другие отрасли экономики, а не жить только за счет газа и нефти [5].

Выводы

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что проблема импортозамещения в настоящее время актуальна как никогда и должна стать первостепенно задачей экономической стратегии страны. Процесс импортозамещения имеет управляемый характер и ориентирован на развитие отечественного производства, поиск точек роста отечественной экономики. Реализация политики импортозамещения требует эффективного стратегического планирования и системного подхода, подразумевающего использование управленческого, финансового, производственного потенциала всех участников. Успешная реализации мер по импортозамещению будет способствовать укреплению национальной экономики, снижению зависимости от импортной продукции, что в свою очередь приведет к повышению финансовой устойчивости хозяйствующих субъектов.

Список источников

1. **Глушак, В. В.** Факторы, оказывающие влияние на экономическую эффективность деятельности организации / В. В. Глушак. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2019. – № 14 (252). – С. 99–101.
2. Государственная программа Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»// Гарант. 2015. URL: <https://base.garant.ru/70643464/#friends> (дата обращения: 07.03.2022).
3. **Ерёменко, В. А.** Финансовая устойчивость предприятия / В. А. Ерёменко, Ю. С. Лях. Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2019. № 27 (265). – С.104–107.
4. **Ершов П.А.** Импортозамещение и политика импортозамещения: теоретический подход к определению понятий// Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2017. – №2. – С. 147–157.
5. **Кочкина Ю.** Россия готовится к отказу от западных товаров// ИА URA.RU. 2022. URL:<https://ura.news/articles/1036284036> (дата обращения: 07.03.2022).
6. **Кудряшов В.С.** Роль импортозамещения в экономике России// Российские регионы: взгляд в будущее. – 2018. – Т. 5. – №.3. – С. 12–26.
7. **Лядова Ю.О.** Анализ подходов к определению понятия финансовой устойчивости предприятия: Материалы научной конференции «Интеграция науки, образования и бизнеса – основа модернизации экономики». – 2018. – С. 111–113.
8. **Миронова О.А.** Импортозамещение: зарубежный опыт и уроки для России / О.А. Миронова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 7. – С. 84–87.
9. **Морозова Н.В., Васильева И.А., Горбунова А.И.** Особенности политики импортозамещения в современных условиях// Oeconomia et Jus. – 2016. – №1. – С. 11–18.
10. **Новиков А.В., Гырбу Ю.С.** Импортозамещение как фактор повышения конкурентоспособности продукции в России// xi Прохоровские чтения посвящённые 85-летию Волжского государственного университета водного транспорта: Сборник статей участников Одиннадцатых Прохоровских чтений: – 2016. – С.15–18.
11. **Савинова О.В., Папшева В.А., Хуснидинов Р.А.** Новая политика России - политика импортозамещения// Современная экономика: актуальные вопросы, достижения и инновации. – 2018. – С. 54–57.
12. **Скворцова Т.А., Скворцов А.И.** Политика импортозамещения в России: причины, цели, этапы, уровни реализации// научные труды Вольного экономического общества России. – 2019. – Т. 218. – №.4. – С. 537–543.
13. Совещание по повышению устойчивости развития российской экономики// Сайт Правительства России. 2022. URL: <http://government.ru/news/44677/> (дата обращения: 07.03.2022).

14. **Таряник Т.Н.** Импортозамещение как фактор стимулирования роста отечественного производства//Справочник. 2021. URL: https://spravochnick.ru/ekonomika/importozameschenie_kak_faktor_stimulirovaniya_a_rosta_otechestvennogo_proizvodstva/ (дата обращения: 07.03.2022).

15. **Щербина Т.А.** Политика импортозамещения: финансово-экономические и управленческие аспекты реализации// Экономика. Налоги. Право. – 2016. – Т. 9. – №1. – С. 52–58.

16. **Kruglova I.** Predictive modelling of economic safety on the example of ecosystem of small and medium-sized business / M. Vlasova, I. Kruglova, A. Khlutkov, O. Stepchenkova // International Journal of Risk Assessment & Management. - 2020. - Т. 23. - № 1. - С. 4-13.

17. **Sigova M.** Financial inclusions in social networks / M.V. Sigova, S. Vasiliev, O. Kliuchnikov // SHS Web of Conferences 92, 06034 - 2021.

References

1. **Glushak, V. V.** Factors influencing the economic efficiency of the organization / V. V. Glushak. – Text : direct // Young scientist. – 2019. – № 14 (252). – Pp. 99–101.

2. The State program of the Russian Federation «Development of industry and improvement of its competitiveness» // Garant. 2015. URL: <https://base.garant.ru/70643464/#friends> (date of reference: 07.03.2022).

3. **Eremenko, V. A.** Financial stability of the enterprise / V. A. Eremenko, Yu. S. Lyakh. – Text : direct // Young scientist. – 2019. – № 27 (265). – Pp.104–107.

4. **Ershov P.A.** Import substitution and import substitution policy: a theoretical approach to the definition of concepts// Bulletin of the Institute of economics of the Russian academy of sciences. – 2017. – No.2. – Pp. 147–157.

5. **Kochkina Yu.** Russia is preparing to abandon Western goods// IA URA.RU. 2022. URL:<https://ura.news/articles/1036284036> (accessed: 07.03.2022).

6. **Kudryashov V.S.** The role of import substitution in the Russian economy// Russian regions: a look into the future. – 2018. – Vol. 5. – No.3. – Pp. 12–26.

7. **Lyadova Yu.O.** Analysis of approaches to the definition of the concept of financial stability of the enterprise// Materials of the scientific conference «Integration of science, education and business – the basis of economic modernization». – 2018. – Pp. 111–113.

8. **Mironova O.A.** Import substitution: foreign experience and lessons for Russia / O.A. Mironova // International Scientific Research Journal. – 2015. – No. 7. – Pp.84–87.

9. **Morozova N.V., Vasilyeva I.A., Gorbunova A.I.** Features of import substitution policy in modern conditions// *Oeconomia et Jus.* – 2016. – No. 1. Pp. 11–18.

10. **Novikov A.V., Gyrbu Yu.S.** Import substitution as a factor of increasing the competitiveness of products in Russia// Collection of articles by participants of the Eleventh Prokhorov readings: XI Prokhorov readings dedicated to the 85th anniversary of the Volga state university of water transport. – 2016. – Pp.15–18.

11. **Savinova O.V., Papsheva V.A., Khusnidinov R.A.** The new policy of Russia – the policy of import substitution// *Modern economics: topical issues, achievements and innovations.* – 2018. – Pp. 54–57.

12. **Skvortsova T.A., Skvortsov A.I.** Import substitution policy in Russia: reasons, goals, stages, levels of implementation// *Scientific works of the free economic society of Russia.* – 2019. – Vol. 218. No. 4. – Pp. 537–543.

13. Meeting on improving the sustainability of the Russian Economy// Website of the Russian Government. 2022. URL: <http://government.ru/news/44677/> (accessed: 07.03.2022).

14. **Taryanik T.N.** Import substitution as a factor of stimulating the growth of domestic production//Guide. 2021. URL: https://spravochnick.ru/ekonomika/importozameschenie_kak_faktor_stimulirovaniya_rosta_otechestvennogo_proizvodstva/ (accessed: 07.03.2022).

15. **Shcherbina T.A.** Import substitution policy: financial, economic and managerial aspects of implementation// *Economy. Taxes. Right.* – 2016. – Vol. 9. – No. 1. – Pp. 52–58.

16. **Kruglova I.** Predictive modelling of economic safety on the example of ecosystem of small and medium-sized business / M. Vlasova, I. Kruglova, A. Khlutkov, O. Stepchenkova // *International Journal of Risk Assessment & Management.* - 2020. - T. 23. - № 1. - C. 4-13.

17. **Sigova M.** Financial inclusions in social networks / M.V. Sigova, S. Vasiliev, O. Kliuchnikov // *SHS Web of Conferences* 92, 06034 - 2021.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ДРАЙВЕР ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ И ИСТОЧНИК ЭКОНОМИЧЕСКИХ УГРОЗ

Александр Сергеевич МИКУЛЕНКОВ^{1,2}

¹Отдел приоритетных исследований и разработок, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)», Москва, Россия

²Научный стажер АНО ВО «Международный банковский институт имени Анатолия Собчака», Санкт-Петербург, Россия

Адрес для корреспонденции: А.С. Микуленков, 141701, Институтский переулок, 9,
г. Долгопрудный, Россия

Т.: +7 (498) 713-91-81, доб. 63-03. E-mail: mikulenkov.as@mipt.ru

Аннотация

Стремительная цифровизация хозяйственных процессов способствует повышению эффективности функционирования предприятий из разных отраслей экономики. Использование технологий искусственного интеллекта для анализа и обработки больших данных, принятия на их основе управленческих решений способствует более глубокому пониманию бизнес-процессов как внутри предприятия, так и за его пределами – в тесной взаимосвязи с динамичным миром контрагентов и стейкхолдеров. Несмотря на явные преимущества технологий искусственного интеллекта, их использование может иметь и негативные последствия, подвергающие риску экономическую безопасность предприятия, целостность и непрерывность его технологических циклов. В работе проанализированы различные направления применения технологий искусственного интеллекта на предприятии. Выявлены и сгруппированы основные риски, связанные с использованием искусственного интеллекта на предприятии, представлены меры по их смягчению. В заключение предлагается набор факторов, необходимых для успешного внедрения и использования искусственного интеллекта на предприятии. Сделан вывод о необходимости трансформации корпоративных стратегий риск-менеджмента и их адаптации к рискам цифровизации.

Ключевые слова

Искусственный интеллект, цифровая трансформация, экономическая безопасность, риски, риск-менеджмент.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE: THE DRIVER OF DIGITAL TRANSFORMATION AND THE SOURCE OF ECONOMIC THREATS

Alexander Sergeevich MIKULENKOV^{1,2}

¹Department of Priority Research and Development, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University)», Moscow, Russia

²Scientific intern Autonomous non-profit organization of higher education «International banking Institute named after Anatoliy Sobchak»,
St. Petersburg, Russia

Address for correspondence: A.S. Mikulenkov, 141701, Institutsky lane, 9, Dolgoprudny, Russia
T.: +7 (498) 713-91-81, add. 63-03. E-mail: mikulenkov.as@mipt.ru

Abstract

The rapid digitalization of economic processes contributes to improving the efficiency of the functioning of enterprises from different sectors of the economy. The use of artificial intelligence technologies for analyzing and processing big data, making management decisions based on them contributes to a deeper understanding of business processes both inside and outside the enterprise - in close relationship with the dynamic world of counterparties and stakeholders. Despite the obvious advantages of artificial intelligence technologies, their use can also have negative consequences that jeopardize the economic security of the enterprise, the integrity and continuity of its technological cycles. The paper analyzes various areas of application of artificial intelligence technologies in the enterprise. The main risks associated with the use of artificial intelligence in the enterprise are identified and grouped, and measures to mitigate them are presented. At the conclusion of the work, a set of factors necessary for the successful implementation and use of artificial intelligence in the enterprise is proposed. It is concluded that it is necessary to transform corporate risk management strategies and adapt them to the risks of digitalization.

Keywords

Artificial intelligence, digital transformation, economic security, risks, risk management.

Введение

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», искусственный интеллект (далее – ИИ) представляет собой «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности

человека» [1]. К технологиям ИИ относятся: технологии компьютерного зрения, обработки естественного языка, распознавания и синтеза речи, интеллектуальной поддержки принятия решений, а также перспективные методы ИИ.

ИИ активно используется в ходе цифровой трансформации предприятий – процессе имплементации современных технологий в производственные процессы и бизнес-операции с целью повышения их эффективности. К основным фундаментальным драйверам развития технологий ИИ можно отнести гиперперсонализацию рынка, увеличение количества накопленных больших данных, развитие методов обработки и анализа больших данных.

Пандемия COVID стала еще одним драйвером, который положительно повлиял на развитие и распространение систем ИИ, усилил влияние сформировавшихся до этого фундаментальных драйверов. Она ускорила развитие интеллектуальных ассистентов, голосовых и текстовых роботов, речевой аналитики, бесконтактных систем безопасности, систем бесконтактной оплаты и распознавания лиц. Активно развивались системы интеллектуального видеонаблюдения, происходили процессы конвергенции систем безопасности [2]. Данная тенденция, в частности, нашла отражение в увеличении объема рынка видеонаналитики в 2020 г. на 14,2% по сравнению с 2019 г. [2]. ИИ определил новые возможности и стал центральным инструментом в построении инновационных бизнес-моделей [3]. Согласно исследованию McKinsey, 61% компаний, связывавших в 2019 г. значительную часть своей прибыли с внедрением ИИ-решений, увеличили инвестиции в этой сфере в период пандемии [4].

Во время пандемии также снизился уровень недоверия к системам ИИ [5]. Гиперперсонализация рынка услуг стимулировала развитие ИИ-решений: чат-боты, голосовые ассистенты, видеоролики, рекламные стратегии, баннеры, контекстная реклама³⁰.

Увеличение денежных вложений в программы финансирования разработок в области ИИ также можно отнести к драйверам развития ИИ-решений. С каждым годом размер вложений в программы финансирования разработок в области ИИ в мире возрастает. По данным портала Statista, объем финансирования стартапов в области ИИ в мире с 2011 по 2020 гг. увеличился в 5 раз (см. Рисунок 1) [6]. Объем инвестиций за два квартала 2021 г. превысил суммарные инвестиции за весь 2020 г., что свидетельствует о стремительном росте интереса со стороны инвесторов к ИИ-решениям.

³⁰ Гиперперсонализация – это маркетинговая стратегия, в основе которой лежит использование данных о клиентах для улучшения качества их обслуживания.

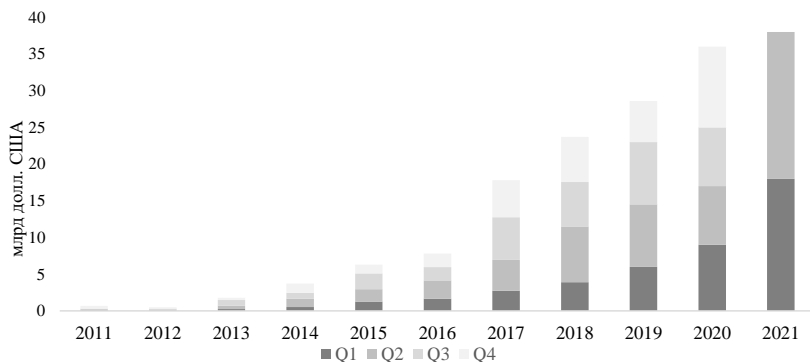

Рисунок 1 – Финансирование стартапов в области ИИ в мире с 2011 по 2021 гг., поквартально, в млрд долл. США

Источник: портал Statista

Применение ИИ, с одной стороны, способствует нивелированию существующих экономических рисков, с другой – создает качественно новые угрозы, обусловленные особенностями функционирования интеллектуальных технологических систем [7; 8]. Исследователи отмечают, что предварительная классификация «провалов» ИИ позволяет более точно и эффективно выявлять ключевые источники неопределенности и рисков функционирования автономных систем, способствует более эффективному контролю рисков [9; 10; 11].

Таким образом, разработка и реализация стратегий и мер цифровой защиты предприятия должна сопровождаться выявлением угроз и управлением рисками, где риск – это вероятностное наступление неблагоприятных последствий в результате влияния внешних или внутренних факторов на функционирование интеллектуальных систем [12].

Цель исследования

Целью данного исследования является анализ рисков, связанных с использованием ИИ на предприятии, выявление факторов, необходимых для смягчения «цифровых» рисков и успешной реализации проектов по внедрению и дальнейшему использованию технологий ИИ в масштабах бизнес-единицы. Для достижения заявленной цели были поставлены следующие задачи:

- проанализировать ключевые тенденции внедрения и использования ИИ;
- оценить эффекты от внедрения и использования ИИ;
- определить и классифицировать риски внедрения и использования технологий на базе ИИ, предложить меры по их смягчению.

Материалы и методы исследования

В ходе исследования был проведен анализ направлений экономической деятельности, в которых применение ИИ наиболее востребовано. Теоретическая основа исследования – это аналитические, консалтинговые исследования, экспертные оценки, статистическая документация. В работе использован следующий исследовательский инструментарий: абстрактно-логические методы исследования, методы обобщения, группировки, анализа и синтеза информации, метод экспертных оценок, кейс-анализ.

Объектом исследования является ИИ. Предметом исследования являются тенденции внедрения и использования ИИ для повышения эффективности хозяйственных процессов, оптимизации технологических циклов предприятий (трансформация бизнес-процессов), а также риски, обусловленные выявленными тенденциями.

Результаты исследования

В качестве ключевых тенденций развития ИИ были выделены:

- автоматизация производственных операций и бизнес-процессов;
- развитие механизмов прогнозирования с использованием ИИ;
- разработка и применение инструментов аналитики и первичного исследования;
- интеграция с иными сквозными цифровыми технологиями;
- разработка и применение человеко-машинных интерфейсов.

1) Автоматизация производственных операций и бизнес-процессов

Промышленность является одним из наиболее значимых сегментов рынка ИИ, что обуславливается вариативностью направлений применения подобных технологий в целях автоматизации производственных процессов. Направления применения ИИ в промышленной сфере охватывают весь цикл производства продукции. ИИ также активно применяется на рынке логистических услуг с целью автоматизации трудоемких действий, экономии средств, повышения эффективности использования ресурсов предприятия, оптимизации функционирования дорожно-транспортной инфраструктуры. По оценкам журнала *The Economist*, совокупная выгода от применений ИИ в логистике оценивается в пределах от 1,3 до 2 трлн долл. США в год [13]. ИИ используется для автоматизации складских операций, управления транспортом без участия человека, а также для управления инфраструктурой «умных дорог» как части экосистемы «умного города».

Системы ИИ активно используются в сфере услуг при взаимодействии с клиентом, его идентификации и оценки информации в соответствии с определенными критериями и алгоритмами. В финансовых сервисах ИИ применяется для автоматического расчета персонализированных предложений

конкретным клиентам на основе доступного объема персональных данных, включая потребительские предпочтения.

2) Развитие механизмов прогнозирования с использованием ИИ

Системы ИИ нашли широкое применение в предиктивной аналитике: от финансовых рынков до ритейла и медицины. Механизмы прогнозирования, используемые в этих сферах, базируются на методиках прогностического анализа, в основе которых лежат входящие в режиме реального времени потоки больших данных. ИИ выполняет анализ в автоматическом режиме со скоростью, превышающей скорость выполнения той же работы человеком.

Объединение прогностических способностей ИИ с функционалом торговых роботов позволяет повысить скорость и точность биржевой торговли, что является особенно важным в электронной биржевой торговле, на долю которой, по состоянию на 2020 г., приходится почти 45% от совокупных доходов торговли акциями [14].

Использование ИИ в ритейле позволяет с большей точностью прогнозировать объемы продукции. Применение ИИ в ритейле повышает эффективность работы магазинов, что выражается в увеличении прибыли, снижении времени нахождения товара на складах и на витрине, а также в минимизации возврата купленных товаров. В будущем ИИ может помочь дистрибьютерам и ритейлерам полностью автоматизировать принятие решений в режиме реального времени.

Использование ИИ в медицине позволяет заблаговременно предсказывать острые критические заболевания. Обучение ИИ на основе популяционных данных о заболеваемости позволяет определять отличия каждого конкретного случая болезни от среднего, выявлять индикаторы, сигнализирующие о состоянии организма, нарушении его нормального функционирования. Несмотря на точность и быстрдействие, применение подобных систем зачастую сопряжено со сложностью интерпретации полученных данных лечащими врачами [15].

3) Разработка и применение инструментов аналитики и первичного исследования

Применение ИИ в качестве инструмента аналитики и первичного исследования обосновано возможностью делегировать «умной» системе рутинные процедуры, которые, с одной стороны, не требуют интеллектуальных усилий человека, с другой – необходимы в рамках определенных технологических и хозяйственных процессов. ИИ используется для визуального или звукового распознавания категорий объектов. В рамках указанного направления применения алгоритмов ИИ значимую роль играют SVM-

системы³¹, основной задачей которых является классификация данных по изначально заданным параметрам. Например, типовой задачей SVM-систем является идентификация и отделение спама в потоке электронных писем.

ИИ-инструменты аналитики и первичного исследования нашли свое применение в сфере транспорта. Беспилотные автомобили, летающие дроны, железнодорожные составы и водные суда используют распознавание препятствий для адекватного позиционирования транспортного средства в пространстве, его корректного движения, реакции на изменение внешних условий, помощи человеку-водителю. Так, робот-помощник «Cognitive Agro Pilot» управляет движением комбайна, снижая нагрузку на человека-механизатора, и дает тому возможность, не отвлекаясь на управление сельскохозяйственной техникой, сконцентрироваться на уборке урожая [16].

4) Интеграция с иными сквозными цифровыми технологиями

Технология ИИ активно интегрируется с другими инновационными технологиями (VR/AR, группы новых производственных технологий – НПП – в т.ч. сенсоры, «умные» датчики и проч.) с целью повышения доступности и полноты сбора информации и ускорения ее обработки в режиме реального времени. Так, приложения дополненной реальности с элементами ИИ Vuforia Expert Capture (совмещение VR/AR и ИИ) обладают информацией о наборе технических инструментов и сведений об окружающей и производственной среде, что позволяет сотрудникам в режиме реального времени визуально осмотреть объект (в трехмерной плоскости), внести необходимые изменения в процесс его функционирования [17].

Применение ИИ вместе с «умными» датчиками происходит в системах промышленного интернета в процессе упаковки, перевозки, разгрузки и хранения грузов. Установленные на груз датчики позволяют собирать совокупность информации об условиях хранения и перевозки, целостности упаковки и сохранности ее содержимого. Дальнейшая передача этой информации ИИ позволяет анализировать грузовую логистику и информировать клиентов о статусе их груза в режиме реального времени. Для гарантии систематизации и точности информации в подобных случаях уместно использование систем распределенных реестров, способных гарантировать неизменность информации о грузе и ее четкую привязку ко времени. В качестве примера можно привести систему автоматизированного контроля качества погрузки руды, внедренную на производственных мощностях ПАО «Новолипецкий металлургический комбинат»: система контролирует процесс

³¹ Support Vector Machine – метод опорных векторов – метод обучения, использующийся в рамках задач классификации и регрессии.

загрузки, не допуская попадания в вагоны слишком больших валунов, не подлежащих дроблению на фабрике [18].

Технологичные компании предлагают клиентам услуги по интеграции бытовых приборов в единую систему управления жилым пространством, которая будет обеспечивать безопасность и комфорт при проживании, а также позволит экономить на энергопотреблении, минимизируя участие человека. «Умный дом» «Xiaomi Smart Home» – один из примеров реализации данной технологии в виде технологичного пакетного решения [19].

5) Разработка и применение человеко-машинных интерфейсов

Применение алгоритмов ИИ направлено на разработку человеко-машинного интерфейса в целях повышения эффективности процессов обмена информацией между людьми и машинами. Управление подобными системами должно осуществляться за счет обеспечения связи между искусственными нейронами и мозгом человека. Мысленное управление большинством устройств, возможность реализации прямого подключения человека к интернету – лишь некоторые из возможных эффектов от имплементации человеко-машинных интерфейсов в жизнь общества.

В рамках данного исследования были выделены 5 укрупненных групп рисков, обусловленных использованием технологий ИИ в хозяйственной деятельности предприятия:

- риск конфиденциальности и безопасности данных;
- риск статистической дискриминации;
- риск принятия некорректных управленческих решений;
- риск критического сбоя в производстве/ инфраструктурный риск/ риск уязвимости технологических систем;
- риск кадрового дисбаланса.

1) Риск конфиденциальности и безопасности данных

Благодаря накоплению и анализу массивов больших данных, технологии ИИ активно используются в различных отраслях экономики. Данные, собираемые и используемые ИИ, зачастую являются персональными, в т.ч. биометрическими. Угрозы при работе с такими данными во многом исходят из уязвимости баз данных и цифровых хранилищ информации, которые могут быть подвержены взломам, похищены посредством кибератак. Цифровым кражам подвергается также интеллектуальная собственность предприятий, которая фактически является их технологическим активом.

Обеспечение безопасности пользователя и его данных – одна из основных и первостепенных задач, требующих решения при внедрении и использовании технологий ИИ. В ноябре 2020 г. была запущена информационная база данных

инцидентов ИИ (АИД), состоящая из сообщений о сбоях ИИ, которые стали причиной причинения вреда [20]. Данная база инцидентов, фиксируя «провалы» ИИ, предоставляет разработчикам и пользователям возможность учесть потенциальные риски и проблемы до введения системы в эксплуатацию.

2) Риск статистической дискриминации

Качество данных определяется их структурой, размерностью, наличием случайных выбросов, недостающих данных и дисбалансом классов данных [21]. На качество данных также влияет достоверность источника. Одним из последствий некачественных данных является появление пристрастной системы, т.е. системы, которая может быть несправедлива к какой-либо исследуемой группе, способствовать статистической дискриминации.

Система ИИ, подверженная внутренним предубеждениям конкретного источника данных, подвержена и риску принятия решений, которые могут привести к несправедливым, некорректным результатам [22].

3) Риск принятия некорректных управленческих решений

Чем глубже цифровые решения интегрированы в хозяйственные процессы компании, пользующейся некачественными данными, тем выше риски принятия неверного управленческого решения, которое повлечет за собой множество негативных последствий для функционирования предприятия, его технологической и финансово-экономической устойчивости. Некачественные данные являются причиной некорректной работы системы, что снижает эффективность ее использования и вызывает недоверие потребителя.

4) Риск критического сбоя в производстве, инфраструктурный риск, риск уязвимости технологических систем

Некорректная работа системы ИИ может способствовать сбоям в функционировании связанной с ней инфраструктуры, в т.ч. критически важной для реализации и поддержания хозяйственной деятельности предприятия. К подобным сбоям может приводить множество факторов: ограниченность вычислительных мощностей, относительно низкая скорость интернет-соединения, сложность поддержания функционирования системы ИИ, ее обслуживания, дороговизна энергопотребления.

После сбоя в работе алгоритмов ИИ, повлекшего за собой смерть человека, Uber Technologies полностью остановил тестирование автопилотируемых машин в Питтсбурге, Сан-Франциско и Торонто [23]. Помимо внутренних технологических сбоев в хозяйственных процессах предприятия, инфраструктурный риск может быть спровоцирован и реализован извне посредством кибератак. Так, миллионные убытки стали результатом кибератаки на металлургическое предприятие в Германии: внедрение

вредоносной программы в программное обеспечение привело к перегреву и выходу оборудования из строя доменной печи компании – критическому сбою в производственном процессе [23].

5) Риск кадрового дисбаланса

Кадровая проблема обусловлена сложностью интеллектуальных систем, с одной стороны, и низким уровнем «цифровой» квалификации сотрудников предприятия, с другой. Привлечение квалифицированных специалистов со стороны для решения нетиповых технико-технологических задач часто может быть невозможно силами и средствами компании в данный момент времени.

В рамках исследования описанные выше риски были сгруппированы, а также представлены меры по их снижению (см. Таблицу 1).

Таблица 1 – Риски и меры по их снижению

Риск	Митигирование
	Правовые
Риск конфиденциальности и безопасности данных	<p><i>Превентивные меры:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - «обезличивание» данных - децентрализованное хранение баз данных <p><i>В случае наступления риска:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - выявление «провалов» интеллектуальных систем - развитие и усиление систем кибербезопасности
	Аналитические
Риск статистической дискриминации	<p><i>Превентивные меры:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - анализ возможных направлений дискриминации - выявление предвзятости во входных данных <p><i>В случае наступления риска:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - снижение предвзятости системы - повышение качества данных - поиск более достоверных источников данных - замена источников
	Управленческие
Риск принятия некорректных управленческих решений	<p><i>Превентивные меры:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - подготовка данных, поступающих в систему - совмещение ручных и автоматических методов обработки - критический анализ выводов и расчетных оценок системы <p><i>В случае наступления риска:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - пересмотр подходов к сбору и анализу данных - модернизация аналитических систем - корректировка корпоративных стратегий
	Технологические
Инфраструктурный риск	<p><i>Превентивные меры:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - подготовка существующего оборудования - модернизация материально-технической базы <p><i>В случае наступления риска:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - снижение уязвимости интеллектуальных систем - повышение устойчивости и мощности вычислительных систем
	Кадровые
Кадровый дисбаланс	<p><i>Превентивные меры:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - выявление кадровых потребностей - подготовка и обучение персонала <p><i>В случае наступления риска:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - дополнительный найм компетентных специалистов - переобучение и перепрофилирование работников

Источник: составлено автором

При оценке рисков и разработке стратегий по их нивелированию важно оценить величину наступления конкретного риска, которая может быть получена путем перемножения значения вероятности на оценку степени влияния риска (см. Таблицу 2).

Таблица 2 – Оценка величины риска

Вероятность	Величина риска = вероятность × влияние				
	0,9	0,045	0,09	0,15	0,36
0,7	0,035	0,07	0,14	0,28	0,56
0,5	0,025	0,05	0,1	0,2	0,4
0,3	0,015	0,03	0,06	0,12	0,24
0,1	0,005	0,01	0,02	0,04	0,08
	0,05	0,1	0,2	0,4	0,8
			Влияние		

Источник: составлено автором

Согласно экспертным оценкам, критическими рисками считаются те, для которых расчетное значение величины влияния больше 0,18, умеренными – в диапазоне от 0,04 до 0,18, незначительными – до 0,04.

Вероятность наступления, степень влияния и величина рисков зависит от различных внутренних и внешних факторов: размера предприятия, отрасли функционирования, качества оборудования и программных систем и проч. В рамках разработки и реализации стратегий риск-менеджмента каждый риск необходимо оценивать, как минимум, дважды: на начальном этапе и по результатам реализации мер по его предотвращению.

Выводы

Вариативность направлений использования ИИ обуславливает проблемы применения соответствующих программных продуктов и алгоритмов. Внедрение технологий на базе ИИ в хозяйственную деятельность предприятий и социальную жизнь общества сопровождается возникновением ряда юридических и технических проблем, связанных с конфиденциальностью данных, безопасностью и ответственностью пользователей, вопросами интеллектуальной собственности.

На базе проведенного исследования автором предложен набор двухэтапных факторов, которые в совокупности позволят митигировать риски на предприятии, внедряющем и использующем ИИ. Так, успешное внедрение ИИ в деятельность организаций зависит от ряда первичных взаимодополняющих факторов (см. Рисунок 2):

- «цифровой» опыт и квалификация сотрудников, взаимодействующих с технологиями на базе ИИ;
- достаточные материально-технические возможности организации в совокупности с предварительной подготовкой и/или обновлением инфраструктуры для внедрения ИИ;

- разработка стратегий, дорожных карт развития систем ИИ в рамках предприятия и его структурных подразделений (прозрачное и объективное экономическое и управленческое обоснование применения ИИ на предприятии, оценка эффектов от внедрения и дальнейшего использования ИИ);

- желание и мотивация руководства совершать последовательные шаги на пути цифровой трансформации предприятия.

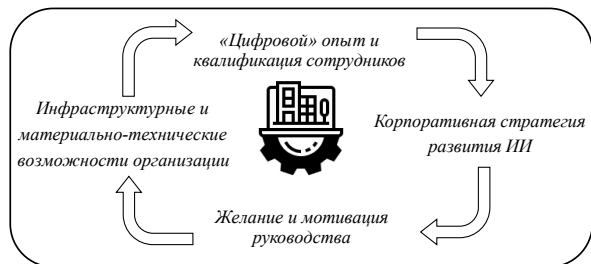

Рисунок 2 – Факторы успешного внедрения ИИ на предприятии

Источник: составлено автором

Данный набор факторов можно назвать первичным, поскольку он необходим для успешной реализации проектов по *внедрению* технологий ИИ на отдельном предприятии. Далее будет рассмотрен набор вторичных факторов, сформулированных в виде конкретных действий, выполнение которых способствует успешному *использованию* и обеспечению бесперебойного функционирования систем ИИ в ходе оптимизации хозяйственной деятельности предприятия (см. Рисунок 3).

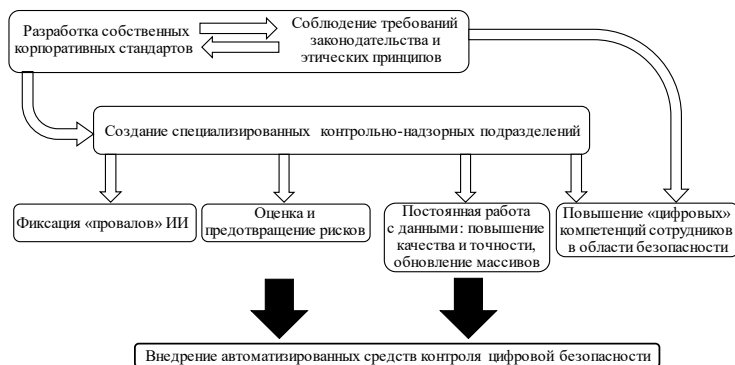

Рисунок 3 – Схема предпосылок для успешного использования ИИ на предприятии

Источник: составлено автором

Более подробно представленную совокупность вторичных факторов как набор последовательных и взаимодополняющих действий можно сформулировать следующим образом:

- разработка корпоративной нормативной и технической документации, устанавливающей принципы и требования к использованию систем ИИ в рамках данного предприятия, взаимодействию с подобными системами;

- соблюдение действующих требований законодательства в области ИИ, следование отраслевым и надотраслевым принципам кодексов этики ИИ при использовании систем ИИ и использовании результатов их функционирования;

- создание специализированных контрольно-надзорных подразделений внутри компаний, фиксирующих инциденты «провалов» ИИ и разрабатывающих оперативные стратегии реагирования на подобные провалы, способы их превентивного нивелирования, порядок действий персонала в случае выхода интеллектуальных систем из строя;

- обеспечение постоянной работы с массивами поступающих в интеллектуальные системы данных с целью их обновления, повышения качества и точности как самих данных, так и системы в целом;

- обучение сотрудников методам противодействия провалам ИИ, предотвращения масштабирования выявленной проблемы, контроль и повышение «цифровой» квалификации сотрудников;

- оценка рисков использования интеллектуальных систем, вероятности их наступления в текущих условиях инфраструктурных ограничений и кадровой подготовки специалистов предприятия;

- внедрение автоматизированных средств контроля безопасности при использовании ИИ.

Представленный набор факторов является общим для всех предприятий. Он может отличаться в зависимости от специфики производственной деятельности, особенностей технологических процессов.

Процесс цифровой трансформации современного предприятия подразумевает управление рисками на всех этапах его функционирования – от целеполагания до имплементации практических моделей риск-менеджмента [24], а также пересмотра самой корпоративной системы управления рисками. Помимо выработки общей корпоративной стратегии риск-менеджмента на уровне предприятия в целом, необходимо реализовывать стратегии на уровне конкретных проектов и подразделений, учитывая их специфику и уникальность [24].

Накопление опыта цифровой трансформации бизнеса будет способствовать теоретическому осмыслению значимости риск-менеджмента и

необходимости технической формализации процессов управления инновациями на уровне конкретного предприятия и его структурных подразделений.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Официальный сайт Администрации Президента [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения 08.03.2022).

2. Видеоаналитика (российский рынок) // Официальный сайт Tadviser [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> Статья:Видеоаналитика_(российский_рынок) (дата обращения 08.03.2022).

3. The rise of the AI-powered company in the postcrisis world // Официальный сайт Boston Consulting Group BCG [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bcg.com/publications/2020/business-applications-artificial-intelligence-post-covid> (дата обращения 22.02.2022).

4. The state of AI in 2020 // Официальный сайт McKinsey [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-analytics/our-insights/global-survey-the-state-of-ai-in-2020> (дата обращения 22.02.2022).

5. Итоги 2020: пандемия как драйвер искусственного интеллекта // Официальный сайт ICTMoscow [Электронный ресурс]. URL: <https://ict.moscow/news/itogi-2020-ai/> (дата обращения 22.02.2022).

6. Финансирование стартапов в области искусственного интеллекта (ИИ) // Официальный сайт Statista [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/943151/ai-funding-worldwide-by-quarter/> (дата обращения 22.02.2022).

7. **Лапаев Д.Н., Морозова Г.А.** Искусственный интеллект: за и против. Развитие и безопасность. 2020. № 3. С. 70–77.

8. **Першина И.С.** Направления использования расширенного интеллекта в борьбе с COVID-19: риски и возможности. XV всероссийская научно-практическая конференция / МЦНС «Наука и просвещение» // Результаты современных научных исследований и разработок. 2021. С. 127–130.

9. **Burton S., Habli I., Lawton T., McDermid J., Morgan F.** Mind the gaps: Assuring the safety of autonomous systems from an engineering, ethical, and legal perspective. Artificial Intelligence, Volume 279, 2020. p. 1–16.

10. **Вислова А.Д.** Современные тенденции развития искусственного интеллекта // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. № 2 (94). 2020. С. 14–28.

11. **Карцхия А.А.** Искусственный интеллект как средство управления в условиях глобальных рисков // Мониторинг правоприменения. № 1 (34). 2020. С. 45–50.

12. **Карцхия А.А., Макаренко Г.И., Сергин М.Ю.** Современные тренды киберугроз и трансформация понятия кибербезопасности в условиях

цифровизации системы права // Вопросы кибербезопасности. № 3 (31). 2019. С. 18–23.

13. How AI is spreading throughout the supply chain // Официальный сайт The Economist [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/special-report/2018/03/28/how-ai-is-spreading-throughout-the-supply-chain> (дата обращения 22.02.2022).

14. How AI trading technology is making stock market investors smarter // Официальный сайт Built In [Электронный ресурс]. URL: <https://builtin.com/artificial-intelligence/ai-trading-stock-market-tech> (дата обращения 22.02.2022).

15. Explainable artificial intelligence model to predict acute critical illness from electronic health records // Официальный сайт Nature [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nature.com/articles/s41467-020-17431-x> (дата обращения 22.02.2022).

16. Робот-помощник для автономного управления комбайном // Официальный сайт AI Russia [Электронный ресурс]. URL: <https://ai-russia.ru/library/cognitive-agro-pilot> (дата обращения 22.02.2022).

17. Vuforia Expert Capture: Scale Expert Knowledge to Your Frontline Workers // Официальный сайт PTC [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ptc.com/en/products/vuforia/vuforia-expert-capture> (дата обращения 22.02.2022).

18. Контроль погрузки железной руды // Официальный сайт AI Russia [Электронный ресурс]. URL: <https://ai-russia.ru/library/nlmc-redmadrobot> (дата обращения 22.02.2022).

19. Умный дом Xiaomi Smart Home // Официальный сайт Xiaomi [Электронный ресурс]. URL: <https://xiaomi-smarhome.ru/> (дата обращения 07.03.2022).

20. Artificial Intelligence Incident Database // Официальный сайт AI Incident Database [Электронный ресурс]. URL: <https://incidentdatabase.ai/?lang=en> (дата обращения 22.02.2022).

21. Transforming Paradigms. A Global AI in Financial Services Survey // Официальный сайт EY [Электронный ресурс]. URL: https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/en_gl/topics/innovation/ey-why-a-i-will-redefine-the-financial-services-industry-in-two-years.pdf (дата обращения 22.02.2022).

22. PwC's Responsible AI // Официальный сайт PwC [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pwc.com/us/en/services/consulting/analytics/artificial-intelligence/what-is-responsible-ai.html> (дата обращения 22.02.2022).

23. Восстание машин. Какие риски искусственный интеллект создает для экономики // Официальный сайт Forbes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/363499-vosstanie-mashin-kakie-riski-iskusstvennyu-intellekt-sozdaet-dlya> (дата обращения 22.02.2022).

24. **Пашенко Д.С., Комаров Н.М.** Риск-менеджмент – ключевой элемент в цифровой трансформации промышленного предприятия // Мир новой экономики. 2021. 15 (1). С. 14–27.

25. **Sigova M.V.** Big data in digital-banks / Klioutchnikov, I.K., Sigova, M.V., Klioutchnikova, A.I. // Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2019: Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020, 2019, стр. 9594–9601.

26. **Sigova M.V.** Adaptive analysis of merchant big data / Surnin, O., Sigova, M., Sitnikov, P., Ivaschenko, A., Stolbova, A. // Communications in Computer and Information Sciencethis, 2019, 1083, стр. 105–117.

27. **Sigova M.V.** The impact of the digitisation of the financial industry on the modelling and pricing of financial assets / Sigova, M., Klyuchnikov, I., Vasilev, S., Zatevakhina, A. // International Journal of Risk Assessment and Managementthis, 2020, 23(1), стр. 14–26.

28. **Iakovlev A.I., Kruglova I.A.** How the foundations of the crypto-economy methodology were formed / Alexander I. Iakovlev, Inna A. Kruglova // 2021 International Conference Engineering Technologies and Computer Science (EnT) EnT 2021 - 2021. - P. 77-82.

References

1. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 10.10.2019 № 490 «O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii» // Oficial'nyj sajt Administracii Prezidenta [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (data obrashcheniya 08.03.2022).

2. Videoanalitika (rossijskij rynek) // Oficial'nyj sajt Tadviser [Elektronnyj resurs]. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Stat'ya:Videoanalitika_\(rossijskij_rynek\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Stat'ya:Videoanalitika_(rossijskij_rynek)) (data obrashcheniya 08.03.2022).

3. The rise of the AI-powered company in the postcrisis world // Oficial'nyj sajt Boston Consulting Group BCG [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.bcg.com/publications/2020/business-applications-artificial-intelligence-post-covid> (data obrashcheniya 22.02.2022).

4. The state of AI in 2020 // Oficial'nyj sajt McKinsey [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-analytics/our-insights/global-survey-the-state-of-ai-in-2020> (data obrashcheniya 22.02.2022).

5. Itogi 2020: pandemiya kak drajver iskusstvennogo intellekta // Oficial'nyj sajt ICTMoscow [Elektronnyj resurs]. URL: <https://ict.moscow/news/itogi-2020-ai/> (data obrashcheniya 22.02.2022).

6. Finansirovanie startapov v oblasti iskusstvennogo intellekta (II) // Oficial'nyj sajt Statista [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.statista.com/statistics/943151/ai-funding-worldwide-by-quarter/> (data obrashcheniya 22.02.2022).

7. **Lapaev D.N., Morozova G.A.** Iskusstvennyj intellekt: za i protiv // Razvitie i bezopasnost'. 2020. № 3. S. 70–77.

8. **Pershina I.S.** Napravleniya ispol'zovaniya rasshirennogo intellekta v bor'be s COVID-19: riski i vozmozhnosti. XV vserossijskaya nauchno-

prakticheskaya konferenciya / MCNS «Nauka i prosveshchenie» // Rezul'taty sovremennyh nauchnyh issledovaniy i razrabotok. 2021. S. 127–130.

9. **Burton S., Habli I., Lawton T., McDermid J., Morgan F.** Mind the gaps: Assuring the safety of autonomous systems from an engineering, ethical, and legal perspective // Artificial Intelligence. Volume 279. 2020. p. 1–16.

10. **Vislova A.D.** Sovremennye tendencii razvitiya iskusstvennogo intellekta. Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. № 2 (94). 2020. S. 1–28.

11. **Karckhiya A.A.** Iskusstvennyj intellekt kak sredstvo upravleniya v usloviyah global'nyh riskov // Monitoring pravoprimereniya. №1 (34). 2020. S. 45–50.

12. **Karckhiya A.A., Makarenko G.I., Sergin M.YU.** Sovremennye trendy kiberugroz i transformaciya ponyatiya kiberbezopasnosti v usloviyah cifrovizacii sistemy prava // Voprosy kiberbezopasnosti. № 3 (31). 2019. S. 18–23.

13. How AI is spreading throughout the supply chain // Oficial'nyj sajt The Economist [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.economist.com/special-report/2018/03/28/how-ai-is-spreading-throughout-the-supply-chain> (data obrashcheniya 22.02.2022).

14. How AI trading technology is making stock market investors smarter // Oficial'nyj sajt Built In [Elektronnyj resurs]. URL: <https://builtin.com/artificial-intelligence/ai-trading-stock-market-tech> (data obrashcheniya 22.02.2022).

15. Explainable artificial intelligence model to predict acute critical illness from electronic health records // Oficial'nyj sajt Nature [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.nature.com/articles/s41467-020-17431-x> (data obrashcheniya 22.02.2022).

16. Robot-pomoshchnik dlya avtonomnogo upravleniya kombajnom // Oficial'nyj sajt AI Russia [Elektronnyj resurs]. URL: <https://ai-russia.ru/library/cognitive-agro-pilot> (data obrashcheniya 22.02.2022).

17. Vuforia Expert Capture: Scale Expert Knowledge to Your Frontline Workers // Oficial'nyj sajt PTC [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.ptc.com/en/products/vuforia/vuforia-expert-capture> (data obrashcheniya 22.02.2022).

18. Kontrol' pogruzki zheleznoj rudy // Oficial'nyj sajt AI Russia [Elektronnyj resurs]. URL: <https://ai-russia.ru/library/nlmc-redmadrobot> (data obrashcheniya 22.02.2022).

19. Umnyj dom Xiaomi Smart Home // Oficial'nyj sajt Xiaomi [Elektronnyj resurs]. URL: <https://xiaomi-smarthome.ru/> (data obrashcheniya 07.03.2022).

20. Artificial Intelligence Incident Database // Oficial'nyj sajt AI Incident Database [Elektronnyj resurs]. URL: <https://incidentdatabase.ai/?lang=en> (data obrashcheniya 22.02.2022).

21. Transforming Paradigms. A Global AI in Financial Services Survey // Oficial'nyj sajt EY [Elektronnyj resurs]. URL: https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/en_gl/topics/innovation/ey-

why-a-i-will-redefine-the-financial-services-industry-in-two-years.pdf (data obrashcheniya 22.02.2022).

22. PwC's Responsible AI // Oficial'nyj sajt PwC [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.pwc.com/us/en/services/consulting/analytics/artificial-intelligence/what-is-responsible-ai.html> (data obrashcheniya 22.02.2022).

23. Vosstanie mashin. Kakie riski iskusstvennyj intellekt sozdaet dlya ekonomiki // Oficial'nyj sajt Forbes [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/363499-vosstanie-mashin-kakie-riski-iskusstvenny-intellekt-sozdaet-dlya> (data obrashcheniya 22.02.2022).

24. **Pashchenko D.S., Komarov N.M.** Risk-menedzhment – klyuchevoj element v cifrovoj transformacii promyshlennogo predpriyatiya // Mir novoj ekonomiki. 2021. 15 (1). S. 14–27.

25. **Sigova M.V.** Big data in digital-banks / Klioutchnikov, I.K., Sigova, M.V., Klioutchnikova, A.I. // Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2019: Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020, 2019, стр. 9594–9601.

26. **Sigova M.V.** Adaptive analysis of merchant big data / Surnin, O., Sigova, M., Sitnikov, P., Ivaschenko, A., Stolbova, A. // Communications in Computer and Information Sciencethis, 2019, 1083, стр. 105–117.

27. **Sigova M.V.** The impact of the digitisation of the financial industry on the modelling and pricing of financial assets / Sigova, M., Klyuchnikov, I., Vasilev, S., Zatevakhina, A. // International Journal of Risk Assessment and Managementthis, 2020, 23(1), стр. 14–26.

28. **Iakovlev A.I., Kruglova I.A.** How the foundations of the crypto-economy methodology were formed / Alexander I. Iakovlev, Inna A. Kruglova // 2021 International Conference Engineering Technologies and Computer Science (EnT) EnT 2021 - 2021. - P. 77-82.

МОДЕЛЬ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ НА ОСНОВЕ ИХ ФУНКЦИЙ В ДЕЛОВОМ ЦИКЛЕ КОМПАНИИ

Оксана Евгеньевна ПИРОГОВА¹, д.э.н., доцент
Светлана Викторовна ПАВЛОВА², научный стажер

¹Профессор Высшей школы сервиса и торговли Института промышленного менеджмента,
экономики и торговли Санкт-Петербургского политехнического университета
Петра Великого

Адрес для корреспонденции: О.Е. Пирогова, 195251, г. Санкт-Петербург, Политехническая
ул., 29

Т.: 8 (964) 334-01-67. E-mail: kafedra17@rambler.ru

²Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Международный банковский институт имени Анатолия Собчака»
Санкт-Петербург, Россия.

Т.: +7 (921) 744-95-66. E-mail: pav_cveta@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются аспекты становления и развития представлений о процессе коммерциализации товарных знаков. Показано, что на современном этапе развития коммерциализация товарных знаков представляет собой управляемый процесс, увязанный с развитием бренда, что позволяет максимизировать, с одной стороны, ценность бренда, а с другой стороны, повысить стоимость товарного знака. Цель статьи – разработка модели коммерциализации товарного знака, которая учитывает, с одной стороны, основные аспекты трансформации товарного знака при вовлечении его в хозяйственный оборот, а с другой стороны, объясняет траекторию его коммерциализации исходя из принципа наиболее эффективного использования. Рассмотрены этапы коммерциализации и представлена модель процесса коммерциализации товарного знака, которая включает три основных стадии – начальную, основную и конечную, причем основная стадия является циклической и может повторяться несколько раз. Представлена краткая характеристика и содержание каждой из стадий коммерциализации. Показано, что на каждой из стадий компания испытывает потребность в оценке товарных знаков, что необходимо для контроля процесса повышения ценности бренда и увеличения стоимости товарного знака, а следовательно, и компании.

Ключевые слова

Модель коммерциализации товарных знаков, ценность бренда, стоимость товарного знака.

MODEL OF TRADEMARKS COMMERCIALIZATION BASED ON THEIR FUNCTIONS IN THE BUSINESS CYCLE OF THE COMPANY

Oksana E. PIROGOVA¹, Doctor of Economics, Associate Professor

Svetlana V. PAVLOVA², scientific intern

¹Professor, Higher school of service and Commerce of the Institute of industrial management, economy and trade of St.-Petersburg Polytechnic University Peter the Great

Address for correspondence: O. E. Pirogova, 195251, St. Petersburg, Polytechnic str. 29.

Tel.: 8 (964) 334-01-67. E-mail: kafedra17@rambler.ru

²Autonomous non-profit organization of higher education «International banking Institute named after Anatoliy Sobchak» St. Petersburg, Russia.

T.: +7(921)744-95-66. E-mail: pav_cveta@mail.ru

Abstract

The article discusses aspects of the formation and development of ideas about the process of commercialization of trademarks. It is shown that at the present stage of development, the process of commercialization of trademarks is a controlled process linked to the process of brand development, which makes it possible to maximize the value of the brand on the one hand, and on the other hand to increase the value of the trademark. The purpose of the article is to develop a trademark commercialization model that considers, on the one hand, the main aspects of trademark transformation when involving it in economic turnover, and on the other hand explains the trajectory of its commercialization based on the principle of the most effective use. The stages of commercialization are considered, and a model of the trademark commercialization process is presented, which includes three main stages, initial, main and final, and the main stage is cyclical and can be repeated several times. A brief description and content of each of the stages of commercialization is presented. It is shown that at each stage the company feels the need to evaluate trademarks, which is necessary to increase the value of the brand and increase the value of the trademark, and therefore the company.

Keywords

Trademark commercialization model, brand value, trademark value.

Введение

Товарные знаки (ТЗ), как элементы интеллектуальной собственности, играют значимую роль в процессе стратегического управления компанией в силу неразрывной связи с такими понятиями, как торговая марка и бренд [1]. Модель коммерциализации товарных знаков в настоящее время является частью более общей модели управления развитием компании, в основе которой является максимизация стоимости компании на отрезке планирования и управления [2; 3].

Вместе с тем, с точки зрения современных экономических воззрений, процесс коммерциализации товарных знаков должен быть согласован со стратегией брендинга компании, т.е. решения и мероприятия в рамках процесса коммерциализации должны быть согласованы и увязаны с этапами и мероприятиями стратегии брендинга. В этом плане процесс коммерциализации товарного знака в существенной степени будет отличаться от процессов коммерциализации других видов интеллектуальной собственности [4].

Цель исследования

Сформировать подход к моделированию коммерциализации товарных знаков на основе учета их роли и функций в деловом цикле компании.

Теоретический бэкграунд

Изначально процесс коммерциализации ТЗ представлял собой комплекс юридических операций, связанных с регистрацией ТЗ и авторских прав, защитой коммерческой тайны, выявлением нарушений, судебных разбирательств и, в ограниченных случаях, ведением переговоров по лицензионным соглашениям [5]. Однако уже с конца 1980-х годов взгляд на роль и место товарных знаков в стратегии компаний значительно поменялся.

С этого периода руководство компаний стало рассматривать ТЗ не только как юридическое право, но и как возможность для бизнеса, управление ТЗ постепенно перешло от заботы юридического отдела к тому, чтобы стать частью функции отдела маркетинга, который использовал ТЗ в задачах дифференциации продукции компании на рынке [6]. Тем самым ТЗ превратились в актив компании, который позволял решать ряд задач маркетинга [7]:

- решает задачу дифференциации на рынке, позволяя отличить свою продукцию от аналогичной продукции конкурентов;
- свидетельствует о качестве продукции, продвигаемой компанией на рынок, и вызывает к ней доверие;
- создает достойную репутацию правообладателю;
- является основой при проведении различных рекламных мероприятий.

Еще большую актуальность процессы коммерциализации приобрели, когда ТЗ стали использовать для выхода на новые рынки и повышения эффективности бизнеса [8]. Суть бизнес-подхода к коммерциализации ТЗ заключается в признании ТЗ в качестве актива бизнеса.

После признания в качестве такового ТЗ можно использовать для создания более серьезных барьеров для конкуренции, установления стандартов на некоторых рынках, выхода на новые рынки, а также получения новых эффектов, таких как формирование приверженности бренду, одним из элементов выражения и представления которого становился ТЗ.

Наиболее широко модели коммерциализации ТЗ развивались в индустрии потребительских товаров, где основная цель – управление товарными знаками через обещание бренда, ценностные предложения, организационный характер и маркетинговые кампании. Это делало модель бизнес-ориентированной. Таким образом, уже к середине 1980-х годов большинство крупных компаний внедрили программы коммерциализации ТЗ, согласованных с брендинг- и бизнес-стратегиями и вкладывающих значительные средства в создание и развитие товарных знаков [9].

Результаты и обсуждение

В целом модели коммерциализации ТЗ представляют собой сложный ландшафт практик, которые развивались, когда компании реагировали на давление и потребности бизнеса, а не на основе хорошо продуманной методологии с глубоким анализом и стратегией.

Стратегии в области ТЗ начали появляться как часть общей бизнес-стратегии, где она используется как для конкурентного позиционирования, так и для получения дохода. Появление лицензионных подразделений и отделов по продаже франшиз – все это свидетельствует о стремлении воспринимать ТЗ и управлять им как бизнес-активом. Таким образом, модель управления ТЗ высвободила интеллектуальную собственность из правления юридического отдела в мир стратегического управления бизнесом.

В результате наиболее успешные организации признали ТЗ важным бизнес-активом, источником восстановительной стоимости, который при правильном управлении может стать основным источником роста бизнеса в любой отрасли. Интеграция процесса коммерциализации ТЗ в стратегическое управление компанией через стратегию брендинга позволяет в итоге максимизировать ценность на этапе разработки и реализации модели коммерциализации ТЗ [10].

В то время как конкурентные стратегии рассматривают ТЗ как конкурентное оружие, стратегии коммерциализации рассматривают ТЗ как

бизнес-актив и, следовательно, стремятся инвестировать в них, чтобы использовать его для получения дохода. Стратегии в области ТЗ, будь то конкурентные или стратегии коммерциализации, означают разные вещи для разных организаций, в зависимости от основной формы ИС и соответствующей отрасли [11].

Стратегии коммерциализации ТЗ являются либо пассивными, либо реагирующими, либо проактивными и указывают на уровень активности, который организация будет проявлять в процессах поиска и использования возможностей для коммерциализации ТЗ за пределами их применения для поддержки продуктов и процессов. Различные стратегии могут использоваться одной и той же компанией для разных классов ТЗ в пуле ТЗ, как указано в таблице 1.

В общем случае в зависимости от направлений можно выделить следующие стратегии коммерциализации ТЗ:

- внедрение ТЗ в деятельность компании с целью повышения капитализации;
- заключение лицензионного договора на использование ТЗ, включение ТЗ в коммерческий оборот;
- отчуждение исключительных прав на товарный знак.

В каждой из этих стратегий ТЗ выполняет ряд функций в деловом цикле компании.

Однако, прежде чем определять направления коммерциализации, необходимо пройти этапы создания, регистрации и идентификации товарного знака. Таким образом, в предлагаемой модели должны быть учтены следующие важные аспекты:

- первоначальная стадия, связанная с созданием, регистрацией и постановкой на учет ТЗ;
- основная стадия, в общем случае циклическая, которая предполагает реализацию стандартного механизма управления активом, от анализа его использования, непосредственно использования и далее, контроля и оценки результатов использования актива в экономическом цикле компании;
- третья стадия (конечная), которая предполагает фиксацию и капитализацию стоимости ТЗ, либо мероприятия, направленные на исключение негативного влияния ТЗ на денежные потоки и стоимость компании, как представлено на рис. 1.

Таблица 1 – Использование стратегий коммерциализации ТЗ

Стратегии коммерциализации/Формы ИС	Товарные знаки
Пассивные (вообще не выдвигают предложений)	Раннее развитие бренда. Необходимо строго контролировать ассоциации, посыл и все действия, связанные с брендом, чтобы создать идентичность бренда
Реактивные (выдвигают предложения партнерам на основе анализа изменений рынка)	Растущий бренд-капитал – с лицензиями для партнеров, чтобы построить собственный бренд-капитал и реализовать стремление к экономии масштаба
Проактивные (выдвигают предложения всем заинтересованным лицам на основе предвидения тенденций изменения рынка)	Реализация сильного бренд-капитала через несвязанные категории продуктов (мерчандайзинг) и расширение географического охвата (франчайзинг)

Разработано С.В. Павловой

Первая стадия модели коммерциализации включает в себя три основных ступени: первая ступень в основании пирамиды создания обусловлена наличием правовых и экономических институтов, формирующих среду и потенциальную возможность эффективного использования ТЗ в хозяйственном обороте.

Вторая ступень модели предполагает непосредственно разработку ТЗ и его регистрацию. Уже на данном этапе происходит первичное формирование стоимости ТЗ, определяемое, с одной стороны, затратами компании на его разработку, а с другой стороны – снижением величины потенциального ущерба вследствие недобросовестной конкуренции. Очень часто данный этап носит интуитивно спонтанный характер, однако, если создание ТЗ происходит в рамках реализации стратегии брендинга (товара или компании), его создание носит строго целенаправленный характер и позволяет обеспечить рациональное использование ресурсов на его дальнейшее развитие.

Рис. 1 – Модель коммерциализации товарного знака
 Разработано С.В. Павловой

Третья ступень предполагает постановку ТЗ на баланс компании. С одной стороны, данная процедура выглядит достаточно формально, однако, помимо изменения статуса ТЗ, после постановки на учет он включается в разряд нематериальных активов компании. Кроме того, это сигнализирует об осознании руководством и менеджментом компании необходимости использования такого рода активов в контуре функционирования и развития компании.

Итак, на выходе из первой стадии модели коммерциализации компания имеет находящийся на балансе зарегистрированный товарный знак. После этого возникает возможность перейти непосредственно к процессу коммерциализации, который, по мнению многих исследователей, представляет собой циклический процесс, включающий следующие этапы.

Этап идентификации (оценка и уточнение возможных направлений коммерциализации ТЗ), а также планирование конкретных мероприятий задействования товарного знака в хозяйственном процессе. Если создание ТЗ производилось в рамках программы брендинга, то зачастую такой этап не

требуется, однако на процедуры регистрации и постановки на бухгалтерский баланс требуется определенное время, возможные незначительные корректировки.

В то же время если создание, регистрация и постановка на учет ТЗ представляет собой реакцию компании на ужесточившиеся условия конкурентной борьбы, то такой этап крайне необходим, так как позволяет руководству компании шире взглянуть на возможности использования ТЗ, а также необходимость дополнительных вложений в него с целью повышения стоимости компании.

Разумеется, такие действия требуют наличия в компании четко функционирующего механизма принятия решений относительно развития элементов интеллектуальной стоимости, формирующих нематериальные активы предприятия. Критерием в принятии решения, безусловно, должен стать будущий экономический эффект.

Следующий этап коммерциализации – непосредственное вовлечение ТЗ в коммерческий оборот, в результате которого должен формироваться дополнительный денежный поток, связанный с его использованием.

Окончанием этапа вовлечения в хозяйственный оборот должен быть этап оценки результатов, который включает в том числе и оценку стоимости ТЗ. Этот этап необходим по следующим причинам:

во-первых, он позволяет оценить рациональность инвестиций в развитие торговой марки (бренда) и ТЗ как ее элемента;

во-вторых, позволяет оценить дальнейшую возможность получения устойчивых денежных потоков в связи с использованием ТЗ;

в-третьих, провести переоценку стоимости нематериальных активов (НМА) и, в частности, ТЗ, учитывая денежные потоки от амортизации, а также капиталовложений в развитие НМА.

Далее, в зависимости от результатов оценки следует новый цикл использования ТЗ в хозяйственной деятельности. Возможно расширение направлений его использования, например, вовлечение ТЗ в систему франчайзинга, передача с помощью товарного знака части прав на товар или услугу по договору коммерческой концессии.

Возможен запуск новых товаров, маркируемых уже известным товарным знаком, что зачастую значительно облегчает процесс выхода на рынок и помогает в конкурентной борьбе за покупателя. Такой цикл может повторяться несколько раз, товарный знак может трансформироваться и менять свое изображение.

Однако рано или поздно происходит старение бренда, а вместе с ним наступает и старение ТЗ. Это проявляется в том, что компания теряет контроль над изменениями, происходящими на рынке и в обществе; ценности бренда перестают быть актуальными, при этом сам бренд морально устаревает, однако продукт все еще сохраняет качество и способность удовлетворять потребности покупателей.

Если компания не обладает необходимыми ресурсами для ребрендинга или дальнейшего расширения рынков сбыта и развития продукта, защищаемого ТЗ, может быть принято решение об отчуждении исключительных прав на товарный знак, например, путем продажи исключительных прав.

Может возникнуть ситуация, когда дальнейшее использование ТЗ компанией может привести к снижению возможных денежных потоков, что обусловлено возникновением отрицательной репутации относительно торговой марки или бренда, ассоциируемых с данным ТЗ. В этом случае также возможно использование ребрендинга с регистрацией нового ТЗ либо отказ от использования ТЗ и подача заявки на прекращение его охраны.

Это достаточно редкие случаи, однако они возможны в силу того, что как и любая другая коммерческая деятельность, использование товарных знаков сопряжено с рядом рисков, в том числе риском потери деловой репутации.

Заключение

Предложенная модель коммерциализации товарного знака учитывает все основные стадии, связанные с правовыми и экономическими аспектами использования ТЗ в хозяйственном и коммерческом обороте компании. На основе функций, выполняемых ТЗ в деловом цикле компании, сформулированы и последовательно представлены основные этапы процесса коммерциализации товарных знаков. При этом следует отметить, что использование представленной модели позволяет реализовать вариант наиболее эффективного использования товарного знака в компании с учетом ее отраслевой специфики, имеющихся компетенций и финансовых ресурсов.

Список литературы

1. **Сафаргалиев Э.Р.** Составляющие товарного бренда // Региональная экономика: теория и практика. № 31. 2012. С. 54–60.
2. **Мойсейчик Г.** Банковское кредитование под залог прав интеллектуальной собственности // Наука и инновации. Т. 6. № 124. 2013. С. 53–58.
3. **Пирогова О.Е., Плотников В.А.** Прогнозирование развития предприятия на основе динамической модели роста стоимости // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. № 2 (104). 2017. С. 101–107.

4. **Кудашов В.И., Рябokonь А.И.** Использование товарных знаков и брендов для продвижения на рынок новых разработок, товаров и услуг // Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление. № 1 (208). 2018. С. 18–22.
5. **Савельев А.В.** Коммерциализация НМА: регулирование, учет, оценка // Имущественные отношения в Российской Федерации. № 5 (188). 2017. С. 61–73.
6. **Котенева О.Е., Николаев А.С.** Методы управления интеллектуальной собственностью. СПб.: Университет ИТМО, 2020. 108 с.
7. **Лукичева Л.И., Курбат В.Ю.** Организационно-экономическое обеспечение процесса коммерциализации интеллектуальных активов // Вестник Иркутского государственного технического университета. № 2 (42). 2010. С. 71–75.
8. **Ильина С.А.** Особенности стратегий коммерциализации интеллектуальной собственности малыми и средними предприятиями // Стратегии бизнеса. № 1 (1). 2013. С. 16–21.
9. **Бурмистров А.Н., Павлова С.В.** Возможные подходы к оценке товарных знаков при коммерциализации продуктовых инноваций // Вопросы экономики и права. № 120. 2018. С. 127–132.
10. **Павлова С.В., Аюпов А.А.** Охрана объектов интеллектуальной собственности в системе экономической безопасности // Инновационное развитие экономики. № 5 (53). ч. 2. 2019. С. 46–49.
11. **Мазур Н.З.** Современный взгляд на проблемы, связанные с оценкой и коммерциализацией результатов интеллектуальной деятельности // Инновации и инвестиции. № 6. 2018. С. 23–27.

References

1. **Safargaliev E.R.** Components of a product brand // Regional Economics: Theory and Practice. no. 31. 2012. Pp. 54–60.
2. **Moiseichik G.** Bank lending secured by intellectual property rights // Science and Innovations. V.6. No. 124. 2013. Pp. 53–58.
3. **Pirogova O.E., Plotnikov V.A.** Forecasting the development of an enterprise based on a dynamic model of value growth // Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics. No. 2 (104). 2017. Pp. 101–107.
4. **Kudashov V.I., Ryabokon A.I.** Use of trademarks and brands for the promotion on the market of new developments, goods and services // Proceedings of BSTU. Series 5: Economics and Management. No. 1 (208). 2018. Pp. 18–22.
5. **Saveliev A.V.** Commercialization of intangible assets: regulation, accounting, valuation // Property relations in the Russian Federation. No. 5 (188). 2017. Pp. 61–73.
6. **Koteneva O.E., Nikolaev A.S.** Methods of intellectual property management.: teaching aid. St. Petersburg: ITMO University. 2020. 108 p.
7. **Lukicheva L.I., Kurbat V.Yu.** Organizational and economic support of the process of intellectual assets commercialization. Bulletin of the Irkutsk State Technical University. No. 2 (42). 2010. Pp. 71–75.

8. **Ilina S.A.** Specific features of the intellectual property commercialization strategies of small and medium-sized enterprises // Business strategies. No. 1 (1). 2013. Pp. 16–21.

9. **Burmistrov A.N., Pavlova S.V.** Possible approaches to the evaluation of trademarks in the commercialization of product innovations / S.V. Pavlova, // Issues of Economics and Law. –2018. – No. 120. – S. 127–132.

10. **Pavlova S.V., Ayupov A.A.** Protection of intellectual property objects in the system of economic security // Innovative development of the economy. – 2019. – No. 5 (53), part 2. – P. 46–49.

11. **Mazur N.Z.** A modern look at the problems associated with the evaluation and commercialization of the results of intellectual activity // Innovations and investments. No. 6. 2018. Pp. 23–27.

СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ НЕФТЕГАЗОВЫХ КОМПАНИЙ К УСЛОВИЯМ НОВОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА С УЧЕТОМ НЕОБХОДИМОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Тимур Муратович СУПАТАЕВ¹, научный стажер

¹Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Международный банковский институт имени Анатолия Собчака»,
Санкт-Петербург, Россия

Адрес для корреспонденции: 191023, Невский пр., 60. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: midler2005@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема адаптации нефтегазовых компаний к условиям нового технологического уклада. Цель исследования – классификация стратегий адаптации. Методологической основой для разработки классификации является представление о нефтегазовых компаниях как о многоуровневых предпринимательских структурах. Показано, что каждому уровню деятельности нефтегазовых компаний соответствует своя стратегия адаптации. В зависимости от способа трансформации деятельности компании описаны стратегии ресурсной, топливной, производственной и рыночной адаптации. Показаны сущность и особенности каждого типа трансформации, а также их влияние на деятельность компании. Описанные стратегии не являются взаимоисключающими и могут дополнять друг друга (компании могут формировать оптимальный набор стратегий исходя из своих целей). Помимо стратегии трансформации, компания может выбрать консервативную стратегию и продолжить использовать свою существующую бизнес-модель. В этом случае компания должна будет переориентироваться на те рынки, на которых переход к новой энергетике еще не произошел.

Ключевые слова

Новый технологический уклад, нефтегазовый сектор, нефтегазовая компания, экономическая безопасность, стратегия адаптации.

STRATEGIES OF ADAPTATION OF OIL AND GAS COMPANIES TO THE NEW TECHNOLOGICAL PARADIGM IN ORDER TO ENSURE ECONOMIC SECURITY

Timur Muratovich SUPATAEV¹, scientific intern¹

¹Autonomous nonprofit organization of higher education

«International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak », Saint-Petersburg, Russia

Address for correspondence: 191023, Russia, St. Petersburg, Nevsky av., 60

E-mail: midler2005@yandex.ru

Abstract

The present paper analyzes the problem of adaptation of oil and gas companies to the new technological paradigm. The goal of the research is to propose a classification of strategies of adaptation. The methodological basis of this classification is the concept of oil and gas companies as multi-level entrepreneurial structures. It is demonstrated that each level of oil and gas companies' activity corresponds to a specific strategy of adaptation. Depending on the model of transformation of company the strategy of adaptation can be resource-based, fuel-based, production-based and market-based. Nature, specific features and impact of each type of transformation are described. These strategies are not mutually exclusive and can complement each other (companies can form an optimal set of strategies depending on their goals). In addition to transformation strategies, companies can choose a conservative strategy and continue to use its existing business model. In this case the company should move to markets where the transition to the new energy paradigm did not take place.

Keywords

New technological paradigm, oil and gas sector, oil and gas company, economic security, strategy of adaptation.

Введение

Одной из отличительных черт происходящего перехода к новому технологическому укладу (который часто описывается как цифровой, однако его сущность не ограничивается широким применением цифровых технологий [1; 2; 3; 4]) является энергетическая трансформация мировой экономики, которая представляет собой минимизацию использования ископаемого углеводородного (нефть и газ) и углеродного (уголь) топлива [5; 6]. Это создает угрозы для экономической безопасности нефтегазовых компаний, которым необходимо разрабатывать стратегии адаптации к условиям нового технологического (энергетического) уклада.

В имеющейся литературе указанные выше угрозы описаны достаточно подробно, однако, хотя отечественные и зарубежные специалисты формулируют рекомендации по адаптации нефтегазовых компаний к ним, пока не было предложено комплексного обзора таких стратегий [5; 6; 7; 8]. В данной статье мы представим такой обзор.

Цель исследования

Предложить комплексный научно-методический подход к систематизации стратегий адаптации компаний нефтегазовой отрасли к условиям нового технологического (энергетического) уклада.

Теоретический бэкграунд

Под экономической безопасностью предприятия понимается его способность устойчиво достигать своих целей, ключевой из которых является максимизация ценности для собственников [9; 10]. Достижение этой цели в свою очередь зависит от способности фирмы устойчиво генерировать доход от продаж. Таким образом, стратегии адаптации нефтегазовых компаний к новому технологическому укладу представляют собой способы обеспечения устойчивого дохода в ситуации падения спроса на ключевой продукт этих компаний – традиционные энергоносители (углеводороды). Это означает, что нефтегазовые компании (НГК) должны трансформировать свою деятельность и предложить рынку новые продукты, соответствующие потребностям экономики и законодательным требованиям в условиях нового технологического уклада. По этой причине большое значение имеет определение того, каким образом компании могут предложить новые продукты.

Для оценки стратегий адаптации НГК необходимо принимать во внимание то, что компании нефтегазовой отрасли представляют собой многоуровневые предпринимательские структуры:

1. Нефтегазовые компании ведут свою деятельность в сфере природопользования, занимаясь добычей природных ресурсов. Этот уровень мы предлагаем называть ресурсным;

2. Нефть и газ являются сырьем для производства топлива. Таким образом, НГК являются поставщиками топлива на мировой рынок. Этот аспект их деятельности может быть описан как топливный;

3. Нефть и газ могут использоваться в качестве сырья для нефте- и газохимических производств (иными словами, они могут быть не только энергоносителями). Этот уровень мы предлагаем называть производственным;

4. Нефтегазовые компании относятся к энергетическому сектору экономики (т. е. их конечным продуктом является энергия). Этот уровень мы можем описать как рыночный.

Адаптация НГК к условиям нового технологического уклада может происходить на любом из этих уровней. Таким образом, методологической основой для систематизации стратегий адаптации НГК является определение того, какому из описанных выше уровней деятельности компании отвечает та или иная стратегия.

Необходимо уточнить, что угрозы экономической безопасности НГК в современных условиях не сводятся к переходу к новому технологическому укладу. Рост геополитических противоречий и санкционное давление, зависимость от внешних поставок высокотехнологичных ресурсов, необходимых для эффективного функционирования национальных НГК, смещение добычи в регионы с неблагоприятными географическими, геологическими и климатическими условиями ведут к росту издержек поставщиков нефти и газа и снижают их устойчивость (как напрямую – из-за снижения прибыли, так и косвенно – создавая стимулы для потребителей к переключению на другие источники энергии) [11; 12; 13]. Однако влияние этих угроз на экономическую безопасность НГК и стратегии противодействия им в данной статье рассматриваться не будут.

Результаты и обсуждение

Концептуальная схема возможных стратегий адаптации НГК представлена на рис. 1.

Рис. 1 – Стратегии адаптации нефтегазовых компаний к условиям нового технологического уклада

Консервативные стратегии включены в схему для полноты описания, однако по своей сути они не являются стратегиями адаптации, представляя собой не трансформацию компании с учетом новых условий ведения бизнеса, а поиск рыночных ниш, в которых старая бизнес-модель еще может быть использована. Иными словами, компании, которые выбирают консервативную стратегию, должны постепенно переориентировать свой сбыт на те рынки, которые еще не успели перейти к новому технологическому укладу (т. е. где энергетический переход не произошел). К таким рынкам относятся страны Юго-Восточной Азии и Африки.

Структура инновационных стратегий показана в табл. 1.

Таблица 1 – Структура инновационных стратегий адаптации

Тип стратегии	Сущность стратегии
Ресурсная трансформация	Переключение на добычу другого природного ресурса
Топливная трансформация	Переход к производству нового вида топлива
Производственная трансформация	Переход к использованию нефти и газа как к неэнергетическому сырью
Рыночная трансформация	Переход к предложению на рынке альтернативных видов энергии

Дадим более подробное описание инновационных стратегий.

Ресурсная трансформация предполагает, что НГК переходит к добыче другого природного ресурса, ценность которого соответствует потребностям нового технологического уклада. В частности, речь может идти о добыче лития, который используется при производстве аккумуляторов (необходимых для растущего сегмента электротранспорта). Теоретически такая стратегия

сохраняет традиционные отраслевые связи: если НГК снабжала топливом автомобильную отрасль, основанную на двигателях внутреннего сгорания, то производители алюминия будут обеспечивать энергетические потребности отрасли электромобилей. Однако на практике такая стратегия представляет собой очень глубокую трансформацию активов компании – фирме придется отказаться от всех активов, используемых для добычи углеводородов, и инвестировать в создание активов, необходимых для добычи нового профильного ресурса (или приобрести уже существующего поставщика этого ресурса). В этом отношении показателен пример отрасли сланцевой нефти – хотя формально она относится к нефтегазовому сектору, создана она была не уже существующими НГК, а новыми компаниями. Крупные НГК перешли к добыче сланцевой нефти и газа значительно позже. Таким образом, если переход в смежную подотрасль нефтегазового сектора потребовал для НГК длительного времени, переход к добыче принципиально нового ресурса (требующего других активов и компетенций) займет еще большее время. Тем не менее такой переход вполне возможен в долгосрочной перспективе, когда НГК будут плавно замещать свои активы по добыче нефти и газа (в т. ч. путем продажи компаниям, выбравшим консервативную стратегию) активами, необходимыми для добычи нового ресурса.

Очевидно, что ресурсная трансформация ведет к полному перепрофилированию НГК, поскольку смена добываемого ресурса станет причиной смены содержания производственной деятельности на всех уровнях создания ценности НГК.

При топливной трансформации НГК продолжает добывать и перерабатывать нефть и газ, однако итогом ее производственной деятельности является не традиционное топливо, а инновационные виды энергетических ресурсов (в первую очередь – водород, для производства которого используется природный газ). Такая трансформация занимает важное место в стратегии развития основных НГК, которые уделяют большое внимание разработке и реализации собственных водородных проектов [14]. Значимость этой трансформации для европейской экономики можно проиллюстрировать тем фактом, что активно разрабатывались планы по использованию российских экспортных трубопроводов для поставок в Европу водорода, произведенного в России (это позволило бы продолжать эксплуатацию этих газопроводов и сохранить роль России как ведущего поставщика энергоресурсов в Европу даже после перехода европейских стран к новой энергетике).

Производственная трансформация заключается в развитии нефте- и газохимических производств вместо традиционной переработки нефти и газа в

горючее. Строго говоря, эта стратегия не является инновационной, поскольку нефте- и газохимия представляют собой развитые отрасли мировой экономики, и вертикально интегрированные НГК, как правило, имеют в своем составе подразделения, занимающиеся нефте- и газохимией. Однако содержание производственной трансформации состоит в том, чтобы полностью отказаться от выпуска топлива, т. е. в вытеснении производства горючего выпуском продукции нефте- и газохимии. Можно утверждать, что в неявной форме стратегия производственной трансформации уже реализуется мировыми НГК, поскольку они постепенно расширяют долю нефтехимических производств в своем объеме выпуска. Важным преимуществом этой стратегии является то, что она позволяет увеличивать объем добавленной стоимости. Кроме того, она во многом позволяет НГК сохранить традиционную модель функционирования и лишь меняет пропорцию между производствами, уже представленными в их деятельности.

При рыночной трансформации НГК продолжает вести деятельность в сфере энергетики, однако переходит к поставкам энергии, соответствующей требованиям нового технологического уклада (из возобновляемых источников). От топливной трансформации эта стратегия отличается тем, что НГК отказывается от нефте- и газопереработки и переходит к инновационным источникам энергии. По своей сути она представляет собой такое же глубокое изменение деятельности НГК, как и ресурсная трансформация, однако она реализуется на другой стороне цепочки создания ценности – не в сфере добычи природных ресурсов, а в области удовлетворения потребностей клиентов.

Описанные нами стратегии адаптации НГК к условиям нового технологического уклада различаются по степени их влияния на деятельность компании (табл. 2).

При выборе стратегии адаптации компании необходимо учитывать тот факт, что стратегии, оказывающие наибольшее влияние на ее деятельность, с одной стороны, позволяют максимизировать эффективность в долгосрочной перспективе (поскольку они в максимальной степени соответствуют требованиям нового технологического уклада и позволят компании сформировать устойчивые конкурентные преимущества), но, с другой стороны, значительно повышают риски в краткосрочной перспективе (так как они связаны со значительными изменениями в модели организации деятельности компании). Выбор стратегии зависит от структуры производственной деятельности компании, рынков, на которых она работает, обеспеченности ресурсами и имеющихся компетенций. Реализация стратегий, предполагающих глубокое изменение деятельности компании, должна происходить в форме

поглощения компаний, которые уже освоили соответствующие производства и приобрели необходимые для этого компетенции, поскольку это позволяет минимизировать риски (хотя и повышает издержки).

Таблица 2 – Влияние инновационных стратегий адаптации на деятельность нефтегазовых компаний

Степень влияния	Типы трансформации	Сущность изменений	Описание
Высокая	Ресурсная, рыночная	Полное перепрофилирование деятельности компании	Полное изменение цепочки создания ценности из-за изменения базового ресурса (ресурсная трансформация) или конечного продукта (рыночная трансформация)
Средняя	Топливная	Технологическая эволюция	Внедрение новых технологий переработки нефти и газа
Низкая	Производственная	Изменение структуры существующих производств	Увеличение доли нефте- и газохимических производств

Заключение

По результатам выполненного нами исследования мы можем сформулировать следующие выводы:

- для систематизации стратегий адаптации компаний нефтегазовой отрасли к условиям нового технологического уклада необходимо рассматривать НГК как многоуровневые предпринимательские структуры. Различным уровням деятельности НГК соответствуют разные стратегии адаптации;

- описанные нами стратегии не являются взаимоисключающими и могут реализовываться совместно. Компании могут формировать оптимальный набор стратегий исходя из своих целей;

- несмотря на то что условия нового технологического уклада предполагают трансформацию НГК на основе инновационных технологий, компании нефтегазового сектора могут выбрать консервативную стратегию, при которой сохраняется существующая бизнес-модель. В этом случае

компания должна переориентировать свою деятельность на те рынки, на которых переход к новой энергетике еще не произошел;

- стратегии инновационной трансформации НГК различаются по степени глубины преобразований деятельности компании и могут заключаться как в ее полном перепрофилировании (ресурсная и рыночная трансформация), технологической эволюции (топливная трансформация) и изменении структуры производственной деятельности (производственная трансформация).

Список литературы

1. **Катрашова Ю. В., Митяшин Г. Ю., Плотников В. А.** Система социального рейтинга как форма государственного контроля над обществом: перспективы внедрения и развития, угрозы реализации // Управленческое консультирование. № 2. 2021. С. 100–109.

2. **Плотников В. А.** Цифровизация как закономерный этап эволюции экономической системы // Экономическое возрождение России. № 2. 2020. С. 104–115.

3. **Харламов А. В., Сибгатуллин А. Э.** Институциональные изменения, обеспечивающие инновационную направленность развития хозяйственной системы // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. № 4. 2021. С. 21–26.

4. **Абдурахманова Э. Э. К., Курбанов А. Х.** Цифровые технологии в системе материально-технического обеспечения: оценка рисков // Компетентность. № 5. 2020. С. 10–14.

5. **Плотников В. А., Бабенков В. И.** Экономическая безопасность российской нефтегазовой отрасли в условиях энергетического перехода // Экономический вектор. № 3. 2021. С. 55–61.

6. **Плотников В. А., Рукинов М. В.** Новый облик мировой энергетики и экономическая безопасность России // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. № 2. 2020. С. 39–43.

7. **Вертакова Ю. В., Плотникова Н. А., Плотников В. А.** Промышленная политика России: направленность и инструментарий // Экономическое возрождение России. № 3. 2017. С. 49–56.

8. **Власова М. С., Сигова М. В., Круглова И. А.** Роль фискальной функции государства в обеспечении экономической безопасности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. № 2. 2017. С. 51–56.

9. **Тамбовцев В. Л.** Экономическая безопасность хозяйствующих субъектов: структура проблемы // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. № 3. 1995. С. 3–9.

10. **Круглова И. А.** Экономическая безопасность – эволюция понимания и отображения в государственной политике // Известия Санкт-

Петербургского государственного экономического университета. № 6. 2019. С. 63–67.

11. **Костин К. Б.** Анализ кризисных явлений в мировой экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. № 3. 2019. С. 7–14.

12. **Котляров И. Д.** Аутсорсинговая модель организации российской нефтегазовой отрасли: проблемы и пути решения // Вопросы экономики. № 9. 2015. С. 45–64.

13. **Котляров И. Д.** Сервисный рычаг и обеспечение доступа к производственным активам предприятия // Вестник НГУЭУ. № 4. 2014. С. 164–172.

14. **Жуков С. В., Копытин И. А., Попадько А. М.** Водородные проекты в корпоративных стратегиях крупнейших европейских нефтяных компаний: экономическая рациональность // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. № 2. 2022. С. 53–57.

15. **Sigova M.V.** Long-Tail Data-Driven Recommendations - Innovative Solutions for Financial Recommender Systems /M.V. Sigova, I.K. Klioutchnikov, O.I. Klioutchnikov // 2021 International Conference Engineering Technologies and Computer Science (EnT) EnT 2021 - 2021. - P. 89-94.

16. **Сигова М.В.** Современные подходы к оценке эффективности системы экономической безопасности предприятий нефтегазовой отрасли / Сигова М.В., Панарин А.А., Супатаев Т.М. // Ученые записки Международного банковского института. - 2021. - № 2 (36). - С. 132-151.

17. **Сигова М.В.** Система экономической безопасности предприятий нефтегазовой отрасли, ее особенности и ориентация на цифровизацию, эффективность, конкурентоспособность и устойчивое развитие бизнеса / Сигова М.В., Супатаев Т.М. // Ученые записки Международного банковского института. - 2021. - № 1 (35). - С. 98-117.

References

1. **Katrashova Yu. V., Mityashin G. Yu., Plotnikov V. A.** Social rating system as a form of state control over society: prospects for implementation and development, threats to implementation // Administrative Consulting. No. 2. 2021. P. 100–109.

2. **Plotnikov V. A.** Digitalization as a natural stage in the evolution of the economic system // Economic revival of Russia. No. 2. 2020. Pp. 104–115.

3. **Kharlamov A. V., Sibgatullin A. E.** Institutional changes that ensure the innovative orientation of the development of the economic system // Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics. No. 4. 2021. Pp. 21–26.

4. **Abdurakhmanova E. E. K., Kurbanov A. Kh.** Digital technologies in the logistics system: risk assessment // Competence. No. 5. 2020. Pp. 10–14.

5. **Plotnikov V. A., Babenkov V. I.** Economic security of the Russian oil and gas industry in the context of the energy transition // Economic Vector. No. 3. 2021. Pp. 55–61.

6. **Plotnikov V. A., Rukinov M. V.** New look of the world energy and economic security of Russia. *Izvestia of higher educational institutions. Series: Economics, finance and production management.* No. 2. 2020. Pp. 39–43.
7. **Vertakova Yu. V., Plotnikova N. A., Plotnikov V. A.** Industrial policy of Russia: orientation and tools // *Economic revival of Russia.* No. 3. 2017. Pp. 49–56.
8. **Vlasova M. S., Sigova M. V., Kruglova I. A.** The role of the fiscal function of the state in ensuring economic security // *Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics.* No. 2. 2017. Pp. 51–56.
9. **Tambovtsev V. L** Economic security of business entities: the structure of the problem // *Bulletin of Moscow University. Series 6: Economics.* No. 3. 1995. Pp. 3–9.
10. **Kruglova I. A.** Economic security – the evolution of understanding and reflection in public policy // *Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics.* No. 6. 2019. Pp. 63–67.
11. **Kostin K. B.** Analysis of crisis phenomena in the global economy // *Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics,* No. 3. 2019. Pp. 7–14.
12. **Kotliarov I. D.** Outsourcing model of organization of the Russian oil and gas industry: problems and solutions // *Questions of Economics.* No. 9. 2015. Pp. 45–64.
13. **Kotliarov I. D.** Service lever and providing access to the production assets of the enterprise // *Bulletin of the National State University of Economics.* No. 4. 2014. Pp. 164–172.
14. **Zhukov S. V., Kopytin I. A., Popadko A. M.** Hydrogen projects in the corporate strategies of the largest European oil companies: economic rationality // *Problems of economics and management of the oil and gas complex.* No. 2. 2022. Pp. 53–57.
15. **Sigova M.V.** Long-Tail Data-Driven Recommendations - Innovative Solutions for Financial Recommender Systems /M.V. Sigova, I.K. Klioutchnikov, O.I. Klioutchnikov // 2021 International Conference Engineering Technologies and Computer Science (EnT) EnT 2021 - 2021. - P. 89-94.
16. **Sigova M.V.** Sovremennyye podkhody k otsenke effektivnosti sistemy ekonomicheskoy bezopasnosti predpriyatiy neftegazovoy otrasli / Sigova M.V., Panarin A.A., Supatayev T.M. // *Uchenyye zapiski Mezhdunarodnogo bankovskogo instituta.* - 2021. - № 2 (36). - S. 132-151. 17.
17. **Sigova M.V.** Sistema ekonomicheskoy bezopasnosti predpriyatiy neftegazovoy otrasli, yeye osobennosti i oriyentatsiya na tsifrovizatsiyu, effektivnost', konkurentosposobnost' i ustoychivoye razvitiye biznesa / Sigova M.V., Supatayev T.M. // *Uchenyye zapiski Mezhdunarodnogo bankovskogo instituta.* - 2021. - № 1 (35). - S. 98-117.

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ РИСКОВОЙ СИТУАЦИЕЙ КАК ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Виктория Викторовна ТРЕТЬЯК¹, д.э.н., профессор
Ирина Александровна НИКИТИНА², д.э.н., профессор
Андрей Александрович ПАНАРИН³, д.э.н., доцент

¹Кафедра инновационных технологий
управления в государственной сфере и
бизнесе,

Российский государственный
гидрометеорологический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Адрес для корреспонденции: 191023, Невский пр.,
60. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: trtjakvic@mail.ru

^{2,3}Кафедра мировой экономики и менеджмента,
Автономная некоммерческая организация
высшего образования

«Международный банковский институт имени
Анатолия Собчака»,

Санкт-Петербург, Россия

Адрес для корреспонденции: 191023, Невский пр.,
60. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Определена последовательность принятия управленческих решений при ограничении риска и обоснована разработка системы управления рисковой ситуацией в процессе адаптации предприятия к современным условиям хозяйствования. Предложена система управления рисковой ситуацией (СУРС), содержащая управленческие решения по формированию банка данных СУРС, диагностике и обработке рисковой ситуации, контролю и разработке рекомендаций по повышению эффективности управления рисковой ситуацией. В контексте общего управления риском предприятия особое внимание уделено прогнозированию рисковой ситуации и предупреждению появления рискового события, рассматриваемых в качестве ключевых концепций СУРС. Определены возможности ретроспективного, настоящего и перспективного анализа рисковой ситуации.

Ключевые слова

Риск, ситуация, управление, ограничение, ресурсы, риск-менеджмент.

RISK SITUATION MANAGEMENT SYSTEM AS A BASIS FOR ECONOMIC SECURITY OF THE ENTERPRISE

Victoria V. TRETJAK¹, Doctor of Economics, Professor
Irina A. NIKITINA², Doctor of Economics, Professor
Andrey A. PANARIN³, Doctor of Economics, Associate Professor

¹Department of Innovative Management
Technologies in the Public Sphere and Business
Russian State Hydrometeorological University
Address for correspondence: V. V. Tretjak, 191023, Nevsky prospect, 60
St. Petersburg, Russia

^{2,3}Department of world economy and management,
Autonomous non-profit organization of higher education
«International banking Institute named after Anatoliy Sobchak»
St. Petersburg, Russia
Address for correspondence: I. A. Nikitina, 191023, St. Petersburg, Nevsky pr.,
60
E-mail: sizn@mail.ru

Abstract

The necessity of development of an autonomous enterprise risk management system is grounded on management procedures, reimbursement plans and control system, which are designed to meet the demands and requirements of the enterprise, as well as to protect its interests. The risk situation management scheme (RSMS), which contains managerial decisions on the formation of RSMS data bank, diagnosis and risk situation processing, its control and recommendations development to improve the efficiency of risk situation management, is proposed. The key concepts of risk situation management are forecasting of risk situations and prevention of risk event. The possibilities of retrospective, present and prospective analysis of risk situation are considered.

Keywords

Risk, situation, management, limitation, resources, risk management.

Введение. Возникшая сегодня в России нестабильность экономической среды, связанная с последствиями пандемии и введением коллективных санкций со стороны Запада в ответ на проводимую спецоперацию на Украине, представляет собой своеобразную «почву» для возникновения рискованных ситуаций в деятельности отечественных предприятий. Вынужденные принимать управленческие решения в условиях неопределенности и нестабильности окружающей среды, российские предприятия сталкиваются с совокупностью различного рода факторов, генерируемых этой средой, что логически подталкивает их к осуществлению рискованной деятельности.

В этой связи предприятиям, стремящимся восстановить стабильность своей деятельности в сложных современных условиях хозяйствования, необходима разработка стратегии, включающей систему управления рисковой ситуацией в рамках общего руководства предприятием. Стратегия управления рисковой ситуацией зависит от специфических рисков, которые могут возникать в процессе деятельности предприятия, возможности правильно оценить конкретную рисковую ситуацию, найти оптимальный вариант выхода из нее, учитывая имеющиеся в распоряжении предприятия ресурсы.

Целью исследования является определение последовательности принятия управленческих решений при ограничении риска и разработка системы управления рисковой ситуацией в процессе адаптации предприятия к условиям экономического риска.

Результаты исследования. Управление рисковой ситуацией на уровне предприятия направлено на обеспечение адаптации его деятельности к динамично изменяющимся условиям окружающей среды посредством своевременного и оперативного реагирования на данные изменения и принятия на этой основе этих изменений гибких управленческих решений. Особое внимание должно уделяться способности предприятия адаптироваться применительно к каждой конкретной рисковой ситуации.

Рисковая ситуация предполагает ситуацию, состоящую в отклонении фактического хода событий от планируемого, а факторы, вызывающие эти отклонения, являются факторами риска. В зависимости от источника возникновения факторы риска могут иметь различную природу. Внешние факторы риска генерируются внешней по отношению к предприятию средой, а внутренние – внутренней [1; 2].

Чаще всего рисковая ситуация возникает в наиболее уязвимой сфере деятельности предприятия, тем самым нарушая функционирование его внутренней среды. Целесообразно выделить пять основных сфер деятельности предприятия, в которых возможно потенциальное возникновение рисковой ситуации – производство, финансы, маркетинг, менеджмент и персонал. В каждой из указанных сфер деятельности возникают специфические проблемы, связанные с существованием риска. В этой связи возникает необходимость использования конкретных способов ограничения характерных рисков в соответствующих сферах деятельности предприятия.

В результате комплекса приемов риск-менеджмента, эффективность использования которых находится в прямой зависимости от уровня квалификации и степени профессионализма руководства, предполагается преобразование внутренней среды предприятия в соответствии с новыми

условиями хозяйствования и целями его деятельности [1; 2]. Таким образом, искусство управления рискованной ситуацией на уровне предприятия непосредственно связано с качеством прогнозирования изменений как внешней, так и внутренней среды, возможностью адаптации предприятия к любым ее изменениям, своевременности и оперативности реагирования предприятия на новые данные среды.

Преобразование внутренней среды предприятия осуществляется в ответ на новые данные среды, диктующие осуществление деятельности в предложенных обстоятельствах в соответствии с новыми условиями хозяйствования. При этом на первый план должны быть выдвинуты приоритетные цели предприятия, для реализации которых возникает необходимость жесткого контроля всех факторов внешней и внутренней среды, способных оказать влияние на его финансовое состояние и являющихся потенциальными источниками рискованной ситуации. Таким образом, ориентация на выявление, сокращение, устранение и, что более важно, предупреждение факторов риска, способных негативно повлиять на деятельность предприятия, составляет суть управления рискованной ситуацией, требует разработки и внедрения соответствующей системы.

Система управления рискованной ситуацией (СУРС) содержит управленческие решения по формированию банка данных СУРС, диагностике и обработке рискованной ситуации, контролю и разработке рекомендаций по повышению эффективности управления рискованной ситуацией (рисунок 1). Каждый элемент СУРС или требование в рамках данной системы носит индивидуальный характер, что обусловлено масштабом деятельности предприятий, спецификой деятельности, видом выпускаемой продукции (предоставляемой услуги), имеющихся в его распоряжении ресурсов.

При формировании банка данных СУРС необходимы сбор и накопление информации обо всех предыдущих аналогичных рискованной ситуациях (т.е. архив результатов), определение важнейших составляющих внутреннего риска предприятия, включающее каталог факторов риска, анализ соотношения между статистической информацией и информацией, используемой предприятием, прогнозная информация и формирование банка методов и алгоритмов адаптации предприятия к рискованной ситуации.

В настоящее время информация о риске становится важной частью принятия управленческого решения на всех уровнях предприятия [3; 4]. Наличие полной и достоверной информации по всем факторам риска позволяет принимать оптимальные управленческие решения и во многом определяет успех деятельности предприятия на рынке. Обладая информацией о внешней и

внутрипредпринимательской среде, с учетом непрерывно изменяющейся рискованной ситуации, предприятие должно постоянно корректировать свою деятельность.

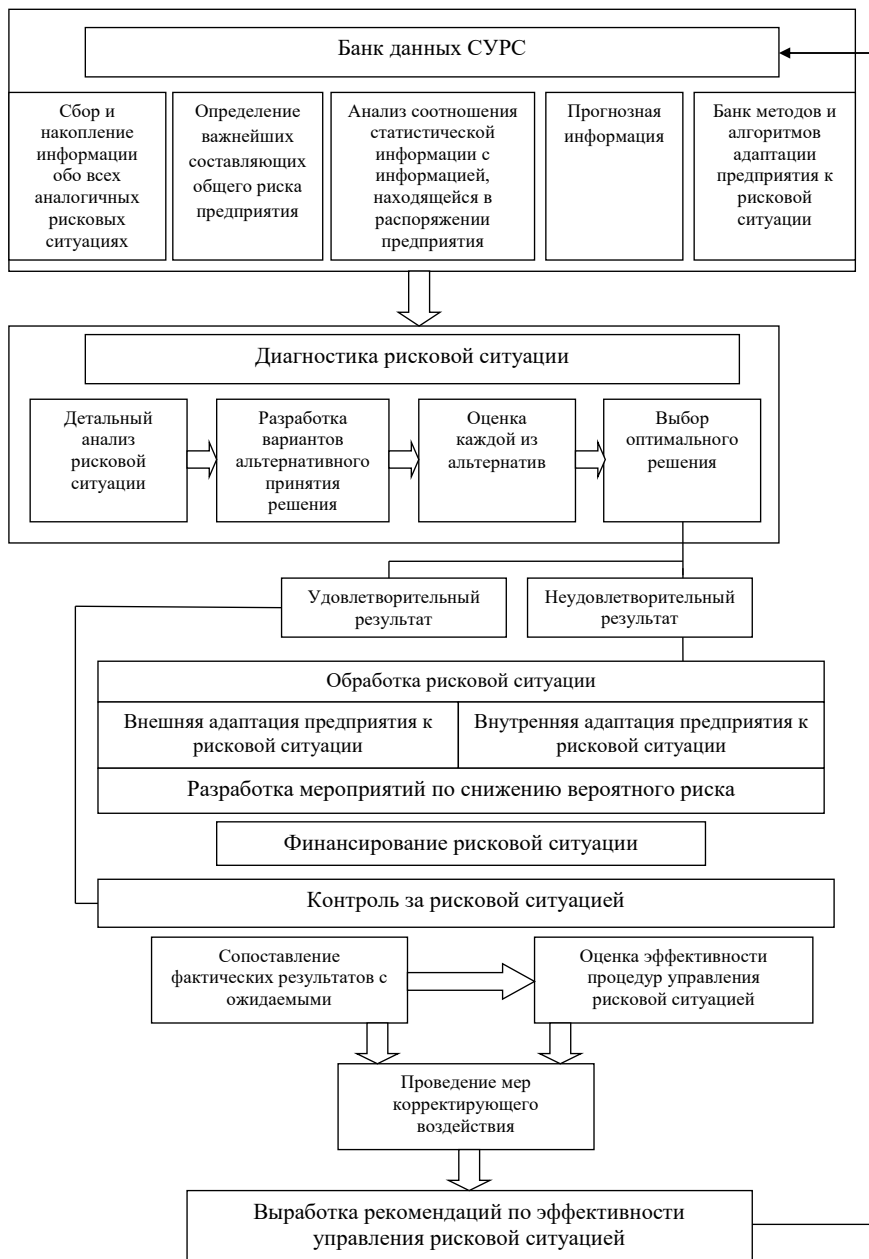

Рисунок 1 – Система управления рискованной ситуацией

В контексте общего управления риском предприятия особое внимание должно уделяться прогнозированию рискованной ситуации и предупреждению появления рискованного события, рассматриваемых в качестве ключевых концепций СУРС.

Прогнозирование предполагает прогноз будущего развития рискованной ситуации с помощью инструментов научного предвидения и на основе привлечения дополнительной полезной информации. Прогнозирование рискованной ситуации базируется на анализе прошлого опыта деятельности с учетом тенденций будущих изменений внутренней среды предприятия и его внешнего окружения. Прогнозирование рискованной ситуации направлено, таким образом, на определение перспективы и динамики развития факторов риска, в единстве и взаимодействии создающих для предприятия определенную обстановку. Возможность управления рискованной ситуацией позволяет применять различные методы, санкционирующие в определенной степени прогнозирование наступления рискованного события и применение мер по снижению риска предприятия.

Предупреждение появления рискованной ситуации в деятельности предприятия предполагает использование методов упреждающего воздействия, исключающих возникновение новых факторов риска. Предварительная аналитическая работа перед осуществлением любого проекта значительно снижает вероятность ошибки, и, соответственно, вероятность возникновения рискованной ситуации.

Предупреждение возникновения рискованной ситуации предусматривает формирование картотеки рисков, обеспечивающих выявление систематических и случайных факторов риска. Действия по управлению рискованной ситуацией должны применяться с тем, чтобы предупредить ее повторное возникновение в деятельности предприятия. Предупредительные меры следует проводить с учетом степени серьезности возникающей рискованной ситуации и ее потенциальных последствий.

Использование СУРС в рамках отдельного предприятия требует определенной инфраструктуры. Инфраструктура управления рискованной ситуацией предполагает совокупность составляющих системы, входящих в структуру управления рискованной ситуацией, и направлена на обеспечение и создание условий для нормального функционирования предприятия. Инфраструктура управления рискованной ситуацией включает создание банка данных управления рискованной ситуацией; диагностику рискованной ситуации;

анализ процессов, необходимых для поддержания управленческого воздействия на рисковую ситуацию.

Одним из важнейших этапов СУРС является диагностика рискованной ситуации, которая предполагает выявление и идентификацию внешних и внутренних факторов риска, влияющих на возникновение и обострение рискованной ситуации. Диагностика рискованной ситуации включает ее детальный анализ, разработку вариантов альтернативного принятия управленческого решения и оценку каждой из альтернатив, выбор оптимального варианта решения.

Детальный анализ рискованной ситуации предполагает выявление и идентификацию внешних и внутренних факторов риска, влияющих на возникновение рискованной ситуации, т.е. причины, движущие силы конкретной рискованной ситуации с определением ее характера или отдельных черт. Особенно важно произвести оценку конкретной рискованной ситуации на предмет вероятных потерь с определением допустимого их уровня для данного предприятия, определить приоритетность обработки факторов риска.

Детальный анализ рискованной ситуации как составляющих включает ретроспективный, настоящий и перспективный. Ретроспективный анализ рискованной ситуации предполагает изучение сложившихся в прошлом тенденций изменения рискованной ситуации. Настоящий анализ предусматривает выявление вероятных факторов риска, причин их возникновения и возможных последствий наблюдаемых факторов. Такой анализ чаще всего проводится на базе ретроспективного анализа рискованной ситуации. Перспективный анализ направлен на изучение будущих изменений и отображает развитие рискованной ситуации в будущем, а также предполагает возможные обнаружения еще не выявленных факторов риска.

Своевременное определение, оценка и контроль тех факторов риска, которые могут потенциально угрожать финансовому положению или прибыльности предприятия составляют основу управления рискованной ситуацией.

Ключевым моментом детального анализа рискованной ситуации является выявление и идентификация факторов риска. В процессе идентификации следует выяснить, каким образом предприятие может оказаться в рискованной ситуации и подвергнуться убытку.

Для этого необходимо четкое понимание структуры предприятия, характера его деятельности, методов и стиля работы, занимаемого рынка, конкурентного положения, поставленных целей, тем более что в процессе управления рискованной ситуацией предприятие самостоятельно идентифицирует

факторы риска и определяет степень их воздействия на результаты своей деятельности, т.е. осуществляет мониторинг развития рискованной ситуации.

Своевременная идентификация факторов риска позволяет снизить возможный ущерб, т.к. на ранних этапах выработки и принятия управленческого решения при условии относительно недорогих поправок возможно исключение отдельных факторов риска, своевременный учет расходов в бюджете предприятия, а также соответствующая модификация факторов риска в пользу предприятия. Проблема идентификации состоит в периодическом появлении новых факторов риска вследствие возникновения и развития законов, влияния экономических, политических, технологических и социальных факторов.

Постепенное развитие предприятия также представляет дополнительный источник рискованной ситуации, т.к. любое изменение внутренней среды предприятия способствует появлению новых источников рискованной ситуации. Вполне очевидно, что любая попытка изменить характер деятельности потребует существенного изменения внутренней структуры предприятия и, соответственно, приведет к появлению дополнительных факторов риска.

Решающим этапом СУРС является этап обработки, предполагающий модификацию рискованной ситуации в пользу предприятия, а также принятие конкретных управленческих решений, направленных на возможность выхода из рискованной ситуации. Приоритетность обработки факторов риска обусловлена степенью их воздействия на предприятие, необходимостью снижения их давления или полной ликвидацией воздействия.

Рискованная ситуация всегда предполагает альтернативу выбора, то есть возможность отказа предприятия от риска (если его уровень неприемлем), принятие предприятием риска и его распределение между партнерами. В зависимости от правильности выбора управленческого решения возможно получение удовлетворительного или неудовлетворительного для предприятия результата. Удовлетворительный результат управленческого решения приводит к получению предприятием прибыли. Неудовлетворительный результат рассматривается в перспективе риск-менеджмента и требует проведения обработки рискованной ситуации.

Выделение средств, связанных с расходами на управление рискованной ситуацией, представляет собой этап финансирования. Предприятие самостоятельно оценивает возможность обеспечения самофинансирования в случае возникновения рискованной ситуации и определяет размер специального страхового резерва, необходимого и достаточного для экономической безопасности предприятия. Создание и последующее использование страхового

резерва связано с возможностью потерь в результате воздействия рисковой ситуации на предприятие. Расходы на создание страхового резерва являются дополнительными, но вместе с тем и оправданными, тем более что экономическая безопасность предприятия основывается на периодической проверке оправданности управленческих решений, направленных на обеспечение бесперебойной деятельности предприятия.

При отсутствии возможности самостоятельного финансирования рисковой ситуации предприятию приходится прибегать к внешней финансовой помощи. В этом случае внешнее страхование оценивается как дополнительная помощь в процессе управления рисками. Таким образом, если последствия действия рисковой ситуации были прогнозируемы, то финансовые проблемы становятся не столь катастрофичными для предприятия.

Контроль рисковой ситуации необходим для сопоставления фактических результатов с ожидаемыми при принятии управленческого решения и, в случае необходимости, применении оперативных мер корректирующего воздействия на рисковую ситуацию. Сущность контроля состоит в исследовании и проверке потенциальных рисковых ситуаций, оценке эффективности предпринимаемых действий на различных этапах деятельности предприятия.

Контроль рисковой ситуации позволяет определить первоначальную правильность выбора методов воздействия на рисковую ситуацию. В случае получения неудовлетворительного результата – возможность применения дополнительных методов. Эффективный контроль предполагает выработку нормативных значений для определения приемлемых для данного предприятия результатов; сравнение полученных результатов с нормативными; сближение результатов с установленными нормативами.

Проведение процедур корректирующего воздействия состоит в принятии мер по ликвидации либо сведению к минимуму случаев повторного возникновения рисковых ситуаций, а также снижение их воздействия на деятельность предприятия. Постоянные изменения, являющиеся результатом процедур корректирующего воздействия, следует фиксировать в банке данных СУРС предприятия. Может также возникнуть необходимость пересмотра методов, обеспечивающих решение возможных проблем.

Лучшим решением использования процедуры контроля является создание группы ответственных лиц, специально привлеченных для этой цели. Данная группа должна производить тестирование периодических процедур в зависимости от предыдущих критериев. Использование тестирования позволяет провести диагностику рисковой ситуации и проверить качество рекомендованных решений.

Управление рисковой ситуацией получило практическое применение на уровне организации общего управления предприятием, поскольку данный процесс происходит внутри предприятия, адаптируя внутреннюю систему управления к изменениям окружающей среды. С целью продолжения эффективной последующей деятельности предприятия после воздействия на него рисковой ситуации необходимо оперативное восстановление равновесия внутренней среды путем определения приоритетности инвестиций в области наибольшей уязвимости предприятия.

Выводы. В современных условиях хозяйствования предприятиям следует не избегать риска, а уметь правильно оценивать его степень и непосредственно управлять им с целью ограничения. Необходимо обеспечить своевременный учет факторов риска при принятии управленческих решений; квалифицированную организацию процесса управления рисковой ситуацией, направленную на обеспечение адаптации деятельности предприятия к изменяющимся условиям внешней и внутренней среды.

Таким образом, предупреждение возникновения рискованных ситуаций; своевременное выявление и точная оценка возможного риска; установление факторов, его обостряющих; активная реакция предприятия на возникновение конкретной рисковой ситуации; последующая ее модификация в интересах предприятия; выбор способов ограничения риска представляют сущность управления риском.

Список источников

1. **Третьяк В.В.** Обмеження економічного ризику в діяльності підприємств: Автореферат дис. канд. ек.наук: 08.06.02 / Східноукраїнський державний університет. – Луганськ, 2000. – 16 с.
2. **Третьяк В.В., Никитина И.А.** Рисковые ситуации: условия возникновения, особенности и основные элементы // Ученые записки Международного банковского института имени Анатолия Собчака. – 2021. – №4 (38). – С. 114–123.
3. **Бузько И. Р.** Экономический риск (методы анализа, оценки и ограничения). – Донецк: ИЭП НАН Украины, 1996. – 196 с.
4. **Бузько И.Р., Трунина И.М., Загирняк Д.М.** Экономический риск и управление инновационной деятельностью предприятия. – Киев: ИСМО, 1996. – 112 с.

References

1. **Tret'yak V.V.** Obmezhennyya ekonomichnogo riziku v diyal'nosti pidpriemstv: Avtoreferat dis. kand. ek.nauk: 08.06.02 / Skhidnoukraïns'kij derzhavnij universitet. – Lugans'k, 2000. – 16 s.
2. **Tret'yak V.V., Nikitina I.A.** Riskovye situacii: usloviya vznikoveniya, osobennosti i osnovnye elementy // Uchenye zapiski Mezhdunarodnogo bankovskogo instituta imeni Anatoliya Sobchaka. – 2021. – №4 (38). – S. 114–123.
3. **Buz'ko I. R.** Ekonomicheskij risk (metody analiza, ocenki i ogranicheniya). – Doneck: IEP NAN Ukrainy, 1996. – 196 s.
4. **Buz'ko I.R., Trunina I.M., Zagirnyak D.M.** Ekonomicheskij risk i upravlenie innovacionnoj deyatel'nost'yu predpriyatiya. – Kiev: ISMO, 1996. – 112 s.

Требования к материалам, представляемым для публикации в журнал «Ученые записки Международного банковского института»

Научные статьи, представляемые для публикации в журнале, должны соответствовать общему направлению издания: экономические науки. С 06.06.2017 года журнал включен в утвержденный ВАК при Минобрнауки России Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, куда принимаются статьи для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук и доктора наук по следующим отраслям науки – экономические, группы специальностей:

08.00.01 Экономическая теория;

08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством;

08.00.10 Финансы, денежное обращение и кредит;

08.00.14 Мировая экономика.

Основные требования к статьям, предоставляемым для публикации в журнале:

1. Статьи на русском или английском языке объемом не менее 8 страниц формата А4 (включая библиографический список, без аннотации и ключевых слов) в виде файла с расширением *.doc (шрифт Times New Roman, 14 пунктов; параметры страницы: нижнее поле – 2 см; верхнее поле – 2 см; правое поле – 2 см; левое поле – 2,5 см; абзац выравнивается по ширине, отступы слева и справа – 0 пт, абзацный отступ – 1,25 см, интервал межабзацный – 0 пт, межстрочный интервал – множитель 1,2); страницы не нумерованы.

2. Статья должна содержать результаты ранее не опубликованных научных исследований, теоретические, практические разработки, готовые для использования и являющиеся актуальными на современном этапе научного развития.

3. В редакцию на электронный адрес необходимо направить следующие материалы:

- 1) Текст статьи на русском или английском языке в электронном виде; формат файла: *.doc, согласно требованиям к структуре и содержанию статьи с обязательным указанием контактных телефонов авторов;
- 2) Информацию об авторе (авторах) статьи на русском и английском языках; допускается не более 3-х авторов;
- 3) аннотацию (100–150 слов в зависимости от объема статьи) и ключевые слова (не более 7 слов) на русском и английском языках.

4. Правила оформления статьи:

- Номер УДК (кегель 12 обычный);
- Название заглавными буквами на русском и английском языках (шрифт Time New Roman, кегль – 16, междустрочный интервал фиксированный – 20 пунктов; перед абзацем – 10 пунктов; после – 10 пунктов);
- ФИО главного автора¹, ФИО соавторов² кегль 12) с указанием ученой степени, ученого звания; ниже под цифрами 1, 2 и т.д. указывается факультет/кафедра, название учреждения, в котором автор является сотрудником; город, страна;
- Адрес для корреспонденции (кегель 12): ФИО ответственного автора, адрес с почтовым индексом, город, страна;
- Телефон, e-mail (кегель 12);
- Аннотация (кегель 12);
- Ключевые слова (кегель 12);

- Основной текст (кегель 14);
- Текст статьи необходимо структурировать, используя подзаголовки соответствующих разделов: **введение, цель и задачи исследования, материалы, методы и объекты исследования, результаты исследования, выводы** (отмечать подзаголовки жирным шрифтом), список литературы. Возможно использование и других заголовков разделов в основной части статьи, при этом **введение и выводы** являются обязательными;
- Пристатейный библиографический список (кегель 12); (кегель 12, разреженный, имя автора – полужирный, остальные данные – обычный). Список литературы является обязательным и должен включать **не менее 5–7** источников, включая иностранные; он оформляется общим списком в конце статьи и представляется на русском языке и в **транслитерации (латиницей)**. Литература должна быть оформлена в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 или ГОСТ Р 7.0.5-2008. Ссылки на иностранные источники оформляются в соответствии с Гарвардским стилем. Список составляется в соответствии с последовательностью ссылок в тексте (в порядке цитирования). Ссылки на литературу в тексте приводятся в квадратных скобках, например [1];
- рисунки и графики должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в чернобелой цветовой гамме; графический и табличный материал должен быть представлен только в формате Word, без использования сканирования, цветного фона, рамок; для диаграмм применять различную штриховку; размер шрифта – 10 или 11 pt; математические формулы оформляются через редактор формул Microsoft Equation, а их нумерация проставляется с правой стороны.

5. Авторы представляемых материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий. Представляемый материал должен быть оригинальным и не опубликованным ранее в других печатных изданиях. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

6. Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в оригинальный текст.

7. В случае несоблюдения указанных требований редакция вправе не рассматривать рукопись.

8. Рукопись подлежит обязательному рецензированию институтом рецензентов МБИ.

9. Плата за рецензирование и публикацию статей не взимается.

10. В каждом журнале допускается публикация только одной статьи одного и того же автора (соавтора).

11. Поступившие и принятые к публикации статьи не возвращаются.

Редакция оставляет за собой право не регистрировать статьи, не отвечающие настоящим требованиям, а также право на воспроизведение поданных авторами материалов (опубликование, тиражирование) без ограничения тиража экземпляров. Направляя материалы в редакцию, авторы выражают свое согласие с данным условием.

Образец оформления рукописи можно найти на странице журнала на сайте МБИ.

Requirements for materials submitted for publication in the journal «Proceedings of the International Banking Institute»

Scientific articles submitted for publication in the journal must conform to the General direction of the publication: economic science. Since 2017 the journal is included into the approved List of leading reviewed scientific journals and publications issued in the Russian Federation affiliated to Ministry of education and science, where the articles are accepted for publication of the basic results of dissertations competing for a Candidate of Science and Doctor of Science degree in the following disciplines – economics, specialties:

08.00.01 Economic theory;

08.00.05 Economics and national economy management;

08.00.10 Finance, monetary circulation and credit;

08.00.14 World economy.

The basic requirements for articles submitted for publication in the journal:

1. Articles in Russian or English with volume of not less than 8 A4 pages (including bibliography, without abstract and key words) in a file with the extension *.doc (Times New Roman font, 14 points; page settings: bottom margin – 2 cm; upper margin – 2 cm; right margin – 2 cm; left margin – 2.5 cm; the paragraph is aligned on width, indentation left and right – 0 PT, indent – 1,25 cm, interval is 0 PT, line spacing – a multiplier of 1.2); the pages are not numbered.

2. The paper should contain the results of previously unpublished scientific research, theoretical, practical design, ready to use and relevant at present stage of scientific development.

3. In addition to the email address you need to send the following materials:

1. the text of the article in Russian or English in electronic form; file format: *.doc, according to the requirements to the structure and content of the article with the obligatory indication of contact phones.
2. Information about author (authors) of the article in Russian and English; no more than 3 authors;
3. abstract (100-150 words depending on the size of the article) and key words (no more than 7 words) in Russian and English.

4. Article submission guidelines:

- The UDC number (font size 12, normal);
- Name in capital letters on Russian and English (font times New Roman, size – 16, line spacing fixed – 20 points; prior to paragraph – 10 points; then 10 points);
- Name of the chief author, name of the co-author 2 (кегль12) indicating the academic degree, academic title; below, under the numbers 1, 2, etc. specify the faculty/chair, name of the institution where the author is a staff member; city, country;
- Address for correspondence (font size 12): name of corresponding author, address with postcode, city, country;
- Phone, e-mail (font size 12);
- Abstract (font size 12);
- Key words (font size 12);
- Main text (font size 14);
- The text of the article should be structured using the headings of the relevant sections: introduction, goal and objectives of the study, materials, methods and objects of research, research results, conclusions (note subheadings bold), list of references. It is possible to use other headings in the main part of the article, while the introduction and conclusions are required;

- The bibliographic list (font size 12); (size 12, sparse, the author's name is in bold, the remaining data is normal). The list of references is required and should include at least 5-7 sources, including foreign ones; he issued a General list at the end of the article and is given in the Russian language and in transliteration (Latin). Literature shall be furnished in accordance with GOST 7.1-2003 or GOST R 7.0.5-2008. References to foreign sources shall be in accordance with the Harvard style. The list is compiled in accordance with the sequence of references in the text (in order of citation). References in the text are given in square brackets, e.g. [1];
- figures and graphs should have a clear picture and to be maintained in black-and-white color scheme; graphic and tabular material should be submitted only in Word format without the use of scanning, colored background, framework; for charts to apply different shading; the font size – 10 or 11 pt; mathematical formulas are made out through the editor of formulas Microsoft Equation, and its number is stamped on the right side.

5. The authors of submissions are responsible for the selection and accuracy of facts, quotations, economic and statistical data, proper names, geographical names. The submitted materials must be original and not previously published. At a reprint the reference to journal obligatory.

6. The editorial Board reserves the right to make editorial changes in the original text (do not change the meaning).

7. In case of failure to comply with these requirements, the editorial Board has the right to reject the manuscript.

8. The manuscript is a subject of mandatory review by the Institute of the reviewers of IBI.

9. Fee for review and publication of articles is not charged.

10. In each journal publication of only one article of the same author (co-author) is allowed.

11. Articles received and accepted for publication will not be returned.

The editorial Board reserves the right to reject the articles that do not meet these requirements, as well as the right of reproduction enjoyed by authors (publication, reproduction) without limitation of copies. By submitting material to the journal, the authors agree to this condition.

Sample of manuscripts can be found on the history page on the IBI website.

Научное издание

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
МЕЖДУНАРОДНОГО БАНКОВСКОГО ИНСТИТУТА

Выпуск № 39
Номер подписки 1(39) 2022

Выпуск содержит материалы научных исследований преподавателей, сотрудников и аспирантов Международного банковского института имени Анатолия Собчака, материалы исследований и работы специалистов и экспертов в области экономики и финансов.

Периодичность выхода журнала – 4 номера в год
Подписной индекс по каталогу «Урал-пресс» 88707

Издательство МБИ
191023, Санкт-Петербург, Невский пр., д. 60
тел. (812) 570-55-04

Подписано в печать
Усл. печ. л. 11,5; Тираж 500. Заказ 1

ISSN 2413-3345

Штрихкод 9 772413 334782

Отпечатано в Типографии «РасЦвет»
188301, Ленинградская обл., г. Гатчина, ул. Рысева, д. 62.
Телефон: +7(906) 255-20-17, +7(921) 551-47-28.

E-mail: rascvet-gtn@yandex.ru
Группа в ВК: <https://vk.com/rascvetgtn>